

У ИСТОКОВ НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ

ЛЮБИТИНО 2002

Ответственный редактор
Академик В.Л. Янин

Составители
В.Я. Конецкий, А.Ю. Иванов

Настоящее издание осуществлено
при финансовой поддержке по гранту
Президента Российской Федерации

От редактора

Методологическая основа этого небольшого сборника сформулирована в статье Е. Н. Носова, В. Я. Конецкого и А. Ю. Иванова в виде емкого – хотя и несколько тяжеловесного – термина *микрорегионалистика*. Сборник излагает результаты многолетних исследований отдельных районов Новгородской земли. Главное же внимание в нем сосредоточено на изучении древностей Помостья и Полужья. Несмотря на более чем столетнюю историю исследования погребальных комплексов и поселений Северо-Запада “роковые вопросы” археологии и сегодня не перестают быть дискуссионными. Какова этническая принадлежность длинных курганов? Какой была социальная эволюция сопок? Как погребали основную массу умерших в период, когда сопки имели ярко выраженный социально-элитный характер? Каковы надежные критерии хронологической стратификации этих древностей? Как соотносились погребальные памятники с конкретными поселениями? Вот лишь небольшая часть проблем, занимающих авторов сборника. И хотя и сегодня “роковые вопросы” не теряют дискуссионного характера (авторы сборника не всегда единодушны в оценках), многое исследованиями последних лет прояснено, в чем легко убедится читателю предлагаемых материалов.

Концентрация внимания на Помостском и Полужском регионе не случайна. Мне, как исследователю древностей Великого Новгорода, давно представляется очевидным, что преобразование догородской рыхлой структуры Новгорода первой половины X в. в собственно город с мощением улиц, рядовой усадебной планировкой, элементами благоустройства, ставшими в дальнейшем традиционными, произошло в середине X столетия в результате походов княгини Ольги на Мсту и Лугу в 947 г., когда подавлением двух мощных центров концентрации населения и присоединением их к

Новгороду исходная податная территория Новгородского государства была увеличена вдвое или втрое.

Особо следует отметить прекрасно обоснованный призыв к охране древних памятников археологии как элемента культурно исторического ландшафта. Ведь, утрачивая их – в результате ли бездумного кладоискательства любителей легкой наживы или в процессе профессионального археологического изучения – мы теряем корни живой связи нынешнего и грядущих поколений с поколениями пращуров, которым мы обязаны собственным существованием.

Академик В. Л. Янин

*Носов Е. Н. (С.-Петербург),
Конецкий В. Я. (Великий Новгород),
Иванов А. Ю. (Любытино).*

КОМПЛЕКС АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ В ДОЛИНЕ Р. БЕЛОЙ В КОНТЕКСТЕ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ¹ (итоги и перспективы изучения)

Заметным явлением в изучении славяно-русских древностей Северо-Запада стала тенденция к “микрорегионалистике”, предполагающая более или менее тотальное изучение древностей небольших конкретных территорий, население которых в древности представляло определенные общности, обусловленные естественно-природными и социальными факторами. Данный подход позволяет представить локальные особенности историко-культурных и социальных процессов, т. е. выйти на уровень конкретных и обоснованных исторических реконструкций, и в тоже время является непременным условием для понимания общих тенденций развития целых регионов, в данном случае Северо-Запада, почти полностью охваченного в средневековые рамки Новгородской земли.

Безусловно, конкретная роль каждой из таких локальных территорий на разных хронологических отрезках была различной. В данной связи, несомненно, привлекает внимание микрорегион расположенный в среднем течении Мсты, в окрестностях современного поселка Любытино, значение которого на рубеже I-II тыс. н. э. явно выходит за рамки Поместья.

В физико-географическом отношении рассматриваемая территория представляет собой часть долины р. Белой - небольшого (немногим более 20 км длиной) притока р. Мсты.

В нижнем своем течении р. Белая, на участке около 10 км от пос. Шереховичи до устья прорезает так называемые “Шереховичские высоты” Тихвинской гряды Валдайской возвышенности и протекает в широком (1-3 км) доледниковом понижении, ограниченном крутыми склонами, покрытыми лесом. Долина р. Белой сложена дерново-подзолистыми и пойменно-аллювиальными почвами и в значительной мере покрыта сосновыми лесами, которые чередуются с более низменными луговыми участками, особенно вдоль небольшой р. Забитницы, также текущей по этой доледниковой долине в р. Мсту.² В центре долины у д. Княжее Село, в 3 км от устья р. Белой, расположено небольшое, одноименное деревенное озеро диаметром около 0,5 км, из которого вытекает ручей, впадающий в р. Забитницу. По происхождению Княжесельское озеро, очевидно, является карстовым.

1. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ. Значительная концентрация археологических памятников в долине р. Белой, казалось бы, давно должна была привлечь серьезное внимание исследователей. К сожалению, это произошло лишь в последние десятилетия, хотя нельзя сказать, что они оставались совсем неизвестными археологам. Данные о древностях входили в научный оборот в виде разрозненных, неполных сведений, чаще всего не согласующихся друг с другом и соотносимых с различными населенными пунктами, а главное не увязанных между собой как памятники одного компактного микрорегиона, по существу единого суперкомплекса. Кроме того, большинство полученных материалов так и остались неопубликованным.

Еще в 1888 г. слушателями Археологического института под руководством Н. Ф. Бранденбурга были проведены раскопки трех сопок в группе при усадьбе Пробужа, близ д. Николаевка. Следует отметить высокий для того времени методический уровень этих работ. В фонде директора Археологического института Н. В. Калачева в ЦГИА сохранился текст доклада В. Н. Коленского с описанием раскопанных насыпей и

тремя схематическими планами. Тогда же участники поездки осмотрели окрестности усадьбы и отметили на расстоянии 2-3 верст наличие 97 различного рода погребальных насыпей, образующих несколько групп. В. Н. Коленский упоминает также о горшке с кальцинированными костями и вещами, вырытом крестьянином у д. Княжее Село и доставленном в Археологический институт Н. И. Еникеевым.³ Сам Н. Н. Еникеев составил записку о раскопках Н. Ф. Бранденбурга для Новгородского общества любителей древностей.⁴ Накануне XV Археологического съезда, который проходил в Новгороде, местным помещиком полковником А. Ф. Товаровым был сделан тщательный глазомерный план курганов у дороги из Любытина в д. Княжее Село, вдоль которой зафиксировано 52 насыпи.⁵ К сожалению, топографическая съемка могильника, где велась работа Н. Ф. Бранденбурга, не была выполнена.

В своде древностей Новгородской губернии И. С. Романцева (1911 г.) были приведены сведения о ряде погребальных памятников района: Белое - 7 и 38 сопки, Пробужа - 47, Лъзички - 13, Николаевка - 20, Брод - 16, Княжее Село - 26, Малышево - 3 и т. д.⁶ Однако факт составления свода на основании опросных листов определил неотчетливость многих данных, а главное привел к дублированию сведений.

В 1912 г. у д. Княжее Село в урочище “Кузница” крестьянами разрывались сопки. Находки собрал местный учитель, и о них было сделано сообщение на заседании Новгородского общества Любителей древностей его членом З. А. Слезкинской.⁷ Затем обнаруженные предметы были переданы на рассмотрение Археологической комиссии.⁸ В 1916 г. сведения о них и фотографии вещей и двух горшков были опубликованы в отчете Археологической комиссии.⁹ Сами материалы поступили в фонды Эрмитажа.¹⁰

В 1928 г. в рамках работ по обследованию археологических памятников Ленинградской области район пос. Любытино посетил В. С. Адрианов. Им была проведена глазомерная съемка сопки и курганов вдоль дорог из пос. Любытино

в Княжее Село и дано краткое их описание. В. С. Адрианов впервые составил сводный план погребальных памятников района, на котором учел 94 сопки и кургана, хотя многое осталось им незамеченным. В группе сопок у д. Бор (ныне восточная часть д. Княжее Село) В. С. Адриановым была частично раскопана полуразрушенная насыпь, достигавшая высоты 2,3 м.¹¹

В 1941 г. Н. Н. Чернягин, по материалам И. С. Романцева и В. С. Адрианова, включил в свод сопок и длинных курганов для рассматриваемого района 5 пунктов (Льзички - 13 сопок, Черезборицы - 1, Малышево - 3 сопки и "вал - длинный курган?", Белое - курганная группа, среди которой есть удлиненные и длинные насыпи).¹² Подобная совершенно произвольная и ни на чем не основанная выборка свидетельствует лишь о том, что Н. Н. Чернягин "не поверил" в столь высокую и необычную концентрацию сопок и курганов близ пос. Любытино (по данным И. С. Романцева и В. С. Адрианова). В результате в своде 1941 г. район при впадении р. Белой в р. Мсту ничем не выделяется среди прочих территорий Помостья. Гораздо полнее материалы В. С. Адрианова использовались для составления каталога курганов Древней Руси X-XIII вв. А. В. Успенская и М. В. Фехнер (1956 г.). Однако, правильно называя пункты, исследовательницы не дифференцировали их по типу погребальных насыпей (сопки, курганы с сожжениями, курганы с труположениями), что снизило значимость свода для понимания историко-археологической ситуации в долине р. Белой.¹³

Начиная с конца 1930-х годов сопки и курганы в окрестностях пос. Любытино, в основном у дороги на д. Николаевка, раскапывались местными краеведами, в первую очередь Е. Н. Корсаковым - учителем, основателем Любытинского музея. Документация работ не велась, некоторая информация об их результатах содержится в паспортах на памятники, составленных в 1949 г.¹⁴ Найденные вещи хранились в местном музее, а после его ликвидации в 1956 г. часть де-

паспортизированных находок была передана в Новгородский музей.¹⁵ Позднее при Любытинской школе благодаря усилиям ее учителей, в первую очередь А. Н. Кобиясова, за счет случайных находок и сборов из разрушавшихся сопок и курганов сформировалась небольшая археологическая коллекция.

В 1959 г. археологические древности в окрестностях пос. Любытино осматривались С. Н. Орловым. Им была проведена паспортизация памятников, составлены графические съемки и краткие обобщенные описания различных групп. К сожалению, С. Н. Орлов не свел все данные воедино, отчего его материалы не дают целостной картины и трудно сопоставимы с планами А. Ф. Товарова, В. С. Адрианова и реальным расположением памятников.¹⁶ В начале 1960-х годов несколько паспортов на памятники Любытинской округи составил боровичский краевед Г. И. Ивановский.¹⁷ В 1965 г. А. В. Куза получил некоторые вещи из разрушенного строителями кургана у дороги из пос. Любытино в д. Николаевка.¹⁸

При составлении сводов сопок (1970 г.) и длинных курганов (1974 г.) В. В. Седов опирался в основном на многочисленную и порой не согласующуюся между собой паспортную документацию Новгородского управления культуры (НОК) и на те сведения из данных И. С. Романцева и В. С. Адрианова, которые в 1941 г. использовал Н. Н. Чернягин.¹⁹ Изъяны исходной документации привели к неточностям и накладкам в отношении разбивки сопок на группы, количества насыпей в них, их привязки к населенным пунктам и т.д. Так, например, при описании пунктов № 246 и № 248 у д. Княжее Село речь идет об одном и том же сопочном могильнике. Городище, упомянутое при характеристике сопок в пункте № 248, на самом деле является длинным курганом, который в описаниях краеведов обозначался как "оборонительный вал". В 1974 г. этот объект по праву был включен В. В. Седовым в свод длинных курганов (№ 226), хотя и привязан, вслед за Н. Н. Чернягиным, к совсем иным насе-

ленным пунктам (Белое, Лъзички и Николаевка). Сопки у д. Лъзички (№ 260) дублируют группы сопкок у пос. Любытино (№ 255 и № 257), а сопки у д. Николаевка (№ 251) фактически являются сопками близ усадьбы Пробужа, которые в тексте свода В. В. Седов считает невозможным относить к данной категории памятников и в каталог не включает.²⁰ Пункт № 255, учтенный как длинный курган, является валом городища Малышево и т. д. При всех этих неточностях свод сопкок В. В. Седова, в отличие от свода Н. Н. Черныгина, показал многочисленность данной группы древностей близ пос. Любытино (учтено 14 пунктов).

В 1978 г. в ходе работ по подготовке “Свода памятников истории и культуры Новгородской области” несколько групп курганов и сопкок в районе пос. Любытино осмотрел Г. Н. Пронин. Уникального характера комплекса памятников исследователь, преследуя цели скорейшего формального составления паспортов, к сожалению, не оценил. Полного учета даже известных древностей микрорегиона Г. Н. Пронин не предпринял. Им были произвольно выхвачены из общего контекста древностей несколько групп памятников на которые были составлены паспорта – погребальные сооружения между деревнями Брод и Княжее Село и у дороги от урочища “Кузница” к бывшей усадьбе Пробужа. Исследователь, вопреки элементарной “археологической логике”, счел длинный курган в составе могильника у д. Княжее Село – Любытино (вытянутый по бору вдоль дороги) “неясной насыпью валообразной формы, истинные размеры которой определить трудно”, и не включил его в снятый план комплекса, тем самым отказав в праве на существование уникальнейшему для всего Северо-Запада России длинному кургану. Г. Н. Пронин составил также паспорта на три селища: первое в пойме р. Белой выше д. Брод, второе - на поле рядом с сопками у дороги от Княжесельского озера к д. Николаевка, третье - в д. Княжее Село у сопкок при выезде на д. Кремница. По его данным, на поселениях присутствовала позднес-

редневековая гончарная керамика XIII-XVI вв., в подавляющем большинстве белоглиняная, но наряду с этим во всех случаях под вопросом определялась и лепная, и гончарная керамика, синхронная сопкам и курганам.²¹ В коллекции с этих селищ, сданной Г. Н. Прониным в Новгородский музей, лепная и раннегончарная керамика отсутствуют, что, несомненно, не случайно. Наши многолетние неоднократные поиски показали, что коллекцию Г. Н. Пронина пополнить ранними материалами, чтобы привести в соответствие с его полевым отчетом и паспортами, никак нельзя, поскольку никаких ранних материалов, синхронных окружающим погребальным памятникам на указанных Г. Н. Прониным участках, просто нет, а наличие ранней керамики составителем паспортов просто “придумано” для их научной весомости при последующей оплате в органах охраны памятников. Сейчас, по прошествии более двадцати лет, работы Г. Н. Пронина никак нельзя оценить иначе, чем “археологическая халтура”, под маркой головного археологического центра страны.

Начиная с 1972 г. авторы данной статьи в течение ряда лет вели различного рода обследования в районе пос. Любытино, в том числе, в связи с подготовкой документации для организации здесь археологического заповедника.²² Впервые было открыто городище в устье р. Белой и примыкающие к нему селища, селища в дд. Брод и Княжее Село, селище с сетчатой керамикой на берегу Княжесельского озера, ряд сопкок и курганов, уточнены и проверены сведения обо всех памятниках долины р. Белой. В группе древнерусских памятников у д. Черезборицы в 1976 г. Е. Н. Носовым проведены раскопки (исследовано 5 курганов с труположениями в могильных ямах)²³. Обследования по левому берегу р. Белой были продолжены им в 1987 г. и тогда же впервые были сняты инструментальные планы расположенных здесь археологических древностей²⁴. Одновременно, в 1987 г., В. Я. Конецкий заложил разведочный раскоп на городище в устье р. Белой²⁵.

С 1994 года исследования в окрестностях пос. Любытино проводит Областная археологическая экспедиция Новгородского Государственного университета под руководством В.Я. Конецкого, в составе которой работает отдельный отряд (руководитель А. Ю. Иванов). Целью работ экспедиции является комплексное и планомерное изучение древностей района с ориентацией на предельную сохраняемость исторического ландшафта. Практически это означает, что раскопки носят, прежде всего, охранный характер, т. е. исследуются преимущественно памятники, которым грозит уничтожение в результате хозяйственной или иной деятельности.

За время работы экспедиции исследования проводились на ряде памятников. В 1994 г. было вскрыто 140 кв. м. на поврежденном при проведении дорожных работ позднесредневековом селище, расположенном на восточном берегу Княжесельского озера. Исследованный участок непосредственно примыкал к урезу воды, вследствие чего в прибрежной торфяниковой части хорошо сохранились органические остатки, что является уникальным для сельских средневековых памятников, в том числе - бревна от срубов. Немногочисленные находки представлены фрагментами белоглиняной керамики и предметов хозяйственно-бытового назначения из железа, дерева и глины²⁶. По керамическому материалу и результатам предварительного дендрохронологического анализа памятник датируется концом XVI - нач. XVII вв.

Начиная с 1995 г., постоянным объектом исследований экспедиции становятся погребальные памятники культуры длинных курганов. Всего за прошедший период было раскопано 5 курганов²⁷. Выбор объектов во многом определялся охранными целями. В результате охранных раскопок вдоль дороги Брод-Княжье Село был выявлен ряд грунтовых погребений, расположенных параллельно линии курганов.

В число исследованных погребальных памятников входит так же курган с погребением по обряду труположения рубежа XI-XII вв. в могильнике у д. Черезборицы²⁸.

С 1997 г. главным объектом работ с перспективой длительного исследования стало городище у д. Мальшево, на котором была вскрыта значительная площадь и произведена прорезка вала. Совокупность полученных данных позволяет поставить вопросы о месте этого городища в системе памятников микрорегиона на рубеже I-II тыс. н. э. и наметить предварительные варианты их решения²⁹.

Важным направлением исследований в долине р. Белой является продолжение выявления новых памятников. За последние годы удалось обнаружить около десятка новых насыпей, принадлежащих культурам сопок и длинных курганов. Так большой интерес представляет скопление одиночных сопок у пос. Шереховичи (с учетом, не сохранившихся до нашего времени, не менее 5), а так же группа сопокообразных насыпей у д. Кремница. Однако наиболее актуальным представляется поиск остатков древних поселений, выявленных в гораздо меньшей степени, чем синхронные им погребальные древности. Принципиальное значение в данном вопросе имеет освоение и внедрение в исследовательскую практику метода фосфатного анализа, которое произошло благодаря длительному (с 1995 г.) сотрудничеству с Университетским колледжем г. Висбю (Швеция). С помощью данной методики удалось обнаружить и установить границы нескольких селищ культур длинных курганов и сопок (Квасильниково, Моровское, Княжье Село, урочище "Мельница" и др.)³⁰.

2. РЕЗУЛЬТАТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ. В культурном отношении древности долины реки Белой не являются однородными. Далее мы предлагаем характеристику памятников этой территории исходя из выделяемых археологических культур и культурно-хронологических пластов. При этом, исходя из конкретных условий рассматриваемого микрорегиона, дается оценка их изученности и определение наиболее перспективных направлений дальнейших исследований.

2.1. Древности раннего железного века. В настоящее время древности раннего железного века на территории Новгородской области изучены крайне недостаточно. Обобщающие работы, за исключением единственной небольшой статьи С. Н. Орлова³¹, отсутствуют. Имеющиеся данные позволяют относить памятники конца I тыс. до н. э. - начала I тыс. н. э. в Приильменье и, конкретно, в Помостье, к кругу древностей, характеризующих текстильной керамикой, и рассматривать их как некий периферийный вариант, связанный, прежде всего, с дяковской культурой. В первые века н. э. Приильменье, как и западная часть Волго-Окского междуречья, переживает единые культурные процессы, выразившиеся в появлении на данных территориях элементов культуры, имеющих средне- и верхнеднепровское происхождение (керамика типа "среднего слоя Тушемли", грузики дякова типа и т. д.)³².

В долине реки Белой в настоящее время известны два селища с сетчатой керамикой. Одно из них находится на берегу Княжесельского озера. Культурный слой памятника сохранился плохо, очевидно он и изначально имел небольшую мощность. Селище исследовалось путем сбора подъемного материала и закладки небольших шурфов, что делает затруднительным более детальную характеристику.

Любопытна топографическая привязка памятника, аналогичная по ситуации, селищам хронологически следующей культуры длинных курганов. Это, в определенной степени является аргументом в пользу близости типа хозяйства этих общностей.

Другое селище расположено в районе Малышевского городища. При раскопках этого памятника отмечены несколько фрагментов сетчатой керамики, хотя комплексы раннего железного века на вскрытой территории, безусловно, отсутствуют. В 2001 г., при прорезке вала городища, была также собрана небольшая коллекция сетчатой и синхронной ей грубой лепной керамики с примесью очень крупной дресвы в тесте. Очевидно, она попала в вал вместе с грунтом, кото-

рый брался с напольной стороны. Таким образом, в настоящее время можно предположительно локализовать остатки селища на участке коренного берега реки Белой, несколько ниже по течению, чем городище. При этом не исключена возможность, что в еще не исследованной западной части площадки городища могут быть выявлены сохранившиеся комплексы раннего железного века.

Ближайшие перспективы в изучении данного пласта памятников видятся в выявлении новых селищ с сетчатой керамикой. Однако, процесс этот крайне сложен, а результаты, чаще всего, могут быть лишь случайными. Данное обстоятельство связано с тем, что в отличие от остатков поселений более позднего периода, селища с сетчатой керамикой не маркированы внешне выделяющимися погребальными памятниками. Поэтому, определяя наиболее перспективные места поиска, следует обращать внимание на топографическую ситуацию. В данной связи, наиболее перспективными для поиска представляются участки коренных берегов реки Белой в местах, где к ним примыкают обширные пойменные террасы, которые могли бы служить кормовой базой для ведения животноводческого хозяйства. Еще один "обходной", но достаточно надежный путь - исследование поселений хронологически последующей культуры длинных курганов. В основании этих селищ, как показывает опыт работ и на Северо-Западе в целом, и, конкретно, в Приильменье, нередко лежат слои раннего железного века.

2.2. Культура длинных курганов (далее КДК). Памятники, связанные с соответствующей культурно-исторической общностью, распространены на обширных пространствах Северо-Запада и при этом характеризуются единством погребального обряда и типов бытового инвентаря. Они появляются с середины-конца V века, расцвет данной общности приходится на третью четверть I тыс. н. э., а верхняя граница весьма расплывчата. Однако, для некоторых пунктов все же можно говорить даже о X в.

Погребальные памятники КДК представлены количественно преобладающими полусферическими насыпями, обычно диаметром до 10-12 м и высотой до 1 м. Более высокие (высотой до 2 м) курганы встречаются достаточно редко. Наряду с полусферическими насыпями в могильниках нередко встречаются и удлиненные валообразные курганы, по которым культура и получила свое название. Их ширина и высота сопоставима с соответствующими размерами полусферических, а длина в несколько раз превышает ширину. Известны насыпи подпрямоугольных в плане очертаний, хотя порой точную картину здесь могут дать лишь раскопки. Вокруг основания курганов часто прослеживаются ровики. Размеры могильников варьируют от единичных насыпей до крупных массивов с числом курганов до сотни и более. При этом две трети всех могильников насчитывают до десятка насыпей.

Наряду с погребениями в курганах, для данной культуры свойственны и бескурганные грунтовые захоронения, sporadически фиксируемые при раскопках, затрагивающих межкурганные пространства.

Могильники КДК располагаются на возвышенных участках, где почвенный покров состоит из песков и легких супесей, чаще всего, занятых сосновыми борами, нередко вдоль существующих до настоящего времени дорог. Расстояние от водоемов, на берегах которых находятся соответствующие могильникам селища, бывает значительным (до 1-1,5 км и более).

В долине реки Белой имеются два крупных могильника КДК, каждый из которых насчитывает до 40 насыпей. Один из них расположен на левом берегу реки Белой, вдоль дороги Малышево-Квасильниково. Особенности рельефа (ложбинами) он разбивается на четыре локальных группы, насчитывающих, соответственно 10, 9, 16 и 2 насыпи, причем для последнего скопления можно с уверенностью говорить, что какое-то количество низких курганов, располагавших-

ся здесь, было уничтожено распашкой. Единство данного комплекса доказывается тем, что все входящие в него группы связаны с одним селищем.

Другой погребальный комплекс находится на противоположном (правом) берегу реки. Он примыкает к Княжесельскому озеру и вытянут вдоль дороги Княжее село - Брод. Поскольку рельеф данного участка достаточно ровный, курганы образуют практически единый массив.

Наличие крупных могильников позволяет поставить вопрос о характере изменения форм курганных насыпей во времени, что имеет значение не только для понимания памятников в долине реки Белой, но и для изучения КДК в целом. Направления, по которым росли могильники, определяется легко, поскольку известны места соответствующих им поселений. Таким образом, древнейшими курганами, безусловно, являются ближайшие к селищам, а наиболее удаленные - самыми поздними. Анализ форм насыпей в обоих могильниках позволяет говорить если не о единой, то, во всяком случае, весьма сходной тенденции развития их во времени¹³.

Древнейший этап характеризуется наличием круглых и подпрямоугольных (с отношением длины к ширине не более чем 2:1) в плане насыпей, при высоте от 0,6 до 2-3 м. Отличительной особенностью данной стадии является отсутствие явно выраженных ровиков вокруг основания насыпей.

Следующему, среднему этапу свойственна наибольшая вариативность форм - круглых, подпрямоугольных, а так же собственно длинных и круглых плоских насыпей большого диаметра. Высота курганов колеблется в пределах от 0,5 до 2 м. Данная стадия в могильнике у Княжесельского озера знаменуется созданием самой длинной насыпи в ареале-все КДК. Ее длина достигает 165 м.

Поздний этап развития форм насыпей характеризуется присутствием только полусферических курганов, при этом их высота варьирует в широких диапазонах от полуметра до нескольких метров в высоту. Отличительной чертой этих

насыпей является наличие мощных рвов вокруг их оснований, в результате чего памятники воспринимаются более значительными, чем они есть на самом деле. В археологической литературе подобные насыпи часто обозначаются как “боровые сопки”.

В долине реки Белой фиксируется ряд могильников КДК, где представлена лишь данная стадия. Это такие памятники как Моровское, в урочище “Мельница” и др. К сожалению, подобные курганы изучены еще крайне недостаточно не только на рассматриваемой территории, но и на Северо-Западе в целом.

В 1995-1999 гг. экспедицией НовГУ в могильнике Малышево-Квасильниково было исследовано 5 насыпей. Четыре из них находились во втором скоплении и располагались в непосредственной близости друг от друга. Тщательная методика раскопок позволила выявить в ряде из них следы деревянных конструкций, представлявших собой остатки каких-то сооружений типа небольших срубов или вымосток в центральных частях насыпей, а так же квадратных обносков из бревен по периметру. Таким образом, следует признать, что, по крайней мере, часть насыпей, воспринимаемых ныне как полусферические, имела в момент сооружения квадратную в плане форму и представляла собой сложные деревоземляные конструкции³⁴. Значение данных работ определяется тем, что подобные конструкции за последние годы начинают выявляться и на других территориях. Это создает новые перспективы для понимания погребального обряда КДК в целом.

Немногочисленность инвентаря и украшений, найденных в курганах могильника Малышево-Квасильниково не позволяет точно датировать исследованные погребения, которые формально должны быть отнесены ко всему времени бытования данной культуры (т. е. втор. пол. I тыс. н. э.). Несколько особняком в данной связи стоят находки из плоского кургана большого диаметра исследованного в 1995 г. Данная насыпь относится к средней фазе формирования могильника.

Вещевой комплекс из этого кургана включает в себя браслет с расширяющимися, сегментовидными в сечении концами, украшенными орнаментом из двойных перекрещивающихся линий; квадратную накладку от головного венчика с загнутыми противоположными краями и выпуклиной в центре, а так же бляшки скорлупки. Весь этот набор представлен в нижнем ярусе сопки у д. Рельи в Верхнем Полужье³⁵. Однако там, наряду с отмеченными находками, представлены предметы, относящиеся к последним векам I тыс. н. э., что является некоторым основанием для уточнения хронологической позиции исследованного нами кургана. В целом же, дальнейшее изучение насыпей КДК в долине реки Белой могло бы иметь большое значение для построения хронологической шкалы древностей данной культуры в целом, поскольку насыпи в рассматриваемых могильниках имеют относительную хронологию.

И все-таки, наиболее слабым звеном в изучении КДК является существенное отставание в исследовании поселенческих древностей на фоне погребальных. Перспективы изучения остатков поселений данной культуры в долине реки Белой представляются весьма заманчивыми. Прежде всего, здесь известно селище, соответствующее могильнику Малышево-Квасильниково (в комплексе у Княжесельского озера остатки поселения, очевидно, в основном уничтожены в результате хозяйственной деятельности, селище же у деревни Квасильниково, поскольку оно расположено на слабом склоне, в значительной мере перекрыто наносами). Культурный слой там имеет не только хорошую сохранность, но, вероятно, в какой-то мере, и стратифицирован, что обусловлено вышеотмеченной топографической особенностью.

Кроме того, буквально в нескольких сотнях метров от данного памятника, на другом берегу ручья, находится еще одно небольшое селище, составляющее единый комплекс с курганным могильником Моровское, который, как уже упоминалось, принадлежит к поздней стадии существования

КДК. Изучение однослойных памятников узкого хронологического диапазона имеет большое значение для изучения КДК в целом.

В целом, оценивая значение исследования памятников КДК рассматриваемой территории для понимания возможных вариантов хода культурных процессов во втор. пол. I тыс. н. э. на Северо-Западе, подчеркнем следующие моменты. Как уже отмечалось, особенностью долины реки Белой, в отличие от многих иных мест, является длительность проживания здесь носителей культуры КДК. Судя по всему, традиции данного населения отчетливо сохранились даже в X в., о чем можно судить по формам некоторых предгончарных, или подправленных на круге, сосудов, хранящихся в фондах Любытинского музея.

В настоящее время, имеющаяся совокупность данных позволяет с наибольшей вероятностью считать рассматриваемую культуру принадлежащей в значительной части дославянскому, соответственно финно-угорскому, населению. Таким образом, долина реки Белой предстает зоной длительных межэтнических контактов.

2.3. Культура сопок (далее КС). Данный пласт древностей, характерный для Северо-Запада в конце I тыс. н. э., представлен в долине реки Белой исключительно ярко. Рассматриваемая культура получила свое название от сопок - высоких погребальных насыпей, широко распространенных на территории бассейнов рек, связанных с озером Ильмень, а так же в некоторых смежных районах. Несмотря на более чем вековую историю их изучения, сопки остаются во многом загадочными для исследователя. Данные памятники характеризуются сложным внутренним строением. Для многих насыпей, исследованных за последнее время по современной методике, выявляются индивидуальные особенности. Тем ни менее, можно говорить о ряде общих признаков, позволяющих видеть в сопках определенную историко-культурную целостность.

Кроме внешних общих черт (размеров, формы насыпи, топографической привязки, характера могильников) фиксируемых без раскопок, речь может идти и об определенном внутреннем структурном единстве. В данной связи обращает на себя внимание немногочисленность погребений, на первый взгляд странная для столь гигантских сооружений. При этом погребения тяготеют к верхнему ярусу насыпи. Таким образом, сопки не могут рассматриваться как памятники, содержащие останки всех членов соорудивших их коллективов.

Безусловной особенностью сопок является сложная организация внутреннего пространства (четко выделенные ярусы - обычно три - с нередкими каменными конструкциями на каждом из них, наличие вертикальной оси), что позволяет признать за сопками не только погребальные, но и сакральные функции.

Обычно сопки располагаются в одиночку или небольшими группами (до 3-5 насыпей). Более крупные могильники встречаются крайне редко. На этом фоне долина реки Белой, где на небольшой территории сосредоточено свыше сотни монументальных насыпей, частично объединенных в крупные группы, представляет собой уникальное явление. В один ряд с ним могут быть поставлены буквально единичные скопления сопок, как, например, в окрестностях Старой Ладогои или в районе д. Городище Сандовского района Тверской обл.

Современная характеристика культуры сопок невозможна без определенного дополнительного комментария. Дело в том, что любая археологическая культура представляет собой сложную структуру, состоящую из целого ряда элементов, каждый из которых имеет собственные истоки, динамику роста и механизмы функционирования. При оценке КС, в историографии, вплоть до настоящего времени, нередко имеет место поверхностный подход (выражаемый более или менее явно, а чаще, просто предполагаемый как сам собой

разумеющийся), связывающий данную общность исключительно с сопочным обрядом. На практике это выражается в признании хронологии сопок, датированных обычно VIII-X в., справедливой и для культуры в целом. Однако объективный анализ данных по сопкам показывает, что насыпи, поддающиеся более-менее точному датированию, в рамках последних столетий I тыс. н. э., относятся к IX-X, либо к X вв. более ранние даты (VIII в.) возможны лишь для нескольких памятников в районе Старой Ладogi, причем и в этом случае некоторые исследователи полагают, что здесь мы имеем дело не с собственно сопками, а с особыми курганами, досыпанными в более поздний период³⁶.

Острота проблемы заключается в том, что культура сопок в современной историографии выступает как первая достоверно славянская культура на Северо-Западе, в связи с чем вопрос о ее нижней границе приобретает принципиальное значение.

В настоящее время получены данные, что хозяйственно-культурный комплекс, свойственный носителям КС, в основе своей фиксируется на ряде памятников Северо-Запада с конца третьей четв. I тыс. н. э., т. е., очевидно, с рубежа VII-VIII - перв. пол. VIII вв. Как именовать этот пласт древностей не имеет принципиального значения. Можно называть его досопочным этапом КС или "предсопочной культурой" - необходимо лишь иметь в виду, что появление в лесной зоне Восточной Европы и, в частности, на Северо-Западе, населения, экономика которого базировалась на пашенном земледелии, может абсолютно логично интерпретироваться, в историческом плане, как результат славянской миграции из более южных районов³⁷.

На рассматриваемой территории наибольший интерес, в рамках досопочной, раннеславянской проблематики, представляет городище, расположенное в устье реки Белой. Культурный слой памятника в значительной мере был поврежден при устройстве парка и строительстве усадьбы. Стационар-

ные раскопки здесь пока не велись. Единственные материалы, происходящие с этого городища, были получены в 1987 г. из разведочного раскопа площадью 24 кв. м. Наличие в составе керамического комплекса форм архаичных на обычном для КС фоне, позволяет предполагать здесь наличие слоев, относящихся к эпохе первоначального заселения славянами долины реки Белой.

Следует заметить, что подобная модель освоения славянами новых территорий, когда пришельцы первоначально, еще в досопочный период, закреплялись на городищах, а затем оставляли их и расселялись по ближайшей округе, неоднократно реализовывалась на коренных территориях будущей Новгородской земли, как к западу, так и к востоку от линии Волхов-Ловать³⁸.

Что же касается оценки собственно сопок долины реки Белой, то их понимание возможно лишь на фоне всего пласта этих древностей. В настоящее время наиболее обоснованной представляется точка зрения, согласно которой сопки расцениваются как специфические для Северо-Запада сакрально-погребальные насыпи связанные с верхушкой общества конца I тыс. н. э. Сопки как особый культурно-исторический феномен впервые появляются в зоне интенсивных славяно-скандинавских контактов в районе Старой Ладogi. Исходно, в их основе лежит, перенесенная из Скандинавии идея социально престижных сакральных курганов, получившая новое развитие на славянской почве³⁹.

Ладожские сопки, ставшие местами захоронения представителей новых социальных групп, как указывали еще исследователи конца XIX в., дали начало одной из традиций возведения на Руси дружинных курганов. Они же, как престижные памятники, сакральные объекты, были восприняты сельской общинной верхушкой славян в Приильменье. В X в. сопочный обряд распространяется на обширных пространствах Северо-Запада в районах, составивших позднее коренную территорию Новгородской земли.

Вместе с тем, очевидно, следует согласиться с мнением тех исследователей, которые считают, что в отдельных случаях происходит определенная десакрализация сопочного обряда, т. е. эволюция от “языческих храмов” к памятникам с преобладающими погребальными функциями⁴⁰. Археологически это находит выражение в появлении крупных сопочных могильников, где присутствуют насыпи меньших размеров с более простой конструкцией. На языке истории данный процесс может быть описан как восприятие обычая сооружения монументальных насыпей не только единичными лидерами соответствующих социальных структур, но и верхушкой общества в целом. Вышесказанное, безусловно, актуально для рассматриваемой территории, где, как уже говорилось, имеются необычайно крупные сопочные могильники.

Существующий на настоящий момент объем информации, полученный при исследовании сопки долины реки Белой, к сожалению, весьма невелик. Собственно говоря, планомерные научные раскопки этих памятников до настоящего времени не проводились и коллекции находок конца I тыс. н. э., происходящие из сопки Любытинской округи и хранящиеся в Государственном Эрмитаже, Новгородском, Любытинском и Боровичском музеях, сформировались либо в результате случайных земляных работ, либо были получены при непрофессиональных раскопках предпринимавшихся в 30-50-е гг. XX в. учителями Любытинской школы с целью пополнения фондов музея. Естественно, что какая-либо документация при этом полностью отсутствует. В отдельных случаях можно говорить о более-менее целостных комплексах, но привязка их к конкретным памятникам невозможна. Состав инвентаря из этих коллекций, в целом, свойствен сопкам. Он характеризуется незначительным объемом, немногочисленностью типов, к тому же многие предметы из цветных металлов и стекла (бусы) утратили первоначальную форму и не пригодны для типологического анализа. Наибо-

лее частой находкой являются железные ножи разных типов, в том числе представлен, выделяющийся размерами, экземпляр боевого кинжала или жертвенного орудия. Среди женских украшений встречаются бронзовые спирали-“накосники”, перстнеобразные височные кольца, стеклянные бусы. Коллекция глиняной посуды представлена почти двумя десятками лепных горшков, а так же одним раннегончарным сосудом, использованным в качестве погребальной урны. В качестве уникальной находки отметим фрагмент кольчужного плетения (остатки кольчуги?), найденные в сопке в урочище “Кузница”, что, по мнению А. Н. Кирпичникова, является самой древней находкой такого рода на территории Восточной Европы⁴¹. Здесь же можно упомянуть накладку от пояса, имеющую раннесалтовские аналогии⁴².

Единственный случай, когда мы располагаем хоть какой-то информацией об устройстве сопки, связан с работами Н.Е. Бранденбурга в 1888 г. Эти материалы остались неопубликованными, графическая документация не сохранилась, либо отсутствовала изначально. Пропали и сами находки. Тем не менее, анализируя текст отчета, можно сделать некоторые выводы.

Раскопкам были подвергнуты три насыпи в урочище “Пробужа”. Во всех случаях, верхние их части копались на снос, а нижние просто перерезались траншеей, поэтому объективно можно судить лишь о первых. Сопки были аналогичны по устройству, но наиболее выразительные материалы были получены в насыпи № 1. На ее вершине, почти сразу под дерном, было найдено 9 урновых погребений по обряду кремации, 7 из которых сопровождались вещевым инвентарем. Из числа последних, в пяти присутствовали женские украшения. Основным было мужское погребение. В описании сопровождавшего его инвентаря опознаются поясной набор, ледоходные шипы, железное навершие плети и нож. Данный вещевой комплекс является уникальным по совокупности находок, каждая из которых, так или иначе, соотно-

сится с высшей социальной (формально можно сказать - дружинной) средой, с присущим последней определенным скандинавским культурным контекстом.

Половой состав погребенных в данной сопке не отражает нормальной демографической ситуации. Кроме того, имеет место жесткие различия в имущественном, а следовательно и социальном, статусе погребенных (наличие наряду с основным богатым и безинвентарных погребений). Всё это позволяет интерпретировать, по крайней мере, часть погребений (это относится как к безинвентарным погребениям, так и к части малоинвентарных), как сопровождающие, дополнительные для основного. Подобная тенденция, хотя и в ослабленном виде, справедлива и для двух других сопок. Все это в полной мере соотносится с рассмотренной выше социальной интерпретацией сопочного погребального обряда.

При оценке общей социальной ситуации в долине реки Белой уже более десяти лет назад было высказано мнение, что фиксируемая здесь концентрация памятников КС не может быть связана лишь с благоприятными естественно-географическими условиями, а отражает становление местного центра, опирающегося на экономический потенциал гораздо более обширной территории⁴³. Иначе говоря, была выдвинута гипотеза о существовании здесь некоей протогосударственной структуры.

За прошедший период были сделаны некоторые наблюдения, позволяющие конкретизировать данное положение. Так, вызывает сомнение, предполагавшееся ранее наличие в данном микрорегионе общего поселенческого центра (в виде городища) к которому бы тяготели крупные сопочные могильники. Из имеющихся в долине реки Белой укрепленных поселений Малышевское городище, как будет показано далее, возникает в иной исторической ситуации. Что же касается уже упоминавшегося городища в устье реки Белой, наличие здесь соответствующих материалов конца I тыс. н. э. нуждается в дополнительном обосновании. И, кроме того,

уже в самое последнее время были выявлены селища соответствующие крупнейшим группам сопок в урочищах "Попова Бориха", "Козино" и "Пробужа".

Для характеристики социальной структуры, центром которой была долина Белой, представляется важным тот факт, что соответствующее среднестинское скопление сопок с обоих концов "запирается" городищами. Одно из них располагается у бывшей деревни Наволок (примерно в 20 км от Любытино вниз по течению Мсты), другое - у д. Городок (в 8 км вверх по течению).

Отсутствие на вышеупомянутых памятниках четко выраженного культурного слоя при безусловном наличии лепной керамики, свидетельствует об использовании их в конце I тыс. н. э. Расположение городищ на участках неудобных для ведения хозяйственной деятельности заставляют предполагать, что их функции были, прежде всего, контрольными и оборонительными. Из этого следует вывод, что "местное княжение" с центром в долине реки Белой обладало достаточно высоким экономическим потенциалом и степенью организации власти, чтобы охранять и защищать свои рубежи.

Дальнейшие раскопки памятников конца I тыс. н. э., могущие проиллюстрировать развитие КС, представляют для долины Белой особый интерес, поскольку, как уже говорилось, значение этих выводов отнюдь не ограничивается пределами данного микрорегиона. На данный момент, наиболее актуальными направлениями изучения социальных структур славянского населения Северо-Запада рубежа I-II тыс. н. э., его этнических и культурных связей, является исследование поселенческих древностей. В качестве первоочередных объектов такого рода следует считать уже упоминавшиеся селища между пос. Любытино и д. Николаевка, открытые осенью 2001 г. Раскопки собственно сопок на ближайшие годы явно отодвигаются на второй план. Помимо сугубо исследовательских факторов это обуславливает-

ся необходимостью сохранения монументальных сопочных насыпей как важнейшего элемента исторического ландшафта. Для долины реки Белой его сохранение является важнейшей общественной и культурной задачей, значение которой подчеркивается фактом создания здесь археологического заповедника. Тем не менее, возможности изучения сопок, причем не в ущерб заповеднику, а, наоборот, с учетом его интересов все же существуют. На ряде памятников, имеющих плохую сохранность, в результате тех или иных разрушений, не только возможны, но и желательны охранные раскопки с последующей реконструкцией первоначальных форм насыпи. Подобное археологическое моделирование, кроме ландшафтообразующих последствий, представляет интерес и в научном плане, поскольку позволяет более наглядно представить экономический потенциал и материальные возможности изучаемого общества. Наиболее привлекательными памятниками, нуждающимися в доисследовании, являются насыпи, которые копал Н. Е. Бранденбург. Останцы этих сопок хорошо опознаются в соответствующих могильниках и их раскопки на снос (с последующим восстановлением), безусловно, добавят новую информацию к интереснейшим данным, полученным в 80-е гг. XIX в.

2.4. Древнерусские памятники. Следующий по времени пласт древностей в долине реки Белой соотносится с древнерусским периодом. Использованию термина “древнерусская культура” в системе понятий славяно-русской археологии присущи некоторые особенности, на которых необходимо остановиться для ясности дальнейшего изложения. Чаще всего для Северо-Запада хронологические границы этого понятия обозначаются как XI-XII или XI-XIII вв., но при этом подразумевается, что речь идет главным образом о домонгольском периоде. Нижний рубеж (XI в.) при таком подходе означает, естественно с известной степенью приближенности, начало массового распространения новых явлений, отмечающих культурную специфику данного периода. С фор-

мально-типологической точки зрения речь может идти о смене погребального обряда (замене кремаций на ингумации), переходе от лепной керамики к гончарной, сложении нового типа женского убора и т. д.

Наряду с этим, возможно (и оно существует) более широкое толкование древнерусской культуры, в ее археологическом выражении, как производной от раннегородских центров, в которых она и формировалась, представляя собой сплав различных по происхождению элементов. Но поскольку сложение раннегородских центров, так или иначе, связано с установлением государственности, то, в этом случае, нижняя хронологическая граница древнерусской культуры должна быть опущена с включением в нее, по крайней мере, X в. На самом деле, оба указанных подхода не являются взаимоисключающими, поскольку установить четкий рубеж в динамично протекающем сложном и многогранном процессе невозможно. К тому же, по целому ряду параметров, древнерусская культура Северо-Запада является продолжением культуры сопок, что позволяет некоторым исследователям определять последнюю как “преддревнерусскую”, имея в виду не только хронологические, но и генетические аспекты⁴⁴.

Вместе с тем, невозможно оспорить факт, что степень влияния новых социокультурных импульсов в разных случаях будет различной. Это, в свою очередь, предполагает возможность сосуществования, в течение какого-то периода, памятников, которые можно отнести к разным культурным традициям.

Исходя из вышеизложенного, мы включаем в число древнерусских памятников долины реки Белой комплекс памятников у д. Малышево, отразивший процесс о государственности данной территории, хотя оно, по всей видимости, и синхронно целому ряду комплексов упоминавшихся ранее при рассмотрении культуры сопок.

В состав Малышевского комплекса входят городище, селище, примыкающее к нему с напольной стороны и остат-

ки могильника с курганными захоронениями по обряду кремации и ингумации.

Городище располагается на отроге коренного берега реки Белой и защищено, с напольной стороны, дугообразным валом длиной 85 и высотой до 3 и более метров. Размеры площадки городища составляют 65 x 75-90 м. Культурный слой на памятнике незначителен. На большей части площадки он уничтожен распашкой. Лишь на отдельных участках, прежде всего ближе к валу, непотребоженные напластования составляют 0,1-0,15 м. С 1997 г. городище стало основным объектом работ Областной археологической экспедиции НовГУ. За прошедший период на памятнике была исследована площадь более 800 кв. м. и произведена прорезка вала. Раскопки показали, что постройки и иные сооружения располагались на площадке городища неравномерно. В центральной его части какие-либо материковые ямы отсутствовали, а вся застройка тяготела к предвальной зоне. Незначительный культурный слой, отложившийся в течение небольшого промежутка времени, обусловил и малое количество находок, представленных, прежде всего, предметами, связанными с хозяйственно-ремесленными и, видимо, военными занятиями - ножами, фрагментами тиглей, кресалом, а так же наконечником дротика и обломком лезвия топора. Среди женских украшений - стеклянные бусы разных типов и спиральный перстень. Керамика, относящаяся ко времени функционирования городища, почти исключительно лепная и принадлежит к обычным для Северо-Запада типам. Фрагменты раннегончарных сосудов буквально единичны.

При характеристике хозяйственной деятельности и социального облика обитателей городища интересен факт отсутствия глиняных пряслиц, составляющих при раскопках поселений весьма массовую категорию находок. На Малышевском городище найден лишь один фрагмент шиферного (?) пряслица - находка для этого времени достаточно редкая.

Время отложения культурного слоя на городище, исходя из количественного соотношения лепной и гончарной керамики, а так же типов бус, должно быть определено в рамках X в., ближе к его середине. При этом, незначительность культурных отложений говорит о непродолжительном, возможно, лишь в несколько десятков лет, периоде его заселения.

Прорезка вала городища показала наличие здесь в древности мощных фортификаций, представляющих собой сложную деревоземляную конструкцию, принадлежащую к типу так называемых жилых клетей. Укрепления Малышевского городища были воздвигнуты одновременно, какие-либо следы их этапных перестроек отсутствуют. Деревянные стены погибли в большом пожаре, причем следы горения прослежены не только в траншее, перерезавшей вал, но, так же, на двух участках раскопа, наиболее приближенных к основанию вала. Попутно заметим, что этот пожар, видимо, не был связан со штурмом. Каких-либо следов последнего в материалах раскопа пока не отмечено.

Отсутствие этапности в "жизни" укреплений и факт их гибели в пожаре позволяют считать, что они существовали в течение сравнительно небольшого отрезка времени, меньше, чем потребовалось бы для гниения древесины, соприкасающейся с грунтом, т. е., как представляется, не более нескольких десятков лет.

Весьма важно выяснение хронологического соотношения времени начала селитьбы на Малышевском комплексе, и момента сооружения укреплений, поскольку от этого зависит историческая интерпретация данного исторического комплекса. Теоретически, здесь возможны два варианта ответа: либо деревоземляная стена охватила раннее существовавшее поселение (или отрезала его часть), либо строительство фортификаций стало начальным и ключевым моментом в возникновении данной поселенческой структуры. Имеющиеся данные заставляют однозначно принять последний вариант.

Для площадки городища, как уже говорилось, свойственна весьма своеобразная система застройки: наличие свободного пространства в центре при одновременном тяготении существовавших сооружений к предвальной зоне. Подобная картина нелогична для открытых поселений и, вместе с тем, имеет аналогии именно на городищах. Признание сооружения укреплений первичным, по отношению к застройке площадки, автоматически решает вопрос о хронологической позиции селища. Поскольку вал отрезал для него ближайшие подходы к воде, что ни могло не вызвать определенные неудобства для жизни, оно возникает либо одновременно с городищем, либо несколько позднее. К этому следует добавить, что, до строительства укреплений Малышевского городища, территория по левому берегу реки Белой была вообще не занята населением, оставившим памятники культуры сопки.

Итак, городище у д. Малышево возникает как поселение с изначально заданными оборонительными функциями. Расположение его в стороне от плотно заселенной зоны затрудняет его интерпретация как городища-убежища для местного населения. Данный участок коренного берега реки Белой не обладает сколь либо значимыми топографическими преимуществами для строительства укреплений. Поэтому, весьма вероятно, что фактор незанятости территории играл в этом выборе важнейшую роль. Вместе с тем, возведение столь мощных фортификаций заставляет предполагать достаточно серьезную причину возникновения этого памятника.

Думается, что единственным возможным объяснением данного феномена является увязка его с серьезными событиями, происходившими в Новгородской земле в сер. X в.

Из древнейших русских летописей явствует, что в 946 г. (I Новгородская летопись)⁴⁵ или в 947 г. (ПВЛ) княгиня Ольга совершила походы на Мсту и Лугу с целью установления "погостов и даней". В современной историографии эти события часто трактуются как важный этап в сложении государственной территории Новгородской земли и включения про-

живавшего в Помостье населения в орбиту новгородской, а, опосредованно, и центральной государственной власти. Главной целью похода на Мсту, безусловно, являлся район реки Белой, где, как было показано выше, в X в. формируется мощный центр, ставший препятствием для Новгорода в распространении его власти на Восток. Все это позволяет видеть в Малышевском городище опорный пункт, созданный княгиней Ольгой для контроля над данной территорией.

Как уже упоминалось, в состав Малышевского комплекса входит и селище. Оно примыкает к городищу с юга и вытянуто по линии запад-восток. С запада селище ограничено оврагом, с востока - коренным берегом реки Белой, а с юга - небольшим естественным уступом. Его размеры 70-100 x 400 м. Культурный слой памятника поврежден долговременной распашкой. При этом его интенсивность неоднородна - на пашне выделяются отдельные более гумусированные участки, очевидно соответствующие древним усадьбам. Поселенческая зона продолжается и далее к западу, за овраг, где перепаханный культурный слой фиксируется на пространстве 60 x 200 м. вдоль коренного берега реки.

К югу от поселенческой зоны расположены остатки могильника, состоящего, в настоящее время из 4-х сопкообразных насыпей, разбросанных на расстоянии до 0,5 км между крайними памятниками, и сохранившейся части древнерусского курганного могильника XI-XII вв., в котором фиксировалось до полутора десятков насыпей. Характер топографии данного участка позволяет предполагать, что до настоящего времени дошла лишь малая часть крупного погребального комплекса. Подтверждением этому служат неоднократные находки кальцинированных костей на пашне к западу от ближайших к городищу насыпей.

Раскопками до сих пор были затронуты лишь курганы с погребениями по обряду ингумации. В 1976 г. пять таких памятников было исследовано экспедицией ЛОИА⁴⁶, еще один, в 1995 г., - экспедицией НовГУ⁴⁷. Внешне они пред-

ставляли собой насыпи высотой 0,7-1,3 м. при диаметре 5-7 м. Вокруг оснований прослеживались ровики, иногда прерывистые, в виде отдельных ям. Курганы располагались достаточно кучно, так, что, порой, рвы соседних насыпей налегали один на другой.

Характерной особенностью таких курганов является наличие больших подкурганных могильных ям, достигающих почти 3 метров в длину, более 1,5 м в ширину, при глубине до 1 и более м. Из погребений, исследованных Е. Н. Носовым происходят находки не относящиеся к кругу богатых захоронений. Это височные кольца, бусы, поясная цепочка, фибула, браслеты, железные ножи. В ногах погребенных находились гончарные сосуды. Погребение, раскопанное в 1995 г., представляло собой останки девочки-подростка с достаточно представительным для данной возрастной категории набором вещей.

Данный тип курганов хорошо известен на территориях к востоку от Новгорода. Ближайшей аналогией Мальшевскому могильнику выступает Дрегельский, расположенный примерно в 70 км к северу. Сходство названных памятников касается не только характеристики курганов с ингумациями, но и присутствием в составе могильников более ранних сопкообразных насыпей. Однако, в отличие от Мальшевского, в Дрегельском могильнике в начале XX в. удалось зафиксировать наличие примерно сотни курганов, хотя и здесь большая их часть впоследствии оказалась уничтоженной⁴⁸. Говоря о древнерусских курганах в центральных районах Новгородской земли и, прежде всего, восточнее оз. Ильмень, следует напомнить, что обычай сооружения погребальных насыпей здесь далеко не являлся повсеместным, уступая ведущую роль бескурганной формам захоронений (в зависимости от природных условий - грунтовым могильникам или жальникам). Данная традиция генетически восходит к погребальному обряду носителей КС, в которой захоронения основной массы населения являлись бескурганной⁴⁹. Древнерусский курганный обряд на

указанных территориях возникает либо как наследие населения принадлежащего КДК (в этом случае речь может идти лишь о немногочисленных изолятах), либо в связи с дружинной (т. е. опосредованно скандинавской) традицией. Последний вариант представлен и в Мальшевском могильнике.

Другой заметный памятник древнерусского периода - поселение близ устья реки Белой по обеим ее сторонам. Зона распространения раннегончарной керамики с линейно-волнистым орнаментом охватывает здесь обширные пространства. К югу от городища подобные находки отмечались по берегу Мсты на протяжении 150 м. Ниже устья Белой они зафиксированы на пространстве 50 x 250 м. к сожалению, отсутствие регулярных шурфовок не позволяет детализировать данные ни о колебании мощности культурного слоя, ни о характере находок. Что касается последних, то здесь можно указать лишь на шиферное пряслице и цилиндрический железный замок, найденные во время строительства моста через реку Мсту.

Хотя оценка домонгольских культурных напластований на территории пос. Любытино нуждается в уточнении, но уже сейчас очевидно, что поселение в районе устья реки Белой было весьма значительным. Судя по всему, уже в рамках означенного периода оно становится, по сравнению с Мальшевским комплексом, доминирующим в демографическом и, вероятно, социальном отношениях. Поэтому именно здесь возникает Прокопьевский погост, известный позднее по писцовым книгам.

О древнерусских поселениях более низкого ранга известно пока немного. Один из бесспорных памятников такого рода был открыт А. Ю. Ивановым близ деревни Княжье Село на правом берегу Нетецкого ручья. Селище находится на пологом склоне и, поэтому, было перекрыто мощным наносом. При шурфовке было собрано несколько десятков фрагментов домонгольской керамики, что характеризует интенсивность жизни на данном участке.

Отдельные фрагменты раннегончарных горшков фиксировались на селищах при сопках, однако, ответить на вопрос являются ли эти черепки синхронными сопкам, или жизнь на соответствующих поселениях продолжалась и позднее, без дополнительных изысканий невозможно.

Из вышеизложенного следует, что древнерусский этап в истории долины реки Белой еще изучен весьма слабо. Этим и определяются желательные объемы и направления дальнейших исследований.

Прежде всего, безусловно, необходимо продолжение работ, связанных с важнейшей темой данного периода - становлением государственной власти на рассматриваемой территории, как переломного момента ее истории. Решение данной задачи возможно путем продолжения исследований Малышевского комплекса памятников. В первую очередь, необходимы полные раскопки городища. Данные работы позволят дать обоснованную реконструкцию социального и культурного облика проживавшего здесь коллектива (количественные показатели, специфику деятельности, сочетание различных культурных традиций). Однако, достоверная оценка места и роли данного образования в системе социальных и экономических связей, и в рамках долины реки Белой и в более широком контексте, возможна лишь при условии исследования примыкающих к городищу селища и могильника.

Относительно последнего, подчеркнем первоочередную необходимость проведения охранных раскопок больших курганов, которые, в настоящее время, подвергаются интенсивному разрушению, с непременным последующим воссозданием первоначальных форм насыпей.

Представляется актуальным определение границ распространения средневекового культурного слоя на территории поселка Любытино с обоснованием хронологической дифференциации отдельных участков. Помимо научного интереса, данная работа имеет большое практическое значение

для сохранения древнего культурного слоя при регулировании процесса застройки.

Необходимость дополнительных и тщательных археологических изысканий на территории д. Княжье Село и в ее округе, на предмет выявления древнерусских памятников, стимулируется характером данного топонима. Как показал Л.В. Алексеев на примере северной части Смоленской земли, названия, производные от "князь", связаны с местами размещения княжеской администрации в тех районах, где не было городских центров⁵⁰. Любопытно, что подобное же название ("Княжья Гора") имеется и на р. Луге, в районе Передольского погоста - безусловного археологического центра данной территории. Напомним, что "Луга", как и "Мста", в 947 г. явилась одной из целей похода княгини Ольги. Таким образом, не исключено, что название Княжье Село восходит к "ольгинским" временам, являясь еще одним знаком внедрения государственной власти в среду населения Помостья.

В целом же, система сельского расселения долины реки Белой в древнерусскую эпоху изучена еще недостаточно, и пока складывается впечатление, что заселенность этой территории в это время была более слабой, сравнительно с предшествующим и последующим периодами. Впрочем, это вовсе не означает затухания поселения в устье реки Белой. Упоминание в Уставе новгородского князя Всеволода Мстиславича Помостья, как особой территориальной единицы⁵¹, косвенно свидетельствует о существовании издревле сложившейся системы связей внутри этой области, которая, как свидетельствуют археологические памятники, замыкалась на Бельский комплекс.

2.5. Позднесредневековые памятники. В данную совокупность мы включаем древности XIV- нач. XVII вв. Нижняя граница памятников при этом определяется началом процесса, имевшего большое значение для истории Северо-Запада - широкой внутренней земледельческой колонизации, приведшей к существенному увеличению освоенных территорий.

Это стало возможным в связи со становлением трехпольной системы земледелия, позволившей вводить в устойчивый сельскохозяйственный оборот участки с менее плодородными почвами. В результате этого процесса формируется, лежащая в основе современной, система расселения, зафиксированная в конце XV в. писцовыми книгами. Археологическим выражением этого процесса является наличие многочисленных селищ с белоглиняной керамикой, многие из которых находятся на территории современных деревень. Памятники данного периода крайне редко становятся объектом целенаправленных археологических исследований, особенно раскопок. Следствием этого является отсутствие сколько-либо заметных разработок по типологии и хронологии позднесредневековой сельской керамики Северо-Запада. Это, в свою очередь, осложняет датировку селищ, открываемых при разведках. Еще одно обстоятельство, затрудняющее массовое выявление остатков поселений этого времени, связано с тем, что с началом широкого использования навоза в качестве удобрения, вместе с ним на поля попадали и фрагменты керамики. Данное явление могло иметь достаточно массовый характер. В качестве примера, укажем на все то же Малышевское городище, на котором, при раскопках в пахотном слое, было найдено несколько сотен фрагментов позднесредневековых сосудов. Самые ранние из них датируются концом XIII - XIV вв., что может быть небезынтересно для историков-аграрников. Правда, на названном памятнике, очевидно, сложилась особая ситуация. Наличие гумусированного слоя и особого микроклимата, обусловленного размерами вала, защищавшего площадку городища от холодных ветров, сделали ее особенно привлекательной для выращивания огородных культур, требующих интенсивного навозного удобрения. Разумеется, на участках использовавшихся под пашню данное явление будет выражено гораздо слабее, но, тем ни менее, его следует учитывать при составлении археологической карты рассматриваемого периода.

Пока же мы располагаем материалами лишь одного позднесредневекового селища - на берегу Княжесельского озера, где в 1994 г. был заложен раскоп общей площадью 140 кв. м. Особенностью данного памятника является наличие в его прибрежной части сохранившейся органики. В древности здесь располагалась хозяйственная зона. При раскопках были зафиксированы остатки жилых и хозяйственных сооружений, различные бытовые предметы. Определенный интерес представляют развалы тонких деревянных колотых пластин, длиной около 2,5 м, являющихся остатками приспособлений для закольного лова рыбы - так называемых "котцов".

По керамическим материалам поселение может быть датировано XVI в., предварительная дендрохронологическая дата - рубеж XVI-XVII вв.

Экономическое развитие рассматриваемой территории и Среднего Помостья в целом в XIV-XVI вв. привело к тому, что в районе устья реки Белой складываются центры сразу трех погостов, упоминаемых в писцовых книгах - Прокопьевского и Богородицкого на Белой, находившихся на правом берегу Мсты и относившихся в Бежецкой пятине, а так же Бельского погоста напротив устья Белой на левом берегу Мсты, относившегося к Деревской пятине⁵². Здесь же была сооружена одна из древнейших каменных церквей в сельских погостах Новгородской земли - церковь Прокопия в Прокопьевском погосте на Белой, построенная в 1443 г.⁵³ В XV-XVI вв. в устье Белой находится один из наиболее значительных на реке Мсте рядков (торгово-ремесленных поселков). Небольшой рядок был также и в Шереховичах⁵⁴. Последнее обстоятельство лишний раз подчеркивает высокую степень хозяйственного развития долины реки Белой, поскольку Шереховичи находятся на сравнительно небольшом расстоянии (около 15 км) от ее устья. Возникновение здесь отдельного рядка, расположенного, к тому же, не на Мсте - основной торгово-транспортной артерии района, указывает на наличие весомых местных экономических факторов.

Актуальные направления дальнейшего археологического изучения позднесредневековых памятников рассматриваемого района определяются вышесказанным. Безусловно, продолжения раскопок требует селище у Княжесельского озера. Проведенные работы показали их большую перспективность. До сих пор позднесредневековые селища, содержащие органику, на Северо-Западе практически не исследовались. Вместе с тем, изучение подобных памятников может дать важную информацию по целому ряду актуальных вопросов. В их числе - планировка рядовой сельской усадьбы позднесредневекового периода, архитектура жилища и хозяйственных построек и многие другие стороны культуры и быта русского крестьянства. Особенно важно, что поздняя дата памятника позволит более тесно, чем это было возможно ранее, сомкнуть археологические данные с этнографическими.

В качестве специального археологического аспекта выделим возможность создания узко датированного при помощи дендрохронологии "культурного среза", включающего в себя, прежде всего, набор керамических форм, а так же другие категории находок. Еще раз подчеркнем, что, в настоящее время, универсальная хронологическая шкала позднесредневековой керамики Северо-Запада, особенно для сельских памятников, остается практически не разработанной. При этом наличие локальных особенностей позднесредневековой керамической традиции, даже в рамках отдельных городских центров⁵⁵, ставит под сомнение возможность создания такой шкалы. Таким образом, Княжесельское селище предоставляет уникальную возможность для изучения местной керамики.

Добавим к этому, что, известный для XIX- нач. XX вв., в районе Княжьего Села, кустарный керамический промысел, снабжавший своей продукцией весьма обширную округу, вполне вероятно может иметь корни уходящие в позднесредневековую эпоху.

Изучение особенностей местной позднесредневековой керамической традиции позволит обеспечить более высокий, чем это возможно в настоящее время, уровень хронологической дифференциации памятников на археологической карте долины р. Белой XIV-XVI вв. Вообще, изучение позднесредневековых памятников Северо-Запада представляет особый интерес, потому что, для периода с конца XV в., а, ретроспективно, и с несколько более раннего времени, возможен синтез археологических и письменных источников (Писцовых книг).

Возможность более точных датировок по керамике создаст новые условия и при изучении позднесредневекового культурного слоя на территории пос. Любытино. Как и для предшествующего периода. Первоочередной задачей здесь является определение границ зоны селитьбы посредством сбора подъемного материала и шурфовок. В качестве частной, но, тем ни менее, достаточно важной цели, назовем локализацию остатков церкви Прокопия по находкам фрагментов соответствующих строительных материалов.

2.6. Памятники эпохи Смутного времени. Применительно к древностям долины р. Белой можно выделить еще один краткий, но весьма важный для этих мест, период - начало XVII в., связанное с польско-шведской интервенцией, именуемое обычно Смутным временем. В 1613 г. Среднее Помостье стало ареной столкновения шведских войск и московских отрядов, которые пробивались к Тихвину с целью снять осаду с Тихвинского монастыря. Одна из древних дорог на Тихвин, ответвлявшаяся от Московского тракта в Крестцах, проходила как раз через современное Любытино. В письменных источниках, и отечественных и шведских, упоминается военные действия в долине реки Белой⁵⁶.

Археологическим отражением этих событий являются случайные находки оружия и доспехов, происходящие с рассматриваемой территории. Так на правом берегу Белой на поле у д. Брод было найдено копье-рогатина⁵⁷. По мнению

А.Н. Кирпичникова, подобные копыя бытовали в XVI-XVII вв. В подвале церкви села Шереховичи была обнаружена кольчуга, хранящаяся в настоящее время в Боровичском музее. В 4 км от пос. Любытино, на обочине дороги Брод-Княжье Село, были найдены два чугунных пушечных ядра. Интересно, что место их находки располагается в непосредственной близости от упоминавшегося раннее селища на Княжесельском озере. Отметим еще одно любопытное обстоятельство, связанное с этим местом. Во время проведения работ на дороге Брод-Княжье Село, в нескольких десятках метров от поселения, были обнаружены остатки захоронений по обряду ингумации в могильных ямах. Судя по степени сохранности костей, эти останки вполне могут относиться к XVII в. Любопытно местоположение захоронений - в непосредственной близости от языческого курганного могильника (VI-VIII вв.). Для христиан языческие могилы - сопки, курганы - считались местами "погаными", где хоронили самоубийц, мертворожденных, инородцев. Погребение в этом месте убитых шведских войнов местным населением было бы вполне логичным. С другой стороны, не исключено, что в экстраординарных условиях, здесь могли быть похоронены и погибшие жители вышеупомянутого населения.

Итак, исходя из вышесказанного, нельзя не признать, что сохранившийся до настоящего времени комплекс археологических памятников в окрестностях поселка Любытино представляет собой уникальное историко-культурное явление. Значение его, причем не только научное, но и общественное, отнюдь не ограничивается местными рамками, но должно расцениваться, в известной мере, в республиканском, национальном масштабе. Поэтому, перед специалистами - историками и археологами, органами государственной и местной власти, широкой общественностью, стоит единая, хотя и многогранная задача. Она заключается в создании условий для сохранения и изучения памятников прошлого,

превращении их в действенное средство патриотического воспитания населения.

¹ Основные положения данной работы приведены в статье: Конечский В. Я., Носов Е. Н. К вопросу о сложении административных центров конца I тыс. н. э. в восточных районах Новгородской земли. // Славяно-русские древности. Вып. 3. Проблемы истории Северо-Запада Руси. СПб., 1995. С. 29-54.

² Развитие и преобразование географической Среды. По материалам Новгородской области. Вып. 2. / Под ред. В. П. Нехайчика, А. А. Барышева, В. С. Жекулина. Л., 1975. С. 60; Жекулин В. С. Историческая география: предмет и методы. Л., 1982. С. 201-203.

³ Коленский В. Н. Раскопки курганов в Новгородской губернии, Боровичском уезде, близ д. Пробужа. // РГИА. Ф. 950. Оп. 1. Д. 334. Л. 27-35.

⁴ Еникеев Н. Н. Доисторические сопки или курганы в Боровичском уезде. / Архив Новгородского музея. Д. 6102.

⁵ Аничков И. С. Обзор помещичьих усадеб Новгородской губернии. // Труды XV АС в Новгороде. Новгород, 1911. Т. II. М., 1916. С. 160-161, 194-197.

⁶ Романцев И. С. О курганах, городищах и жальниках Новгородской губернии. Новгород, 1911. С. 2 - 15.

⁷ С. Белое. Журнал 27-го заседания 30 апреля 1912 года. // Сборник Новгородского общества любителей древности. Т. 6. Новгород, 1912. С. 47.

⁸ О присылке разными лицами монет и вещей на рассмотрение Археологической комиссии. // Архив ИИМК РАН. 1912. Д. 5.

⁹ Отчет Археологической комиссии за 1912 г. Пг., 1916. С. 77-78. Рис. 86, 87. - Часть предметов из грабительских раскопок издана также Я. В. Станкевич в 1950 г. (см.: Станкевич Я. В. Керамика нижних слоев Старой Ладogi. // СА. Т. XIV. 1950. С. 200-201 (рис. 5: 1-7).

¹⁰ Гос. Эрмитаж. Фонды ОИПК. № 852/1-39.

¹¹ Отчет о палеонтологическом маршрутном обследовании в Боровичском округе, произведенном сотрудником этнографического отдела Русского музея В. С. Адриановым в 1928 г. // Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. 1928 г. Д. 107; Материалы по учету археологических памятников Ленинградской области. Боровичский округ. // Там же. Ф. 2, 1931. Д. 57, 58, 59.

¹² Черныгин Н. Н. Длинные курганы и сопки. // МИА № 6. М.; Л., 1941. С. 124. № 392-395.

¹³ Успенская А. В., Фехнер М. В. Указатель к карте "Поселения и курганные могильники Северо-Западной и Северо-Восточной Руси X-XIII вв." // Очерки по истории русской деревни X-XIII вв. (ТГИМ, Вып. 32). М., 1956. № 286, 288-293.

¹⁴ Архив Новгородского музея. Паспорта на памятники археологии (1949 г.).

¹⁵ Новгородский музей. Ф. № 10696-10703, 10762-10764.

¹⁶ Архив Новгородского музея: Орлов С. Н. Краткий отчет о поездке в Любытинский район по обследованию исторических и археологических памятников с 1 по 5 августа 1959 г. 5 с.; Паспорта на памятники археологии (начало 1960-х годов).

¹⁷ Архив Новгородского музея. Паспорта на памятники археологии (начало 1960-х годов).

¹⁸ Куза А. В. Отчет о работах Любытинского отряда Новгородской археологической экспедиции в мае-июне 1965 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. 1965. Д. 4533.

¹⁹ Седов В. В. 1) Новгородские сопки. // САИ. Вып. Е1-8. М., 1970. С. 41-42. № 245-257, 260; 2) Длинные курганы кривичей. // САИ. Вып. Е1-8. М., 1974. С. 53, № 225, 226.

²⁰ Седов В. В. Новгородские сопки ... С. 14.

²¹ Пронин Г. Н. Отчет о работе Ильменской экспедиции в 1980 г. // Архив Новгородского музея. Ф. 1. 1980/82. С. 3, 6, 9, 13.

²² Археологический заповедник организован по решению Новгородского облисполкома от 21.04.1986 г. № 177.

²³ Носов Е. Н. 1) Отчет о работе Новгородского археологического отряда ЛОИА АН СССР в 1976 г. // Архив ИА РАН. Р-1. 6067. С. 10-14; Носов Е. Н., Верхорубова Т. Л. Исследования комплекса культуры длинных курганов на оз. Съезжем в Новгородской области. // АО-1976. М., 1977. С. 26

²⁴ Носов Е. Н. Отчет о работе Новгородской областной археологической экспедиции ЛОИА АН СССР в 1987 г. // Архив ИА РАН. Р-1. 6067. Р-1. 12191. С. 16-24

²⁵ Конецкий В. Я. Отчет о работах Новгородского музея в 1987 г. // Архив ИА РАН.

²⁶ Конецкий В. Я., Сивохин С. Г. Исследования позднесредневекового селения у деревни Княжье Село Любытинского района Новгородской области / // НиНЗ ИиА. Вып. 9. Новгород, 1995. С. 20-30.

²⁷ Конецкий В. Я., Иванов А. Ю., Сивохин С. Г., Торопов С. Е. Новые данные о погребальных памятниках в долине реки Белой. // НиНЗ ИиА. Вып. 10. Новгород, 1996. С. 32-35; Конецкий В. Я., Иванов А. Ю., Торопов С. Е. Новые исследования памятников культуры длинных курганов в долине реки Белой. // НиНЗ ИиА. Вып. 11. Новгород, 1997. С. 29-36.

²⁸ Конецкий В. Я., Иванов А. Ю., Сивохин С. Г., Торопов С. Е. Новые данные... С. 35-37.

²⁹ Конецкий В. Я., Иванов А. Ю., Торопов С. Е. Исследования Любытинского (Мальшевского) городища: первые результаты. // НиНЗ ИиА. Вып. 12. Новгород, 1998. С. 32-34; Конецкий В. Я., Иванов А. Ю., Торопова Е. В., Торопов С. Е. Работы областной экспедиции Новгородского универ-

ситета в Новгородской области. // НиНЗ ИиА. Вып. 13. Новгород, 1999. С. 19-21.

³⁰ Конецкий В. Я., Иванов А. Ю., Торопов С. Е. О новых возможностях метода фосфатного анализа при разведке поселений. // Поселения: среда, культура, социум. Матер. тематич. науч. конф. СПб., 1998. С. 87-89.

³¹ Орлов С. Н. Памятники раннего железного века на территории Новгородской области. // Археологические исследования Новгородской земли. Л., 1984. С. 70-84.

³² Современное состояние проблемы см.: Исланова И. В. Проблемы изучения древностей I тыс. н. э. (Валдай - Верхнее Поволжье - Волго-Окское междуречье). // ТАС. Вып. 4. Т. II. Тверь, 2001. С. 6-7.

³³ Конецкий В. Я., Иванов А. Ю. К типологии погребальных древностей Северо-Запада (на материалах Бельского [Любытинского] археологического комплекса). // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Новгород, 1997. С. 3-8.

³⁴ Конецкий В. Я. Формирование культуры длинных курганов. // НиНЗ ИиА. Вып. 11. Новгород, 1997. С. 223.

³⁵ Кузьмин С. Л. О хронологическом соотношении сопки и длинных курганов (по материалам западных районов Новгородской земли). // Проблемы хронологии и периодизации в археологии. Л., 1991. С. 93-96.

³⁶ Кузьмин С. Л. Волховские сопки на современном этапе изучения. // Ладога и религиозное сознание. Третьи чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 1997. С. 110-111.

³⁷ Конецкий В. Я. О культурной принадлежности древнейших славянских памятников Приильменя. // Ладога и эпоха викингов. Четвертые чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 1998. С. 4-8.

³⁸ Конецкий В. Я. Центр и периферия Приильменя в IX-X вв.: особенности социально-политического развития. // НиНЗ ИиА. Вып. 8. Новгород, 1994. С. 51-52.

³⁹ Конецкий В. Я. Новгородский сопки в контексте этносоциальных процессов конца I - начала II тыс. н. э. // НИС 4 (14). СПб., Новгород, 1993. С. 3-26.

⁴⁰ Носов Е. Н., Плохов А. В. Поселение Золотое Колоно на Средней Мете. // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990. М., 1991. С. 131.

⁴¹ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 3. Доспех, комплексы боевых средств IX-XIII вв. (САИ. Е1-36). Л., 1971. С. 9, 81. № 4.

⁴² См. статью К. А. Михайлова в настоящем издании.

⁴³ Конецкий В. Я., Носов Е. Н. К вопросу о сложении... С. 52-53.

⁴⁴ Кузьмин С. Л. О хронологическом соотношении... С. 92.

⁴⁵ НПЛ. М., Л., 1950. С. 113

⁴⁶ Носов Е. Н., Верхорубова Т. Л. Исследования комплекса... С. 26.

⁴⁷ Конецкий В. Я., Иванов А. Ю., Сивохин С. Г., Торопов С. Е. Новые данные... С. 36-37.

⁴⁸ Конецкий В. Я. Археологические памятники у с. Дрегли быв. Тихвинского уезда. // Тихвинский сборник. Тихвин, 1988. С. 49-51.

⁴⁹ Носов Е. Н. Проблемы изучения погребальных памятников Новгородской земли (К вопросу о славянском расселении). // НИС 1 (11). Л., 1982. С. 43-78; Конецкий В. Я. Некоторые итоги исследования грунтовых могильников в центральных районах Новгородской земли. // Археологические исследования Новгородской земли. Л., 1989. С. 154-172.

⁵⁰ Алексеев Л. В. "Оковский лес" Повести Временных лет. // Культура средневековой Руси. Л., 1974. С. 7, 11. Рис. 2.

⁵¹ Древнерусские княжеские уставы XI-XV вв. М., 1976. С. 165.

⁵² НПК. Т. II. СПб., 1862. С. 411; Там же. Т. IV. СПб., 1910. С. 843, 951; Неволин К. А. О пятинах и погостах новгородских в XVI веке. // Зап. РГО. СПб., 1853. Кн. VIII. С. 185, 190, 191 и др.

⁵³ " (6951) Того же лета постави архиепископ Ефимий церковь каменную святого Прокофия на Белой". См. Новгородская IV летопись. // ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. М., 2000. С. 438.

⁵⁴ Греков Б. Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в. Кн. 1. М., 1952. С. 556-558; Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV в. М.; Л., 1961. С. 113, 114, 119.

⁵⁵ Кильдюшевский В. И., Курбатов А. В. Традиционность в материальной культуре русской провинции позднего средневековья. // ТАС. Вып. 4. Т. 2. Тверь, 2001. С. 308, 314

⁵⁶ Иванов А. Ю. К событиям 1613 г. в Среднем Помостье. // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Часть I. Великий Новгород, 2000. С. 12-18.

⁵⁷ Иванов А. Ю. Наконечники копий из окрестностей Любытина. // Ладога и эпоха викингов. Четвертые чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 1998. С. 96-97.

СВОД ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ ДОЛИНЫ РЕКИ БЕЛОЙ

1. ЛЮБЫТИНО, пос. Любытинского р-на – **2 сопки** (сохр. одна выс. 3 м, диам. 20 м) на терр. нового кладбища, в ур. "Голубники".

Иванов А.Ю., 1996-А.

2. ЛЮБЫТИНО, пос. Любытинского р-на – **сопка** (выс. 3,1 м, диам. 20 м) на 3 окр. пос., на терр. быв. льнозавода.

Иванов А.Ю., 1995- А.

3. ЛЮБЫТИНО, пос. Любытинского р-на – **сопка** (останец выс. 1,7 м, диам. 17 м) в 0,4 км от устья р. Белой на прав. бер. р. Мсты.

Романцев И.С., 1911. С.2; Аничков И.В., 1916. Т.2. Приложение III. С.68; Орлов С.Н., 1966, паспорт; Седов В.В., 1970. С.42, №256; Конецкий В.Я., Носов Е.Н., 1995. С. 29-54.

селище (разм. не установлены) в 0,4 км от устья р. Белой на прав бер. р. Мсты между сопкой и рекой.

Сведения Иванова А.Ю., Петрова С.В.

4. ЛЮБЫТИНО, пос. Любытинского р-на - **6 сопки** (выс. 3,7- 7,4 м, диам. 19-36,2 м) в пос. на прав. бер. р. Белой близ впадения её в р. Мсту, напротив городища.

ОПИ НГОМЗ, ф. 6, оп. 1, д. 73, № 12037, л. 2; ОПИ НГОМЗ, ф.6, оп. 1, д. 72, № 12036. Ответ № 11. Романцев И.С., 1911. С.2; Аничков И.В., 1916. Т.2. Приложение III. С.68; Орлов С.Н., 1966, паспорт; Седов В.В., 1970. С.42, №256; Конецкий В.Я., Носов Е.Н., 1995. С. 29-54.

селище (разм. 250x50 м) напротив городища, на прав. бер. р. Белой. Найденны фрагменты лепной и раннегончарной керамики.

Конецкий В.Я., Носов Е.Н., 1995. С.29-54.

5. ЛЮБЫТИНО, пос. Любытинского р-на - **городище** (разм. 40-100x150 м) в пос., на мысу, в устье р. Белой. Вал, ограждавший городище с напольной стороны, был сnivelирован

при строительстве усадьбы и устройстве парка. В 1987 г. В.Я. Конечким заложен разведочный раскоп. Мощность культурного слоя составляет 0,5-0,7 м. Найденны фрагменты лепной керамики.

Конечкий В.Я., 1987-А; Конечкий В.Я., Носов Е.Н., 1995. С. 29-54.

селище примыкает к городищу с юга. Прослеживается на протяж. 150 м вдоль бер. р. Мсты. Зафиксированы фрагменты лепной и раннегончарной керамики.

Конечкий В.Я., Носов Е.Н., 1995. С.29-54.

6. ЛЮБЫТИНО, пос. Любытинского р-на – **16 сопок** (сохранилось 12 насыпей выс. 1-5,7 м, диам. 12,8-30 м) в СВ части пос., в ур. Козино, на прав. бер. руч. Студенец, расположенных на протяжении 0,6 км вдоль лесной дороги ведущей к селищу у объездной дороги. В 1939 г. любительские раскопки производил Е.Н. Корсаков.

ОПИ НГОМЗ, ф. 6, оп. 1, д. 73, № 12037. л. 1 (об); ОПИ НГОМЗ, ф. 6, оп. 1, д. 72, №

12036. Ответ № 11; Романцев И.С., 1911. С. 2; Адрианов В.С., 1931. д. 58, лл.18-19; Успенская А.В., Фехнер М.В. 1956.С. 200, № 290; Седов В.В., 1970. С. 42, № 255; Мильков В.В., 1988-А, паспорт; Конечкий В.Я., Носов Е.Н., 1995. С. 29-54.

селище (разм. 40x70 м) к СВ от крайней сопки, справа от шоссе Любытино – Большое Заборовье. Зафиксированы фрагменты лепной керамики.

Иванов А.Ю., 1995-А.

7. ЛЮБЫТИНО, пос. Любытинского р-на – **сопка** (выс.8,1 м, диам.30 м) на С окр. пос., слева от объездной дороги.

Романцев И.С., 1911. С. 2; Мильков В.В., 1988-А, паспорт; Конечкий В.Я., Носов Е.Н., 1995. С. 29-54

8. ЛЮБЫТИНО, пос. Любытинского р-на – **22 сопки** (сохр. 19 насыпей выс. 2-8,5 м, диам. 15-38 м) на СВ окр. пос. в ур. Пробужа вдоль лесной дороги на лев. бер. руч. Студенец слева от шоссе Любытино - Неболчи. В 1937 году Е.Н. Корсаковым

произведены любительские раскопки. В коллекцию находок вошли 9 горшков, 8 ножей и 4 бронзовых предмета.

ОПИ НГОМЗ, ф. 6, оп.1, д. 73, № 12037, л. 1 (об); ОПИ НГОМЗ, ф.6, оп. 1, д. 72, № 12036. Ответ № 11; ОПИ НГОМЗ, ф. 6, оп.1, № 12037. Л. 1-5; ОПИ НГОМЗ, 16, оп. 1, № 6102, лл. 3-5; Романцев И.С., 1911. С.2,11; Адрианов В.С., 1931. д. № 58, Л.18-19; Любытинский РГФ. ф. Р-58, д.18. Л.11; Успенская А.В., Фехнер М.В., 1956. С. 200, №№ 288, 290; Корсакова Т.Н., 1949 – паспорт; Орлов С.Н., 1959-А, паспорт; Куза А.В.1965-А; АО за 1965. С. 157; Мильков В.В., 1988-А, паспорт; Конечкий В.Я., Носов Е.Н., 1995. С. 29-54.

селище на СВ окраине пос. в 0,3 км к С от могильника справа от шоссе Любытино – Бол. Заборовье. Зафиксированы фрагменты лепной керамики.

Сведения Иванова А.Ю., Конечкого В.Я.

9. ЛЮБЫТИНО, пос. Любытинского р-на – **13 сопки**

(выс.2,1-7,5 м, диам. 13–30 м) на СВ окр. пос. В ур. Пробужа слева от шоссе Любытино – Неболчи. В 1888 г. Н.Е. Бранденбургом были раскопаны 3 насыпи выс. 2,8-3 м. В верхних частях всех трех сопок были открыты погребения по обряду кремации на стороне: соответственно – 10, 3 и 4. Захоронения все, кроме одного были в урнах. В двух насыпях найдено большое количество вещевого инвентаря: ножи, наверхние плети, бронзовые спирали, спиральные сережки, поясные накладки, браслеты, бусы и пр.

РГИА, ф. 950. оп. 1. д. 334. лл.28-34 (об); ОПИ НГОМЗ, Н., ф. 6, оп. 1, д. 72, № 12036. Ответ № 11. ОПИ НГОМЗ, ф. 6, оп. 1, д. 73, № 12037. Л. 1; ОПИ НГОМЗ, ф. 16, оп. 1, № 6102. Л. 3-5; Романцев И.С., 1911. С. 2,11; Адрианов В.С., 1931. д. 58, лл. 18-19; Чернягин Н.Н., 1941. С. 124, № 392; Седов В.В., 1970. С. 42, № 257; Корсакова Т.Н., 1949 – паспорт; Орлов С.Н., 1959-А, паспорт; Успенская А.В., Фехнер М.В. 1956. С. 200, № 288; Мильков В.В., 1988-А, паспорт; Конечкий

В.Я., Носов Е.Н., 1995. С. 29-54.

селище на СВ окраине пос. в 0,25 км к С от могильника справа от шоссе Любытино - Бол. Заборовье. Зафиксированы фрагменты лепной керамики.

Сведения Иванова А.Ю., Конецкого В.Я.

10. ЛЮБЫТИНО, пос. Любытинского р-на – **6 сопок** (сохр. 5 выс. 2,5-3,8 м, диам. 14,7-20,1 м) в 0,3 км к СВ от пос., в ур. Пробужа справа от шоссе Любытино – Неболчи.

ОПИ НГОМЗ, ф. 6, оп.1, № 12037. Л. 1-5; ОПИ НГОМЗ, ф. 16, оп. 1, № 6102, л. 3-5; Романцев И.С., 1911. С. 2,11; Адрианов В.С., 1931. д. № 58, л.18-19; Корсакова Т.Н., 1949 – паспорт; Орлов С.Н., 1959-А, паспорт; Успенская А.В., Фехнер М.В. 1956. С. 200, № 286; Мильков В.В., 1988-А, паспорт; Конецкий В.Я., Носов Е.Н., 1995. С. 29-54.

11. НИКОЛАЕВКА, д. Любытинского р-на – **сопка** (выс. 7,5 м, диам. 30 м) на С окр. д., у дороги Любытино – Неболчи.

Романцев И.С., 1911. С. 2; Адрианов В.С., 1931. д. № 58, лл.18-19; Мильков В.В., 1988-А, паспорт; Конецкий В.Я., Носов Е.Н., 1995. С. 29-54.

12. НИКОЛАЕВКА, д. Любытинского р-на – **17 сопок** (выс. 1,2-5,3 м, диам. 7-24,5 м) в 1,1 км к ЮВ от д., у лесной дороги в д. Княжее Село.

ОПИ НГОМЗ, ф. 6, оп.1, д. 73, № 12037, л.1 (об); Романцев И.С., 1911. С. 2; Успенская А.В., Фехнер М.В. 1956. С. 200, № 290; Седов В.В., 1970. С. 42, № 255; Пронин Г.Н., 1980-А, паспорт; Конецкий В.Я., Носов Е.Н., 1995. С. 29-54.

13. КНЯЖЕЕ СЕЛО - 1, д. Любытинского р-на – **11 сопок** (сохр. 6 насыпей выс. 3,5-5,8 м, диам 18-32 м) на ЮЗ окр. д., на СВ бер Княжесельского озера, в ур. Кузница. В 1912 г. при грабительских раскопках в сопках были найдено 5 глиняных урн, 4 наконсика и обломки других, 3 медных височных кольца, оплавленные стеклянные бусы, 10 железных ножей, пряжка и об-

рывок кольчуги. В 1932 г. производил любительские раскопки учитель школы И.Д. Дмитриев. В 1937-1938(?) гг. копал Е.Н. Корсаков.

ОПИ НГОМЗ, ф. 6, оп. 1, д. 73, № 12037, л.1 (об). Романцев И.С., 1911. С.12; ОАК за 1912. С.77. Рис. 86, 87; Адрианов В.С., 1931. д. № 58, лл.2; Станкевич Я.В., 1950. С. 200-201. Рис.4; Седов В.В., 1970. С. 42, № 245; Мильков В.В., 1988-А, паспорт; Конецкий В.Я., Носов Е.Н., 1995. С. 29-54.

14. КНЯЖЕЕ СЕЛО – 2, д. Любытинского р-на – **8 сопок** (сохранилось 7 выс.2-6 м, диам. 16-32 м и один останец выс. 0,7 м) на терр. д.

Романцев И.С., 1911. С. 12; Седов В.В., 1970. С. 42, № 247; Пронин Г.Н., 1980-А, паспорт; Конецкий В.Я., Носов Е.Н., 1995. С. 29-54.

15. НИКОЛАЕВКА, д. Любытинского р-на – **4 кургана** (выс. 2,7-3 м, диам.14,3-19,5 м, ширина рвов 2-8 м при глубине 0,2-1,2 м) в 1,2 км к ЮВ от д., на 3 берегу Княжесельского озера.

Романцев И.С., 1911. С.8; Мильков В.В., 1988-А, паспорт; Конецкий В.Я., Носов Е.Н., 1995. С. 29-54.

16. КНЯЖЕЕ СЕЛО – 1, д. Любытинского р-на – **селище** (разм. 80x130 м) на Ю бер. Княжесельского озера. Найдены фрагменты лепной керамики с сетчатым орнаментом.

Носов Е.Н., 1987-А.

17. КНЯЖЕЕ СЕЛО – 1, д. Любытинского р-на – **40 курганов** (сохр. 37 насыпей различной формы: круглые /№№ 1-4,7,27,30/ выс. 2-3 м, диам. 14,8-23 м; подпрямоугольной /№№ 5,6,21/ выс. 0,7-3,1 м, разм. 17,9-22,6 x14-17,5 м, круглые со слабовыраженными ровиками /№№9,12-14,16,17,36,37/ выс. 0,7-1,3 м, диам. 6,2-14,5 м; полусферические сопкообразные насыпи – “боровые сопки” /№№ 10,11,18-20, 22-24,26,28,29, 31-35/ выс.1,4-2,5 м, диам. 12,7-23,4 м с мощными рвами шир. 1,8-6,6 м, глуб. 0,1-1,6 м.

ОПИ НГОМЗ, ф. 6, оп. 1, д. 73, № 12037, л. 1(об); ОПИ НГОМЗ, ф. 6, оп. 1, д. 72, №

12036. Ответ. №11; Романцев И.С., 1911. С. 12; Аничков И.В., 1916. Т. 2. Приложение III. С. 68; Адрианов В.С., 1931. д. № 58, лл.2; Успенская А.В., Фехнер М.В., 1956. Указатель. С. 200, № 293; Чернягин Н.Н., 1941. С. 124, № 393; Седов В.В., 1970. С. 41, №.246; 1974. С. 53, № 226; Корсакова Т.Н., 1949 - паспорт; Пронин Г.Н., - 1980-А, паспорт; Мильков В.В., 1988-А, паспорт; Конецкий В.Я., Носов Е.Н., 1995. С. 29-54.

селище (разм. 120x80 м) в 0,4 км к ЮВ от д на В бер. оз. Княжесельского на прав. бер. руч. Нетицкого.

Иванов А.Ю., 1997-А.

грунтовый могильник на В бер. оз. Княжесельского в 0,7-0,8 км к ЮВ от д., в 0,6 км к СВ от шоссе Любытино – Селище. В 1996-1997 гг. А.Ю. Ивановым было исследовано 4 безинвентарных погребения в грунтовых ямках по обряду трупосожжения.

Иванов А.Ю., 1995-А, 1996-А.

18. МАЛЫШЕВО, д. Любытинского р-на - **селище** (разм. 230x60-65 м) в 0,15 км к СВ от д.

Носов Е.Н., 1987-А, паспорт; Конецкий В.Я., Носов Е.Н., 1995. С. 29-54.

19. МАЛЫШЕВО, д. Любытинского р-на – **25 древнерусских курганов** (выс.0,5-2,5 м, диам. 7-15 м) в 0,7 км к 3 от д. и в 0,4 км к СЗ от д. Черзборицы. Из них 3 насыпи в 0,2 км к С, а одна в 0,4 км к ЮЗ от основного массива располагающиеся обособленно, указывают реальные границы курганного могильника уничтоженного в прошлом распашкой. В 1976 г. Новгородским археологическим отрядом ЛОИА АН СССР под рук. Е.Н. Носова и в 1995 г. в данной группе было исследовано 5 насыпей с погребениями по обряду трупоположения в грунтовых ямах, сопровождавшимся древнерусским инвентарем (курганы № 1, 2, 10, 11,14). Областной археологической экспедицией НовГУ им. Ярослава Мудрого под рук. В.Я. Конецкого исследован 1 курган.

ОПИ НГОМЗ, ф. 6, оп. 1, д. 73, № 12037, л.1; Романцев И.С., 1911. С. 7, 15; Чернягин Н.Н., 1941. С. 124; Се-

дов В.В., 1970. С. 41, № 250; Носов Е.Н., 1976-А, паспорт. Мильков В.В., 1983-А, паспорт; Конецкий В.Я., 1995-А; Конецкий В.Я., Носов Е.Н., 1995. С. 29-54.

селище (разм. 350x60-100 м) с напольной стороны от городища. Встречаются фрагменты лепной и раннегончарной керамики.

Носов Е.Н., 1987-А, паспорт; Конецкий В.Я., Носов Е.Н., 1995. С.29-54.

20. МАЛЫШЕВО, д. Любытинского р-на - **городище** (разм.55x75-90 м) в 0,6 км к СВ от д. на отроге лев. бер. р. Белой. С напольной стороны ограждено валом длиной ок. 85 м, шириной в основании 12-14 м. С 1998 по 2001 гг. Областной археологической экспедицией НовГУ им. Ярослава Мудрого под руководством В.Я. Конецкого произведены раскопки городища и прорезка вала.

ОПИ НГОМЗ, ф. 6, оп. 1, д. 73, № 12037. Л. 1; Романцев И.С., 1911. С. 7; Орлов С.Н., 1959-А, паспорт; Носов Е.Н., 1987-А, паспорт; Конецкий В.Я., Носов Е.Н., 1995. С. 29-54.

21. КВАСИЛЬНИКОВО, д. Любытинского района – **37 курганов**, разделенные территориально в силу особенностей рельефа на 4 обособленные группы различной формы: круглые /№№ 2, 3, 6, 7, 10, 12-14, 16, 17, 22, 25, 26, 33 м/ выс. 0,3-1,8 м, диам. 8,8-18 м; подпрямоугольной /№№ 1, 4, 5, 8, 9, 11,15,18,19, 27, 31, 32, 35 м./ выс. 0,5-1,9 м, разм. 8-12,5x10,7-25 м, из них насыпи №№ 8, 9, 11, 13-19 м, окружены ровиками; классические “длинные курганы” №№ 21, 24 м, выс. 1 и 1,2 м, длин. 29 и 40 м; “блинообразные” курганы, имеющие большой диаметр и плоскую вершину / №№ 20, 23, 28-30, 34 м/ выс. 0,6-1,5 м, диам. 19,7-26 м, полусферическая сопкообразная насыпь - “боровая сопка” / № 36/ выс.2,9 м, диам.18,3 м с мощным рвом шир. более 6 м, глуб. 0,6-0,8 м. В 1995, 1996 и 1999 г. Областной археологической экспедицией НовГУ им. Ярослава Мудрого под рук. В.Я. Конецкого и А.Ю. Иванова в данной группе было исследовано 5 насыпей (№№ 13, 14, 16, 17, 29).

Носов Е.Н., 1987-А; Ко-
нецкий В.Я., 1996-А; Ива-
нов А.Ю., 1999-А.

селище (разм. 30x55 м) в
1 км к С-СВ от д. на лев. бер.
р. Белой.

Иванов А.Ю., 1996-А.

22. **МОРОВСКОЕ**, д. Любы-
тинского р-на – **6 курганов**
(выс. 1,2 – 2,7 м, диам. 13,3 –
31 м) 0,6 км к С-СВ от д. на
лев. бер. руч. в месте впаде-
ния его в р. Белую.

Носов Е.Н., 1987-А.

селище (разм. 30x60 м) 0,6
км к С-СВ от д. на лев. бер.
руч., в месте впадения его в
р. Белую. В 1996 г. А.Ю.
Ивановым заложен разведоч-
ный раскоп. Найдены фраг-
менты лепной керамики.

Иванов А.Ю., 1996-А.

23. **КРЕМНИЦА**, д. Любы-
тинского р-на – **сопка** (сохр.
останец выс. 3 м, диам. 32,4
м) в 0,15 км к З от д., у шоссе.

ОПИ НГОМЗ, ф. 6, оп. 1,
д. 73, № 12037, л. 1; Успенс-
кая А.В., Фехнер М.В. 1956.
С. 200, № 292 (?); Шорин
М.В., 1992 – инв.; Иванов
А.Ю., 1995-А.

24. **КРЕМНИЦА**, д. Любы-
тинского р-на – **сопка** (выс.

1,1-4,7 м, диам. 16 м) в 0,2
км к С от д. на склоне.

Успенская А.В., Фехнер
М.В. 1956. С. 200, № 292 (?);
Иванов А.Ю., 1996-А.

25. **КРЕМНИЦА**, д. Любы-
тинского р-на – **сопка** (сохр.
выс. 3 м, диам. 32 м) на Ю
окр. д.

ОПИ НГОМЗ, ф. 6, оп. 1,
д. 73, № 12037. Л.1; Успенс-
кая А.В., Фехнер М.В. 1956.
С. 200, № 292 (?); Мильков
В.В., 1983-А, паспорт.

26. **СЕЛИЩЕ**, д. Любытин-
ского р-на – **4 сопки** (выс.
2,3-4,7 м, диам. 18-25,3 м) в
0,3 км от шоссе Любытино
– Селище, в 1,1 км к З от д. в
лесу.

Шорин М.В., 1992 – инв.;
Иванов А.Ю., 1996-А.

27. **СЕЛИЩЕ**, д. Любытин-
ского р-на – **4 сопки** (выс.
1,7-3,7 м, диам. 13,5-21 м) в
0,3 км от шоссе Любытино
– Селище, в 1,1 км к З от д. в
лесу.

Шорин М.В., 1992 – инв.;
Иванов А.Ю., 1996-А.

28. **СЕЛИЩЕ**, д. Любы-
тинского р-на – **2 сопки** (выс.

2,3-2,8 м, диам. 15,1-15,7 м)
в 0,3 км от шоссе Любыти-
но – Селище, в 1,1 км к З от
д. в лесу.

Шорин М.В., 1992 – инв.;
Иванов А.Ю., 1996-А.

29. **СЕЛИЩЕ**, д. Любытин-
ского р-на – **2 сопки** (сохр.
выс. 2,5-3 м, диам. 15-24 м)
на Ю окр. д.

Богословский Н.Г., №
6101, л. 26; Романцев И.С.,
1911. С. 12; Мильков В.В.,
1983-А, паспорт.

30. **СЕЛИЩЕ**, д. Любытин-
ского р-на – **2 сопки** (выс. 2-
3 м, диам. 20-22 м) в 0,15 км
к ЮВ от д., на терр. быв. ус.
Нальи.

Романцев И.С., 1911. С. 5;
Мильков В.В., 1983-А, пас-
порт.

31. **СЕЛИЩЕ**, д. Любытин-
ского р-на – **одиночная соп-
ка** (выс. 1,6 м, диам. 8,2 м) в
1 км ЮЗ от д. на прав. бер.
р. Запольницкая на краю
мыса.

Сведения Иванова А.Ю.,
Концекого В.Я.

32. **СЕЛИЩЕ**, д. Любытин-
ского р-на – **4 сопки** (выс.

2,1-4,4, диам. 10-32 м) в 1,5
км к З от д., на прав. бер. р.
Белой в ур. Мельница.

Адрианов В.С., 1931. д. №
58, лл. 42; Успенская А.В.,
Фехнер М.В. 1956. С. 200, №
283; Мильков В.В., 1983-А,
паспорт.

33. **СЕЛИЩИ**, д. Любытин-
ского р-на – **6 сопок** (не со-
хранились выс. 1,5 - 3,5 м,
диам. 18-32 м) находились на
тер. карьера.

Адрианов В.С., 1931. Д. №
58. Л. 42.

34. **ЗАМОСТЬЕ**, д. Любы-
тинского р-на – **3 сопки**
(сохр. одна выс. 7 м, диам.
28 м) в 1,2 км к З от д., на
прав. бер. р. Белой при впа-
дении в неё р. Черной.

ОПИ НГОМЗ, ф. 6, оп. 1,
д. 73, № 12037, л. 2; ОПИ
НГОМЗ, ф. 6, оп. 1, д. 72, №
12036; Романцев И.С., 1911.
С. 5; Седов В.В., 1970. С. 41,
№ 249; Мильков В.В., 1983-
А, паспорт.

35. **ШЕРЕХОВИЧИ**, д. Лю-
бытинского р-на – **2 сопки**
(не сохранились) находились
в ЮВ части села. Разруше-
ны в 1940 г. при строитель-

стве завода керамической посуды. В 1942 году нач. строительства П.И. Радченко в краев. музей передано 12 железных предметов.

ОПИ НГОМЗ, ф.6, оп.1, д. 73, № 12037, л.2 (об); ОПИ НГОМЗ, ф.6, оп. 1, д. 72, № 12036; Любытинский РГФ. ф. Р-58. д.18, л.52.

36. ШЕРЕХОВИЧИ, д. Любытинского р-на – 2 сопки (выс. 1,1-5,5 м, диам.16-19 м) на ЮВ окр. д., на прав. бер. р. Белой.

Иванов А.Ю., 1995-А.

37. ШЕРЕХОВИЧИ, д. Любытинского р-на – сопка (выс. 3,3-4,6 м, диам. 19 м) в д., на лев. бер. р. Белой.

Иванов А.Ю., 1995-А.

38. ГАЛИЦА, д. Любытинского р-на – сопка (выс. 2,5 м, диам.15-18 м) в 0,3 км к С от д., у дороги.

ОПИ НГОМЗ, ф. 6, оп. 1, д. 73, № 12037, л. 1; Сведения Иванова А.Ю.

ИСТОЧНИКИ

1. Аничков И.С. Обзор помещичьих усадеб Новгородской губернии. // Труды XV Археологического съезда в Новгороде в 1911 г. Т.2. Новгород, 1916. Приложение III.

2. Богословский Н.Г. Сведения о городищах, насыпях и курганах, находящихся в Новгородской губернии. Архив НГОМЗ, 60-80-е гг. XIX в., ф. 16, оп. 1, д. 301, № 6101.

3. Еникеев Н.Н. Доисторические сопки или курганы в Боровичском уезде. Архив НГОМЗ, 1911. ф. 16, оп. 1, д. 302, № 6102.

4. Журнал XXVII заседания НОЛД от 30 апреля 1912 г. / Сборник НОЛД.Т.6. Н., 1912. С. 47.

5. Иванов А.Ю. Отчет за 1995 год. Архив ИА РАН.

6. Иванов А.Ю. Отчет за 1996 год. Архив ИА РАН.

7. Иванов А.Ю. Отчет за 1997 год. Архив ИА РАН.

8. Иванов А.Ю. Отчет за 1999 год. Архив ИА РАН.

9. Конецкий В.Я. Отчет за 1987 год. Архив ИА РАН.

10. Конецкий В.Я. Отчет за 1994 год. Архив ИА РАН.

11. Конецкий В.Я. Отчет за 1995 год. Архив ИА РАН.

12. Конецкий В.Я. Отчет за 1996 год. Архив ИА РАН.

13. Конецкий В.Я. Отчет за 1997 год. Архив ИА РАН.

14. Конецкий В.Я. Отчет за 1998 год. Архив ИА РАН.

15. Конецкий В.Я. Отчет за 1999 год. Архив ИА РАН.

16. Конецкий В.Я. Отчет за 2000 год. Архив ИА РАН.

17. Куза А.В. Раскопки курганов в Новгородчине. // АО, 1965.

18. Носов Е.Н. Отчет за 1976 год. Архив НГОМЗ. Ф.1, 1976/62.

19. Орлов С.Н. Краткий отчет о поездке в Любытинский район по обследованию исторических и археологических памятников с 1-5 августа. 1959. Архив НГОМЗ.

20. Отчет археологической комиссии за 1912 г. Петроград, 1916.

21. Программа археологического обследования о городищах и курганах района Лъзичской волости Боровичского уезда Новгородской губернии. Архив НГОМЗ, 1909-1910. ф.6, оп. 1, д. 72, № 12036.

22. Программа археологического обследования о городищах и курганах района Шереховской волости Боровичского уезда Новгородской губернии. Архив НГОМЗ, 1909-1910. ф.6, оп. 1, д. 72, № 12036.

23. Раскопки курганов в Новгородской губернии Боровичского уезда, близ д. Пробужа. РГИА, ф. 950. оп. 1. д. 334.

24. Романцев И.С. О курганах, городищах и жальниках Новгородской губернии. Н., 1911.

25. Сведения о городищах и курганах, находящихся во 2-ом стане Боровичского уезда. Архив НГОМЗ. 1909-1910. ф.6, оп.1, д. 73, № 12037.

26. Станкевич Я.В. Керамика нижних слоев Старой Ладоги. // СА, Т. XIV, 1915 С. 200-201. (Рис. 4).

27. Успенская А.В., Фехнер М.В. Указатель к карте "Поселения и курганные могильники Северо-Западной и Северо-Восточной Руси X-XIII вв. // Очерки по истории русской деревни X-XIII вв. (ТГИМ, Вып. 32). М., 1956.

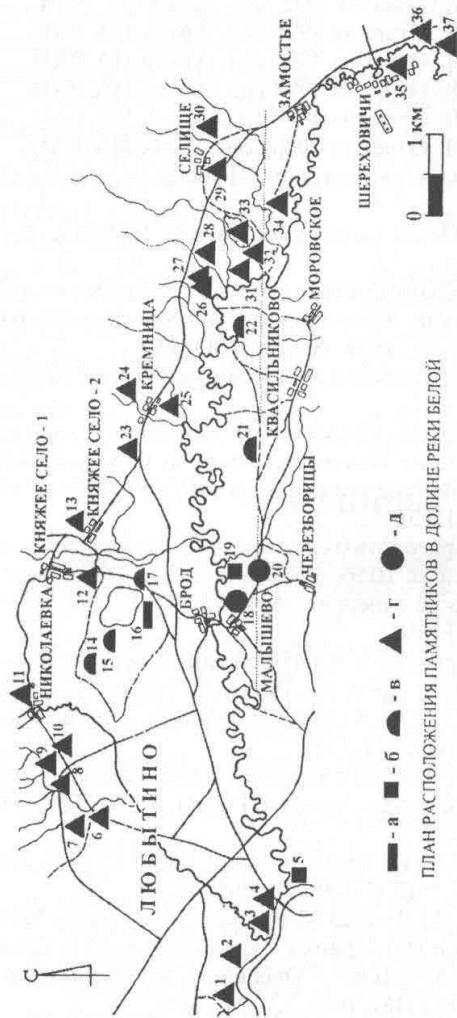

Рис. 1

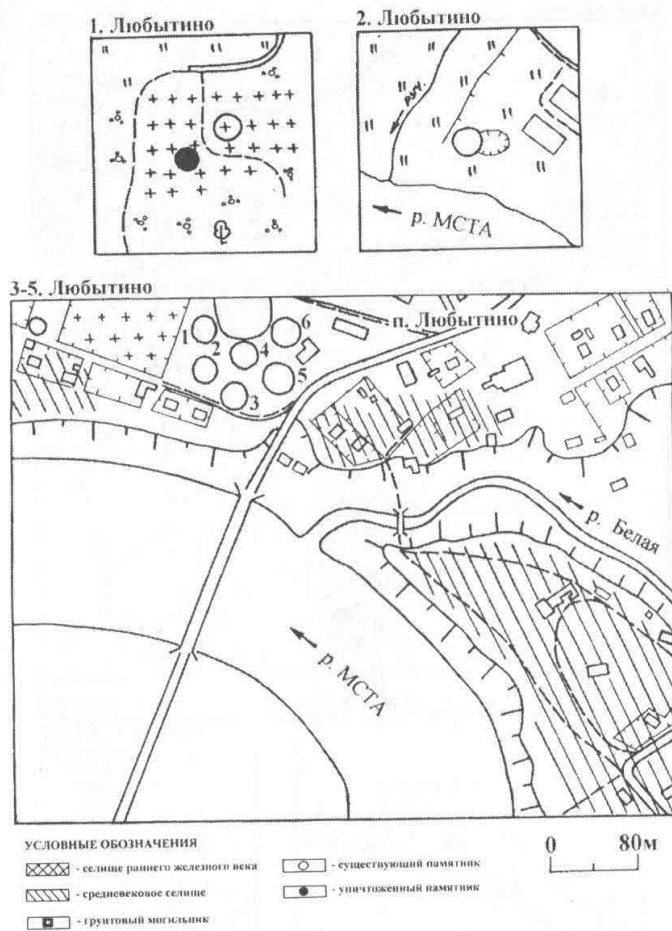

Рис. 2

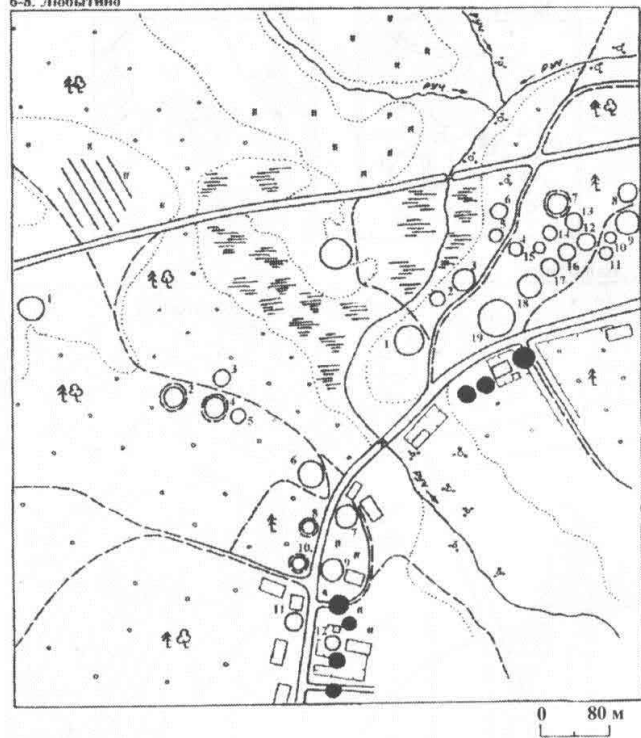
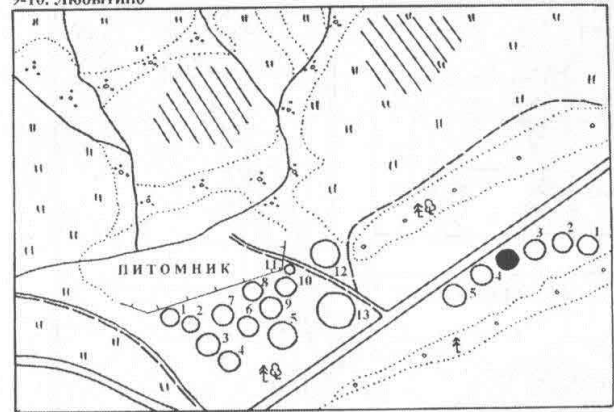
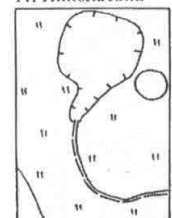

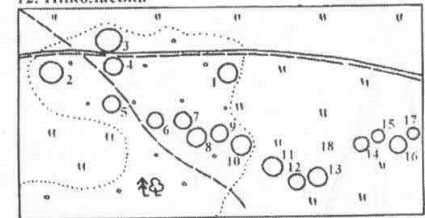
Рис. 3

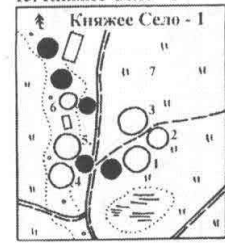
11. Николаевка

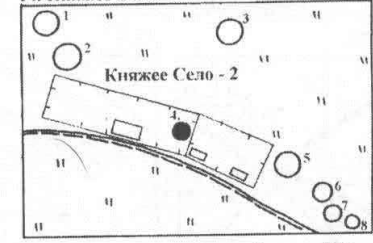
12. Николаевка

13. Княжее Село - 1

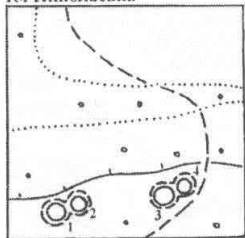
14. Княжее Село - 2

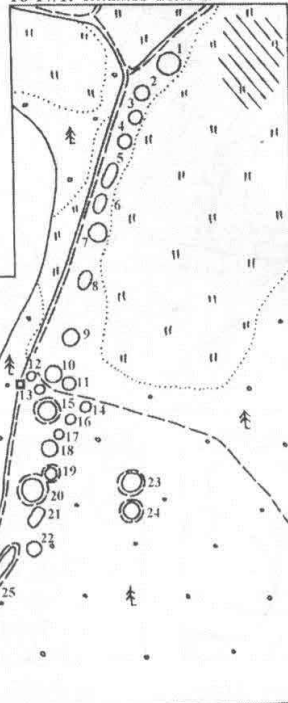
0 80м

Рис. 4

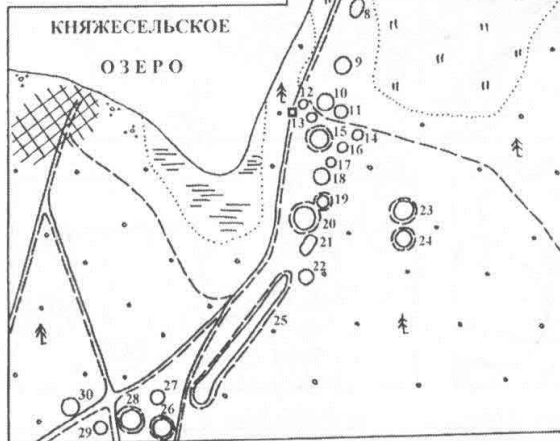
15. Николаевка

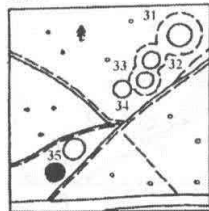
16-17/1. Княжее Село-1

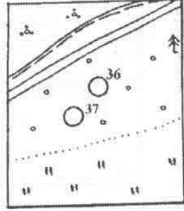
КНЯЖЕСЕЛЬСКОЕ
ОЗЕРО

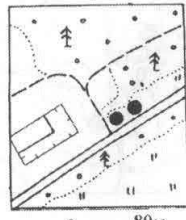
17/2.

17/3.

17/4.

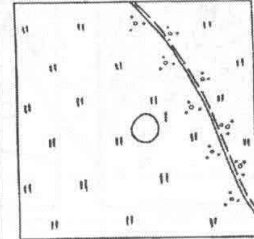
0 80м

Рис. 5

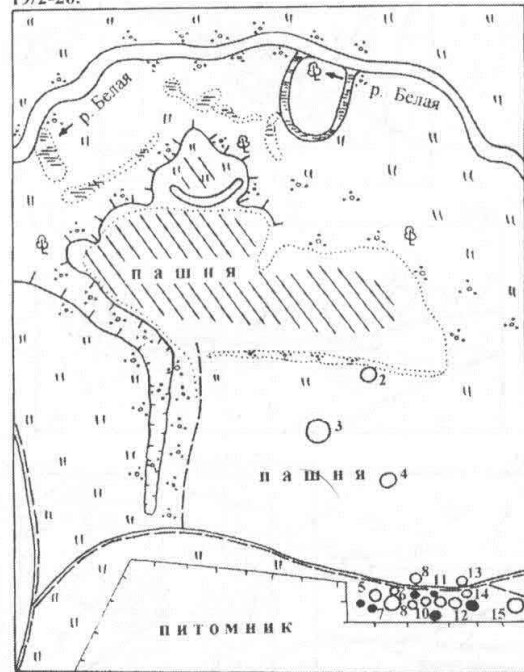
18. Малышево

19/1. Малышево

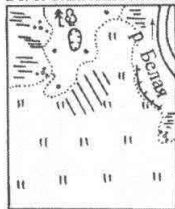
19/2-20.

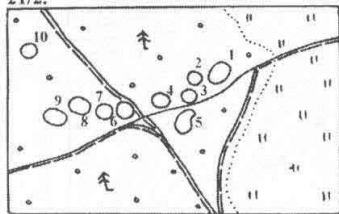
0 80м

Рис. 6

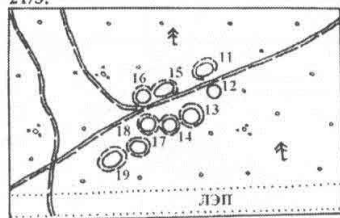
21/1. Квасильниково

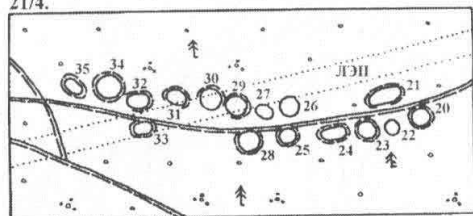
21/2.

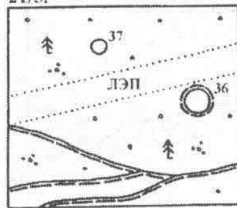
21/3.

21/4.

21/5.

22. Моровское

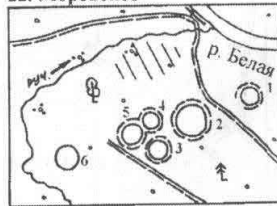
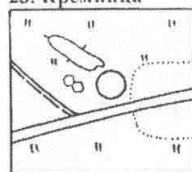

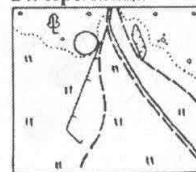
Рис. 7

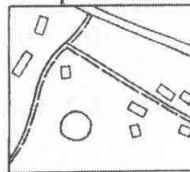
23. Кремница

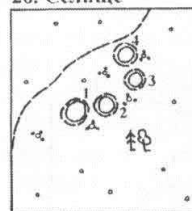
24. Кремница

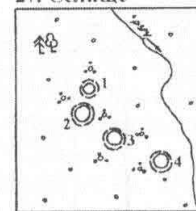
25. Кремница

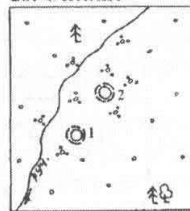
26. Селище

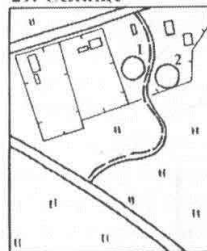
27. Селище

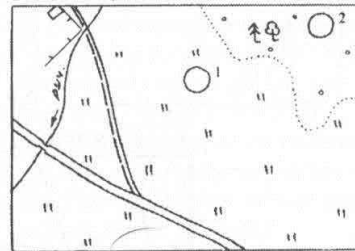
28. Селище

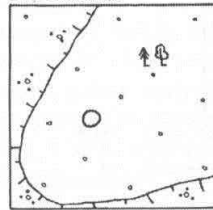
29. Селище

30. Селище

31. Селище

32. Селище

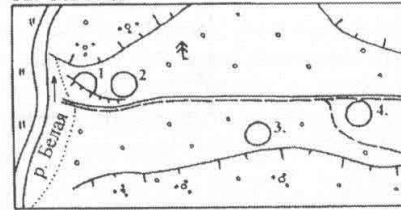

Рис. 8

НАХОДКИ РАННЕСАЛТОВСКОЙ ПОЯСНОЙ ГАРНИТУРЫ В НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Образцы раннесредневековой торевтики до сих пор не часто встречались на территории Новгородской земли. Особенно редко попадают археологам находки, связанные с мужскими поясными наборами, которые широко распространяются по территории Евразии в период IV-X вв.

Ярким образцом такой раннесредневековой торевтики можно считать щиток бронзовой пряжки, хранящийся в Любытинском краеведческом музее.¹ Этот фрагмент представляет собой щиток полуовальной формы с закруглённым основанием длиной 4,2 см., шириной около 2 см и толщиной около 2,5 мм (рис. 4). На обратной стороне находятся две петли или стойки с отверстиями отлитые вместе со щитком (О. А. Щеглова считает, что отверстия в стойках просверлили уже в готовой отливке). При помощи этих петель или стоек пряжка крепилась к кожаному ремню. От шарнирного соединения рамки и щитка сохранился только один фрагмент петли. Рамка и вторая петля шарнирного соединения не сохранились. На лицевой стороне щитка - растительный орнамент.

Впервые именно эта находка была опубликована В.Я. Конечким и Е.Н. Носовым, которые ошибочно интерпретировали её как средневековый наконечник ремня². Исследователи не обратили внимания на фрагмент петли для крепления рамки и петельки на обратной стороне, которые, совершенно, не характерны для крепления наконечников ремней. Вторая публикация этой находки была проведена К. А. Михайловым³.

Наиболее подробное исследование раннесредневековых поясных пряжек Восточной Европы было проведено В. Б.

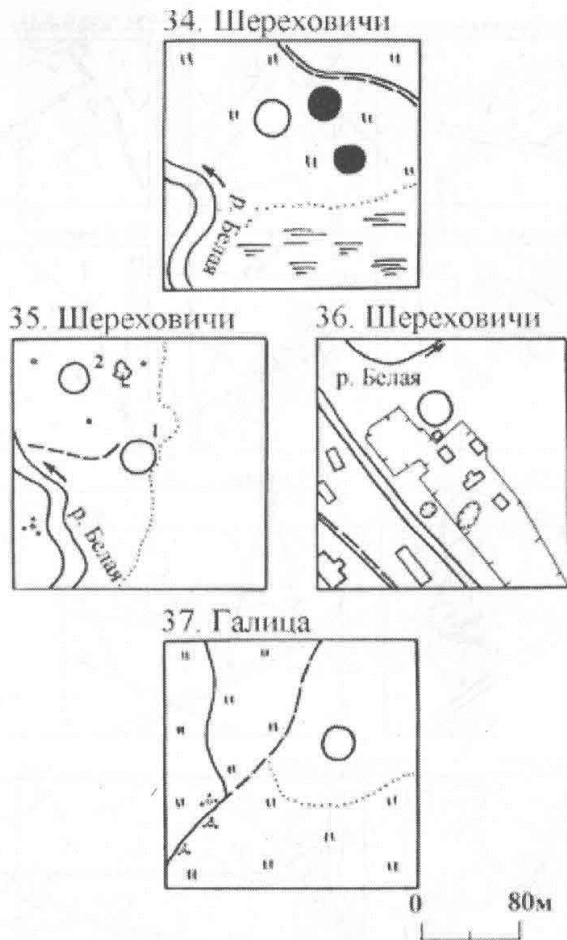
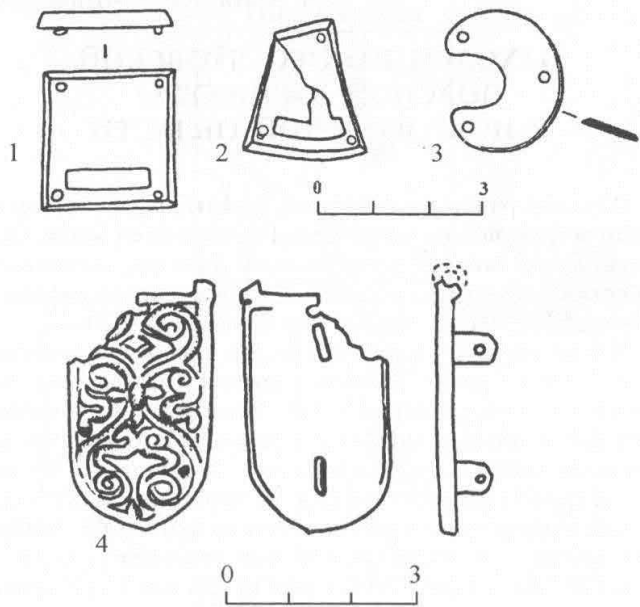

Рис. 9

1, 2, 3 - Поясные бронзовые накладки с селища Прость (по А. В. Плохову).
4 - Пряжка типа «Тепсень» из Любытино (бронза).

Ковалевской. В её типологии форма щитка любытинской шарнирной пряжки относится к варианту ба,⁴ а крепление произведено при помощи петелек⁵. По типологии Ковалевской любытинскую находку, с некоторой долей осторожности, можно отнести к типу 7 овальнорамчатых пряжек с длинным полуовальным щитком, подтип 9.⁶ По её мнению подавляющее число находок этого типа обнаружено в Крыму и может датироваться VIII в.

Интересные аналогии декору любытинской находки можно обнаружить в работах А. В. Комара, который предлагает

оригинальную хронологию предсалтовских и салтовских древностей⁷. В отличие от В. Б. Ковалевской, А. В. Комар считает, что подобные пряжки имели рамки сегментовидной формы. Детали поясной гарнитуры, с орнаментом аналогичным любытинскому, который он называет «растрепанная пальметта»⁸, обнаружены в Ясиново, в Новых Санжарах, в Вознесенке и в Романовке⁹. Некоторые отдаленные аналогии орнаменту этой находки можно обнаружить на ременных наконечниках Неволинской культуры относящихся к VII-VIII вв.¹⁰ А. В. Комар относит детали поясных наборов с подобным декором к так называемому «горизонту Вознесенки», который автор характеризует проникновением аварских и византийских форм в раннесалтовскую культуру и развитие на этом этапе собственно хазарских орнаментальных мотивов¹¹. А. В. Комар относит попадание предметов горизонта «Вознесенки» в землю в 705-725 гг. или в первой четверти VIII в.¹² После середины VIII в., как считает А. В. Комар, подобные вещи не могли бытовать в материальной культуре хазар.

Однако, сама пряжка относится к группе пряжек типа «Тепсень», по классификации А. В. Комара¹³. Пряжки этого вида имеют византийский тип конструкции (рамка, язычок, шарнирное соединение рамки щитка, крепление петлями) и своеобразный декор, который (по мнению Комара) только имитирует орнамент кочевников. Подобные пряжки изготавливались преимущественно в Крыму, но подражания могли изготавливаться в Поволжье и на Кавказе. Этому не противоречит наблюдение О. А. Щегловой и Е. Шаблавиной, которые считают, что характерная технологическая деталь – отливка петель вместе с пряжкой и изготовление отверстий в петлях уже после отливки – свидетельствует о том, что пряжка была изготовлена в крымских мастерских.¹⁴ А. В. Комар датирует выпадения пряжек типа «Тепсень» в захоронения кочевников 20-80 гг. VIII в. и относит к горизонту раннесалтовской культуры - «Столбище-Старокорсунская». А. В. Комар отмечает полный отказ «салтовцев» от византий-

кой традиции в изготовлении поясных наборов 760-770 – е гг. и появление в погребениях 780-790х гг. “классических” салтовских поясов¹⁵. Следует отметить, что любытинская находка сочетает в себе форму и технологические приемы характерные для византийских мастерских и декор типичный для кочевников раннесалтовского круга. Большинство специалистов считают местом изготовления подобных “синтезных” вещей Крым, в котором сохранились византийские мастерские, но который почти полностью контролировался хазарами.

Любытинскую находку, дата которой не выходит за пределы VIII в. (скорее первая половина – середина VIII в.), можно поставить в один ряд с находками раннесредневековой поясной гарнитуры с селища Прость в новгородском Поозерье¹⁶. Е. Н. Носов и А. В. Плохов считают, что бронзовые литые накладки для пояса, обнаруженные на поселении Прость, характерны для регионов Урала, Сибири и Прикамья и могут быть датированы VII-IX вв. (рис.1-3). До этих находок пряжка из окрестностей Любытино оставалась уникальной находкой. Теперь можно говорить о том, что в VIII в. (или может быть в самом начале IX в.) в Приильменье и Поволховье с востока, по реке Мста, проникают вещи, без сомнения, связанные с раннесалтовской культурой. Этот факт можно связать с известной находкой в производственной постройке горизонта Е1 старолadoжского Земляного городища самого раннего для Ладоги серебряного дирхема (699/700 гг. Омайады, Дамаск)¹⁷. Также в постройке горизонта Е1, датированной концом VIII в., были обнаружены две серебряные полудрахмы, отчеканенные в Табаристане в 768 и 783 г и синие стеклянные лунницы салтовского типа¹⁸. Находки из Старой Ладоги указывают на окончание формирования транзитного пути между Волгой и Балтийским морем где-то в середине - второй половине VIII в. В свою очередь, появление уникальной раннесалтовской поясной гарнитуры в Любытино и на поселении Прость подтверждают время формирования балтийско-волжской транзитной

торговли и указывают её маршрут. Также было бы интересно отметить, что находки ременной кочевнической ременной гарнитуры чрезвычайно редки в лесной зоне Восточной Европы, особенно на памятниках, связанных с ранними славянами. Традиция ношения богато украшенных поясных наборов практически отсутствует в зоне восточнославянского расселения. Исключениями можно считать район роменской или, точнее, вольнцевской культуры, непосредственно связанный с Хазарским каганатом, и единичные находки салтовских и венгерских поясных бляшек IX-X вв. в смоленских длинных курганах¹⁹.

Вполне вероятно, Е. Н. Носов и А. В. Плохов правы, когда они называют Прость памятником, связанным с расселением первых славян в Приильменье²⁰. Первые пришельцы с юга могли появиться из зоны славяно-хазарских контактов, и оттуда они могли принести традицию ношения наборных поясов. Эта традиция не получила дальнейшего распространения в последующую эпоху и “угасла” с исчезновением первого поколения переселенцев и это не смотря на то, что в конце VIII – IX вв. открывается возможность прямых культурных обменов Северо-Запада с Верхним Поволжьем.

---

¹ Приношу свою глубокую благодарность директору Любытинского краеведческого музея А. Ю. Иванову (пос. Любытино – адм. центр одноименного района Новгородской области), который обратил моё внимание на эту находку и любезно разрешил её опубликовать (номер хранения – КЛМ-41), а так же А. В. Плохову и А. В. Комару, который любезно консультировал меня.

² Конецкий В. Я., Носов Е. Н. К вопросу о сложении административных центров конца I тыс. н. э. в восточных районах Новгородской земли. // Славяно-русские древности. Вып. 3. Проблемы истории Северо-Запада Руси. СПб., 1995. С. 33, 47, рис. 3, 19.

³ Михайлов К. А. Византийские поясные пряжки в северных русских землях. // Ладога и Северная Европа (Вторые чтения памяти А. Мачинской). СПб., 1996, С.31, рис.3.

⁴ Ковалевская В. Б. Поясные наборы Евразии IV-IX вв. Пряжки. // САИ. (Вып. Е1-2). М., 1979, рис. 3, 6а.

⁵ Там же. С. 13, рис. 4, 17.

⁶ Там же. С. 19.

⁷ Комар А. В. Предсалтовские и раннесалтовский горизонты Восточной Европы (вопросы хронологии). // *Vita Antiqua*. № 2, Киев, 1999, 111-136

⁸ Одним из первых термин пальметта с “растрепанными” лепестками, для элементов согдийского и тюркского орнаментов VII-VIII вв., ввел Б. И. Маршак в книге “Согдийское серебро” М., 1971, С. 52.

⁹ Комар А. В. Предсалтовские и раннесалтовский горизонты... С. 118, таблица 1, б. 18, 29, 38, 39.

¹⁰ Голдина Р.Д., Водолага Н.В. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск, 1990, С. 82, 93, табл. XXXIV. 31-32, 34, LXVIII. 56.

¹¹ Комар А. В. Предсалтовские и раннесалтовский горизонты... С. 115, 117.

¹² Комар А. В. Предсалтовские и раннесалтовский горизонты... С. 131-132.

¹³ Комар А. В. Предсалтовские и раннесалтовский горизонты... С. 123.

¹⁴ Не следует исключать и другие центры изготовления. В VII-VIII вв. пряжки с креплениями в виде петель или стоек изготавливались в Прикамье, Подонье, на Кавказе, у авар и даже в Иране. Е. Шаблавина предполагает, что такой технологический прием был характерен для мастеров из Херсонеса.

¹⁵ Комар А. В. Происхождение поясных наборов раннесалтовского типа. // *Культуры Евразийских степей второй половины I тыс.н.э. (из истории костюма)*. Том 2, Самара, 2001, С. 103-117.

¹⁶ Носов Е. Н., Ершевский Б. Д., Плохов А. В. О работе на поселении Прость в 1997 году. // *НиНЗ ИиА Выпуск 12*, Новгород, 1998, С. 29, 31; Носов Е. Н., Ершевский Б. Д., Плохов А. В. Исследования на поселении Прость в 1998 г. // *НиНЗ ИиА. Вып. 13*, Новгород, 1999, 16-17.

¹⁷ Давидан О. И. Этнокультурные контакты Старой Ладоги VIII-IX веков. // *АСГЭ. Вып. 27. Л.*, 1986, С. 101.

¹⁸ Рябинин Е. А. Новые открытия в Старой Ладоге. // *Средневековая Ладога. Л.*, 1985, С. 51; Давидан О.И. Этнокультурные контакты... С. 101.

¹⁹ Григорьев А. В. Северская земля в VIII – начале XI века по археологическим данным. Тула, 2000, с. 124, 142, 145, рис. 44; Енуков В. В. Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей (по археологическим материалам). М., 1990, С. 65-66, рис. 16.24, 44.

²⁰ Плохов А. В. К проблеме появления славян в Приильменье. // *Ладога и религиозное сознание (Третьи чтения памяти А. Мачинской)*, СПб, 1997, 107.

А. Н. Башенькин (Вологда)

ЮГО-ЗАПАДНОЕ БЕЛОЗЕРЬЕ В IX-XI ВВ.

До настоящего времени историко-культурные процессы, происходившие в Белозерье в IX-XI вв., рассматриваются в литературе с позиций, изложенных Л. А. Голубевой в монографии 1973 г.¹ Ссылки на эту монографию постоянно появляются в работах археологов, историков, этнографов, языковедов и специалистов других дисциплин. Однако со времени выхода работы прошло более 20 лет. В Белозерье за это время проведены широкие разведочные и раскопочные работы, дающие совершенно новые представления об историко-культурных процессах, происходивших в регионе. Не ставя целью подробную критику положений Л. А. Голубевой, обрисую ситуацию, выявившуюся к настоящему времени.

В бассейне р. Мологи на рр. Чагодоше, Кобоже, Песи никаких групп финно-угорского населения к IX веку не существует. Финно-угорское население на этой территории было ассимилировано или вытеснено на более северо-восточные территории еще в V-VII вв. населением культуры длинных курганов. Культура длинных курганов, датируемая на этой территории V-IX вв., оставлена летописными кривичами, - славянским или балто-славянским населением, продвинувшимся сюда с юго-запада еще в V веке. Основные исследованные памятники: поселение Варшавский шлюз III, курганные группы Варшавский шлюз I, II на р. Чагоде, Любахин I на р. Песь, Усть-Белая IV на р. Кобоже, Куреваниха III и Крутец-Избищи I на р. Мологе.²

В IX-X вв. на этой территории появляется новая группа населения - словене, оставившие памятники культуры сопкок. Сопки располагаются рядом с селищами, на открытых местах, пригодных для земледелия. Ранее в регионе было

исследовано 4 сопки в двух группах, нами в 1992 г. предприняты исследования еще одной монументальной насыпи у д. Озереве на р. Чагоде. Она находилась на берегу реки в поле в цепочке из 6 сопок. Высота насыпи 6,4 м, диаметр 26 м, ров отсутствовал. Погребение I было представлено несколькими кальцинированными косточками в вершине насыпи и единичными фрагментами грубой лепной керамики. Погребение II - на глубине 2,2 м от вершины, на площади 0,5x0,5 м содержало несколько мелких кальцинированных костей, среди которых медный брусок весом 91,2 г. Других погребений не обнаружено. Центр насыпи на разных уровнях отмечался каменными кладками. Исследование этой монументальной насыпи с двумя практически безынвентарными погребениями еще раз убеждает в правомерности положений В. Я. Конечского, который рассматривает сопки как погребальные памятники социальной верхушки возводивших их коллективов.³

До конца IX в. славянское население в Белозерье проживает только в бассейне р. Мологи, на территории современных Чагодощенского и Устюженского районов Вологодской области, не переходя болотистую Молого-Шекснинскую низменность. Севернее и восточнее, в бассейнах рр. Суды, Шексны и Белого озера обитала летописная весь. Результаты археологических разведок и раскопок, проведенных в последние годы, не позволяют согласиться с утвердившимся положением о слабой заселенности Белозерья финно-угорским населением. Материалы IX века получены при раскопках поселений у д. Городище Кирилловского района,⁴ Шексна I⁵ и комплексе памятников у д. Никольское на средней Суде.⁶ При этом следует отметить, что поселение Крутик у д. Городище является одним из реальных претендентов на роль летописного Белоозера IX века, так как на поселении при истоке Шексны - "Старом городе", исследования которого вела Л. А. Голубева и в настоящее время продолжают Н. А. Макаров и С. Д. Захаров материалов IX века так и не найдено. Очевидно, это не случайно. Крутик же во II половине IX века являлся торгово-ремесленным центром Бе-

лозерья. Достаточно сказать, что уровень металлообработки на поселении не уступал таким центрам как Ладога, Новгород, Гнездово,⁷ а среди находок сотни вещей "западного" и "восточного" происхождения, в том числе 13 дирхемов конца VIII-X вв. Материалы поселения свидетельствуют о проживании здесь наряду с веским населением и скандинавов.⁸ Поселение при истоке Шексны, "Старый город", становится центром края не ранее середины X века. Причем следует отметить, что вопреки мнению автора раскопок, это поселение изначально можно характеризовать как древнерусское. Об этом свидетельствует наличие в древнейшем слое X века круговой древнерусской посуды, шиферных пряслиц и т. д.

В целом же в бассейне Суды и Шексны в IX-X вв. весит принадлежат яркая финно-угорская культура, отличная по своим элементам от культур соседних территорий - Карелии, Юго-восточного Приладожья, Верхнего Поволжья, бассейна Северной Двины. Истоки ее уходят в древности I тыс. н. э. В IX-первой половине X века в бассейне Шексны прослеживается мощное этнокультурное влияние поволжских финно-угров, связанное, вероятно, и с прямым продвижением сюда поволжского населения. По-видимому, эти процессы были стимулированы усилением роли Волжского пути в конце VIII - первой половины X века. По материальной культуре весь период IX-X вв. относится к группе поволжских финнов, а не прибалтийских.

Славянское освоение бассейна Шексны начинается с X века. Оно идет двумя путями. Первый - из района первоначального славянского расселения - бассейна Мологи - по рекам Лиди и Волочне на р. Колпь. В X- начале XI века на средней Колпи почти одновременно возникает более десятка древнерусских поселений и соответствующих им курганных могильников. Эти памятники не связаны с развитием местной финно-угорской культуры. В погребальном обряде отчетливо прослеживаются традиции культуры длинных курганов. Освоив среднюю Колпь, это население далее на восток - на нижнюю Колпь и нижнюю Суду - не распрост-

ранялось. Характерно, что в более позднее время, в XII-XIII вв. граница между Новгородской и Ростово-Суздальской землями точно проходила по рубежу освоения XI века, отмеченному этими курганными могильниками. Река Шексна осваивалась, по-видимому, другой группой славянского населения - с Верхней Волги и Верхнего Днепра. Показателями является наличие на шекснинских поселениях полужемляночных жилищ, серии специфических верхнеднепровских украшений. В X-XI вв. на Шексне идет быстрая ассимиляция веси. В материалах поселений и могильников отчетливо прослеживается смешение славянских и финно-угорских элементов культуры. В результате, к концу XI века здесь формируется достаточно однородная древнерусская культура. К 70-м годам XI века здесь уже существует сеть погостов. Не все группы весского населения разделили судьбу шекснинско-белозерской веси, оказавшейся на магистральных путях древнерусской колонизации и быстро ассимилированной. Весское население на р. Суде было обойдено колонизационными потоками X-XI вв. и долго сохранило свою этническую территорию, культуру, язык.

¹ Голубева Л. А. Веси и славяне на Белом озере. X-XIII вв. М., 1973.

² Башенькин А. Н. Культурно-исторические процессы в Молого-Шекснинском междуречье в конце I тыс. до н. э. // Проблемы истории Северо-Запада Руси. СПб., 1995. С. 3-29.

³ Концевий В. Я. Новгородские сопки и проблема этносоциального развития Приильменя в VIII-X вв. // Славяне. Этногенез и этническая история. (Междисциплинарные исследования). Л., 1989. С. 141-144.

⁴ Голубева Л. А., Кочуркина С. И. Белозерская весь (по материалам поселения Крутик IX-X вв.). Петрозаводск, 1991.

⁵ Кудряшов А. В. Средневековые памятники Шексны. // НиНЗ ИиА. Вып. 6. Новгород, 1992. С. 44-50.

⁶ Башенькин А. Н. Некоторые общие вопросы культуры веси. // Культура Европейского Севера России (дооктябрьский период). Вологда, 1989. С. 3-21.

⁷ Розанова Л. С. Итоги металлографического исследования кузнечных изделий. // Белозерская весь...

⁸ Голубева Л. А., Кочуркина С. И. Белозерская весь... С. 101-120.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПАМЯТНИКОВ В I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ Н. Э. В БАСЕЙНЕ МОЛОГИ

К настоящему времени в результате многолетних исследований на северо-западе России, и в Новгородской земле в частности, наиболее изученными являются памятники IX -XIII вв. В то же время памятники I половины - середины I тыс. н. э., имеющие большое значение для понимания историко-культурных процессов, происходивших на этой территории, остаются еще слабо изученными, а в ряде регионов и вообще не выявленными.

В связи с этим, большой интерес представляет бассейн Мологи, где в последние годы Северорусской экспедицией были обнаружены и исследованы раскопками могильники и поселения указанного периода. Раскопочные работы 1990 г. дали новые интересные материалы этого времени.

На реке Мологе продолжено исследование археологического комплекса у д. Куреваниха Устюженского района. Здесь на 5-ти километровом участке правого берега Мологи обнаружено более 20 памятников, датирующихся от эпохи мезолита до XIII в.: 3 мезолитических стоянки, одна неолитическая, 2 стоянки эпохи бронзы; 2 городища, 6 селищ и 2 могильника железного века, 2 селища и могильник середины I тыс. н. э.; 2 группы сопок, насыпи культуры длинных курганов, 2 селища конца I тыс. н.э.; древнерусское городище, 2 селища и курганный могильник X - XIII вв.

В 1990 г. раскопаны два погребальных сооружения Куреваниха XVII и XX, и круглая насыпь культуры длинных курганов в могильнике Куреваниха III. Погребальное сооружение Куреваниха XVII находилось на краю поселения Куре-

ваниха XVI. Оно располагалось на краю уступа боровой террасы р. Мологи, высота которой над заболоченной поймой достигает 5 м. В настоящее время Молога протекает в 150 м от уступа боровой террасы, но в древности протекала здесь, о чем свидетельствует сохранившаяся старица. Сооружение находилось на небольшой возвышенности, образованной уступом террасы Мологи и склоном берега небольшого ручья. Выраженных внешних признаков погребального сооружения не имело, на местности (сосновый бор) не выделялось, и при обнаружении первоначально было принято за грунтовый могильник. Сооружение исследовано раскопом площадью 144 кв. м. Оно представляло обугленный сруб размером 4,9x4,9 м. Вокруг сруба на расстоянии 3-4 м от него небольшой ровик с зolistым заполнением, в котором найден грузик «дьякова» типа. Ровик имел перемычки, разделявшие его, по-видимому, на 4 части, параллельно сторонам сруба (с четвертой стороны разрушен дорогой). Внутри сооружения - большое количество кальцинированных костей человека с золой и угольками. Отдельные погребения не выделяются. Этот темный слой с костями имел мощность от 0,1 до 0,3 м. Среди костей фрагменты сетчатой и лепной гладкостенной керамики, более 200 индивидуальных находок: двушипные черешковые наконечники стрел, 1 бронзовый трехлопастной, костяной нож с горбатой спинкой, шилья, бронзовые и железные пряжки, бляшки-скорлупки, поясные привески и накладки. Женские украшения представлены коническими ажурными бляхами, коническими подвесками, бляшками-пронизьями, булавкой со спиральным навершием, спиральками, скобочками, стеклянными бусами. Большой интерес представляют 3 полых подвески-медведя, подвеска-птица с распростертыми крыльями. Вся керамика плоскодонная; гладкостенная преобладает над сетчатой. Горшки небольших размеров, есть миниатюрные сосуды. Некоторые орнаментированы насечками по срезу венчика, есть линейная веревочка. Возможно, некоторые погребения

находились в горшках. По инвентарю погребальное сооружение относится к рубежу - первым векам нашей эры. Несомненно, оно оставлено финно-угорским населением. Ряд вещей, в частности, зооморфные украшения, имеют камское происхождение. За пределами сооружения в раскоп вошел небольшой участок поселения. Здесь найдена ленная керамика, серебряный салтовский перстень с камнем, 2 ножа с уступами, рыболовный крючок. Вещи относятся к VIII-X вв. н. э., т.е. времени, значительно более позднему, чем время функционирования погребального сооружения.

Второе погребальное сооружение Куреваниха XX, аналогичное исследованному, находилось примерно в 700 м от него. В отличие от первого, оно располагалось не на краю боровой террасы, а в глубине бора на гряде, примерно в 120 м от уступа террасы. Сооружение аналогично первому, однако в отличие от него, находилось не на поселении, а в бору на «чистом» месте, прекрасно сохранилось, ничем не потревожено и имеет «чистый» погребальный комплекс. Оно, по-видимому, относится или к находящемуся в 140 м от него городищу Куреваниха XIII, расположенному на уступе террасы, или к селищу Куреваниха XIV рядом с ним. Сооружение было поставлено на вершине вытянутой гряды. Также как и первое, оно окружено ровиком, причем ровик, идущий поперек гряды, прорезал ее, и в целом создавалось впечатление, что это небольшой холм на гряде.

Сооружение, имевшее в плане размеры 4 x 5,5 м, исследовано раскопом 112 кв. м. Нижний венец сруба местами сохранился в виде обугленного дерева. В юго-восточном углу сооружения находился открытый очаг, в котором расчищены небольшие обугленные плашки. Вокруг очага костей немного, однако, в центральной и западной части сооружения черный слой с костями был более мощный, чем в первом сооружении и достигал до 0,6 м. В сооружении найдены развалы и фрагменты не менее 35 горшков, из них 6 сетчатых. В одном случае достоверно зафиксировано нахождение в сто-

явшем гладкостенном горшке обожженного черепа, кости которого распались по швам. Горшки небольших размеров плоскодонные, у части венчики загнуты вовнутрь, часть баночной формы, некоторые фрагменты ошлакованы. Среди костей более 100 предметов, составлявших погребальный инвентарь: ножи с горбатой спинкой, железные двушипные черешковые наконечники стрел, оселки, обломки костяных рукоятей, пряжки. Украшений немного: круглая плоская бляха с петельками камского типа, обломки круглых ажурных блях, бляшка-розетка, бляшки-скорлупки, подвеска-«сапожки», спиральки, бронзовые и золотостеклянные бусы. Представляет большой интерес находка в этом раннем комплексе полый подвески-«уточки».

С трех сторон вокруг сооружения чистый песок, с четвертой, восточной, в песке найдено большое количество кальцинированных костей человека. В отличие от сооружения, кости здесь чистые, без угля и пепла. Они залегали сразу под дерном в песке до глубины 0,15 м. Кости найдены на площади 6,5 x 3,5 м, отдельные скопления не выделялись. Среди костей найдены 5 железных наконечников стрел, датирующихся IV-II вв. до н. э., железная игла с ушком и железные колечки неясного назначения. В материке расчищены 2 столбовые ямки. Эти погребения предшествовали возведению здесь погребального сооружения срубной конструкции. По-видимому, и они находились в каком-то сооружении или на поверхности, т. е. это не погребения в грунтовых ямках. Погребальные сооружения Куреваниха XVIII и XX полностью аналогичны сооружению, исследованному нами в 1986 г. в могильнике Усть-Белая на р. Кобоже. По углю сруба оно датируется 70 ± 40 г. н. э. (ЛБ-4557), т. е. относится к тому же времени, что и сооружения в Куреванихе. Вещевой материал также близок. Возведение этих сооружений, по-видимому, связано с представлениями о «домах мертвых». Традиция «домов мертвых» сохраняется в дальнейшем в Белозерье на протяжении всего I тыс. н. э.

Неожиданные результаты принесли раскопки круглого кургана в могильнике Куреваниха III, находящегося в 2 км от исследованных погребальных сооружений. Ранее в этом могильнике была раскопана насыпь высотой 6 м, диаметром 30 м, содержащая несколько погребений по обряду трупосожжения V-VII вв., в одном из которых был найден однолезвийный меч, имеющий аналогии в древностях волжских финно-угров. Раскопанный курган имел высоту 1 м, диаметр 14 м. В нем обнаружены 2 погребения по обряду трупосожжения на стороне. Одно помещено в вершину насыпи, другое в грунтовую ямку в центре кургана. В погребениях шило, обломки и сплавы бронзовых украшений. Погребальная площадка оконтурена кольцевым рвом. Раскопанная насыпь относится к культуре длинных курганов. На сегодня это самая крайняя северо-восточная точка в ареале культуры длинных курганов.

Поселение и 2 могильника культуры длинных курганов исследованы на р. Чагоде в устье р. Горюн близ бывшего Варшавского шлюза. Поселение Варшавский шлюз III и курганная группа II находятся на правом берегу Чагоды, группа I - на левом. Группа I состояла из 12 насыпей: 3 сопковидных, 2 длинных, 7 круглых и подпрямоугольных. В круглом кургане диаметром 10 м, высотой 0,4 м близ центра в насыпи под дерном обнаружено погребение по обряду трупосожжения на стороне. Среди костей мелкие сплавы бронзы и стекла, длинный курган размером 18 x 9 x 0,6 м погребений не содержал.

В группе II, состоящей из 7 круглых курганов, раскопано 2. В одном кургане диаметром 9 м, высотой 0,6 м в насыпи находилось погребение по обряду трупосожжения на стороне, в котором находился нож: с прямой спинкой и железное орудие типа долота. Второй курган оказался пустым.

На поселении Варшавский шлюз III размером 140 x 60 м вскрыто 344 кв. м. Культурный слой незначителен, не превышает 0,2 м, слабо насыщен керамикой. Практически вся

она найдена в жилищах. В раскопе исследованы остатки трех жилищ, стоявших вдоль берега реки. Жилища представляли наземные сооружения срубной конструкции размером от 3,6 x 5 м до 4,8 x 8 м. Внутри жилищ развалы печек-каменок. Вещей на поселении немного и все они найдены в заполнении жилищ: нож, шило, 2 рыболовных крючка и обломки железных предметов. Украшения представлены бусами, рубленным желтым бисером, синей пронизкой, синей одночастной, хрустальной неправильных очертаний, бронзовой пронизкой. Керамика лепная неорнаментированная, имеющая аналогии в могильниках культуры длинных курганов. Очевидно, поселение синхронно могильникам и составляют с ними единый комплекс. Вещевой материал не позволяет датировать исследованные памятники более узко, чем в целом дата культуры - конец V-IX вв. н. э.

И. В. Исланова (Москва)

ПОСЕЛЕНИЕ ЛЕОНТЬЕВО 1 НА ОЗ. МСТИНО

Озеро Мстино - одно из крупных водоемов в Тверской области. Его площадь 13,7 км. По западному и южному побережью преобладают относительно плодородные среднеоподзоленные среднесуглинистые почвы на лессовидном суглинке, по восточному - средне оподзоленные супесчаные почвы на валунной супеси. В археологическом отношении берега Мстино изучены довольно слабо (рис. 1). За исклю-

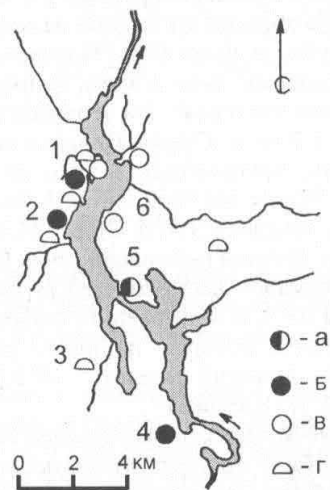

Рис. 1. Археологические памятники I - нач. II тыс. н. э. на оз. Мстино. а - селище раннего железного века, б - селище второй половины I тыс. н. э. или конца I - нач. II тыс. н. э., в - местонахождения лепной керамики, г - предполагаемые погребальные памятники (сопки, курганы); 1 - Старое Почвино, 2 - Леонтьево, 3 - Лютювля, 4 - Борисково, 5 - Рагозино, 6 - Терпигорево, 7 - Желниха.

чением стоянок эпохи камня и позднесредневековых объектов, на восточном берегу известно селище раннего железного века Рагозино¹ и два пункта находок лепной керамики у дд. Терпигорево и Жельниха². На восточном берегу селище Борисково 1, Леонтьево 1 и Старое Почвино 2, предварительно датированные кон. I или кон. I - началом II тыс. н. э.³. Лепная керамика найдена к СВ от д. Старое Почвино на левом берегу реки, впадающей во Мстино.

Сведения о погребальных памятниках в основном относятся к началу XX в. “Высокий курган” отмечен у д. Лютивля, “2 сопки круглые (или продолговатые...)” высотой около 4 м - в селе Леонтьево⁴. И. А. Тихомировым был зафиксирован курган в небольшой рощице у д. Старое Почвино⁵. До настоящего времени эти насыпи не сохранились. Два кургана, упомянутые в своде В. А. Плетнева и осмотренные И. А. Тихомировым, скорее всего, относятся к холмам естественного происхождения⁶. На территории пионерских лагерей в 2 км к СВ от д. Старое Почвино зафиксирована похожая на курган округлая насыпь высотой 0,7 м диаметром до 9 м⁷. По словам местных жителей, ныне разрушенные курганы находились к СЗ от д. Старое Почвино на мысу при впадении в оз. Мстино небольшой реки (левый берег)⁸. В 1952 г. А. Х. Репманом был осмотрен курган “Елизарова могила” (высотой 0,5-0,75 м диаметром около 30 м), расположенный в 2 км от д. Быстрое “на правой стороне дороги (из этой деревни)... в третий поселок”⁹, об этом же кургане есть сведения у В. А. Плетнева¹⁰.

В 1998 г. Верхне-Мстинской экспедицией ИА РАН на селище Леонтьево 1 были проведены рекогносцировочные работы. Поселение было выявлено в 1987 г. М. Н. Черных и А. В. Мирецким¹¹. Находится в 120 м к СВ и в 80 м к востоку от северных усадеб с. Леонтьево, ныне слившегося с пос. Солнечный Вышневолоцкого района (рис. 2). Расположено на западном берегу оз. Мстино на склоне первой надпойменной террасы. Высота площадки над водой от 1 до 7 м. Па-

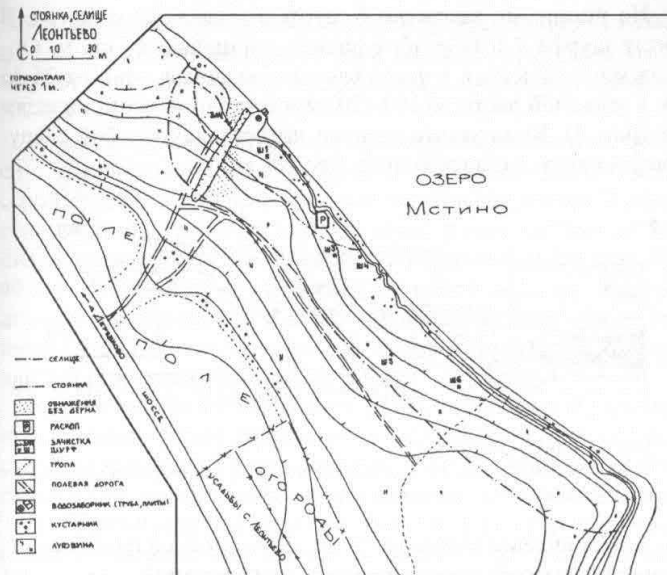

Рис. 2. Стоянка и селище Леонтьево 1.

мятник занят луговой, но ранее распахивался. Северная часть повреждена при строительстве водозаборника. Прибрежная часть размывается озером, в половодье край берега подтапливается.

Памятник многослойный. В 1998 г. здесь обнаружены остатки неолитической стоянки, а кроме слоев селища третьей четверти I тыс. н. э., напластования поселения XV-XVI вв. и периферийного участка села XIX - нач. XX вв. Общая протяженность селища вдоль берега 310 м при ширине 35-50 м (при разведочных работах площадь была определена как 50x20 м), однако селище с лепной керамикой несколько меньше: длиной 230 м при той же ширине (в наиболее возвышенной части, вероятно, находятся только поздние напластования).

На поселении заложено 6 шурфов и сделана зачистка. В месте шурфа 2 был разбит раскоп площадью 44 кв. м. Общая мощность слоя в месте раскопа, включая дерн, от 25-45 см в западной части до 100-120 см в восточной части на склоне (рис. 3). Культурные остатки представляют собой следующую свиту напластований (сверху вниз).

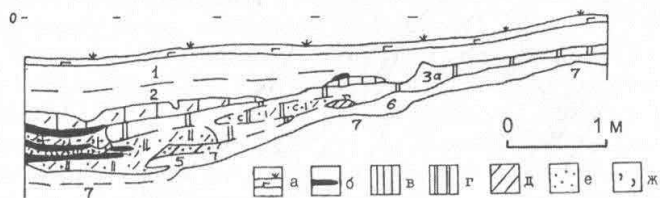

Рис. 3. Селище Леонтьево I:

1, 13 - ножи железные; 12 - шило железное; 2 - 8 - глиняные пряслица; 9 - крест биллоновый; 10, 11 - глиняные грузила.

1. Коричневая супесь от 10 до 35 см - слой, сильно поврежденный пахотой, с включениями нижележащих слоев - это преимущественно отложения, связанные с периферийными участками (огородами?) деревни XIX-XX вв. Отсюда происходит основная масса позднекруговой керамики.

2. Промежуточные контактные слои между - верхней супесью и следующей темно-серой супесью (в западной части раскопа это единые напластования со слоем 1) - это коричнево-серая супесь мощностью до 20-25 см и прослойка серой супеси с включениями темно-серой и коричневой (толщиной в среднем 12-15 см), зафиксированная в восточной части раскопа. Возможно, прослойка связана с отложениями XV-XVI вв.

3. Темно-серая супесь мощностью до 20-28 см. В СЗ части раскопа этот слой почти полностью разрушен пахотой. В западной и центральной части этот слой (3а) имеет включения мелких углей, обожженных камней, иногда, желтого ма-

терикового песка и связан с селищем третьей четверти I тыс. н. э. В восточной части этот слой насыщен крупными углями, частично перемешан со слоем 3а и, вероятно, связан с XV-XVI вв.

4. Пестрые напластования серо-коричнево-желтой супеси с включениями белой подзолистой супеси, углей, темно-серой супеси и линзами крупных углей и темно-серой углистой супеси, остатками горелых плах, занимают только восточную низинную часть раскопа, толщиной в среднем 30-40 см. Пестрый слой представляет собой остатки поврежденных напластований селища третьей четверти I тыс. н. э., линзы углей и темной углистой супеси связаны и с нижней частью сгоревшей постройки XV-XVI вв.

5. Светло-серая с включениями желтой супеси и редкими вкраплениями углей толщиной от 5-10 до 38 см занимает восточную низинную часть раскопа. Напластования являются почвенными отложениями, прорезанными корнями.

6. Желтая супесь с редкими вкраплениями серой, темно-серой или коричневой, мощность слоя от 8 до 20 см. Это материковые напластования, поврежденные и переметанные из пахоты, кротовин и корней деревьев с верхними отложениями. Слой фиксируется в возвышенной западной части раскопа.

7. Желтая материковая супесь с железистыми включениями в восточной низинной части.

Напластования неолитической стоянки на территории раскопа не сохранились: найдено два обломка изделий из кремня.

В слоях 2 - 4 преобладал материал селища третьей четверти I тыс. н. э. Непосредственно с этим поселением связан слой темно-серой супеси, частично поврежденный пахотой и серо-коричнево-желтой супеси, поврежденной средневековой постройкой. Обнаружены два скопления обожженных камней, видимо, являются остатками отопительных сооружений наземных раннесредневековых построек. Здесь же

концентрировались основные индивидуальные находки: биконические и округлые глиняные пряслица (рис. 4: 2-8). С раннесредневековым селищем также связан железный нож с прямой спинкой (рис. 3: 1). Подобные изделия в основном бытуют во второй пол. I тыс. н. э. в лесной зоне Восточной Европы¹.

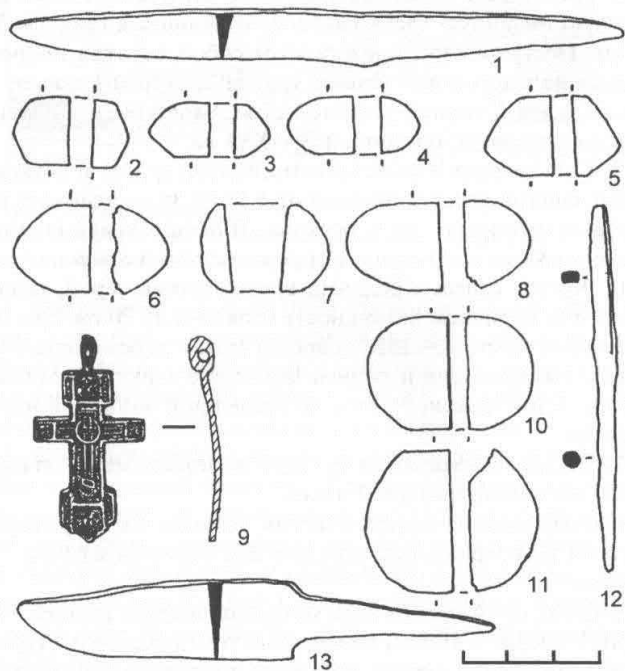

Рис. 4. Селище Леонтьево 1. Стратиграфия слоев на раскопе. Профиль бровки В-3, вид с севера; а - дерн, б - углистая прослойка, в - серая супесь, г - темно-серая супесь, д - коричневая супесь, е - желтая супесь, ж - белая супесь, 1, 2, 3а, 5, 6 нумерация слоев соответствует обозначению в тексте.

Керамическая коллекция насчитывает 1012 фрагментов: 77,4% приходится на долю лепной посуды, господствовавшей в слоях 2-4. 114 фрагментов - к верхним профилированным частям лепной посуды (рис. 5-7); из них - 30 фрагментов имеют достаточный профиль для реконструкции формы верхней части сосуда². Имеющиеся материалы позволяют выделить следующие формы лепной посуды (для создания типологии керамики находок недостаточно), бытовавшей на раннесредневековом селище Леонтьево 1.

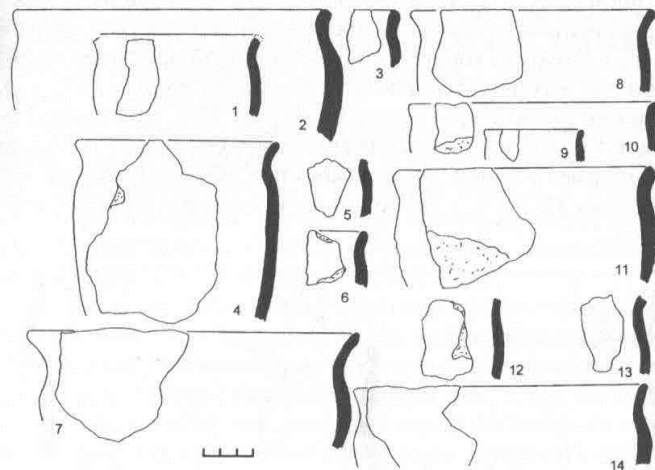

Рис. 5. Лепная керамика селища Леонтьево 1.

1-6 - форма 1б; 7, 14 - форма 4; 8-13 - форма 1а.

Форма 1. Слабопрофилированные горшки с округлым немного сужающимся ко дну туловом, округлым краем венчика, иногда короткой шейкой (12 экз.). По профилировке плечика выделяется два варианта: 1а - с пологим плечом (рис. 5:8-13), 1б - с коротким хорошо выраженным плечом

(рис. 5: 2-6). Внутри этой формы выделяются относительно приземистые горшки (рис. 5: 2). Сосуды формы 1 имеет ближайшие аналогии на памятниках третьей четверти I тыс. н.э. Прежде всего, на селище Юрьевская Горка³, где такие горшки являются одной из ведущих форм. Похожая керамика, но в небольшом количестве, есть и на селище культуры длинных курганов Городок 1⁴. Такую посуду предположительно можно связывать с раннеславянским населением.

Форма 2 (рис.6: 2, 3, 6, 7) крупные сосуды с наибольшим расширением в верхней трети, хорошо выраженным, иногда, относительно пологим, плечом, слабо изогнутой шейкой (4 экз.). Похожие горшки (но с более резкой профилировкой) известны в сопке Мерлугино⁵ и на селище конца I тыс. н. э. Бережок (дальнейшее развитие формы 2?)⁶. На селище Городок 1 подобной посуды не встречено. Отдаленно похожую форму имел горшок, найденный в погребальной насыпи могильника Пуйга 1, относящемуся к культуре длинных курганов⁷.

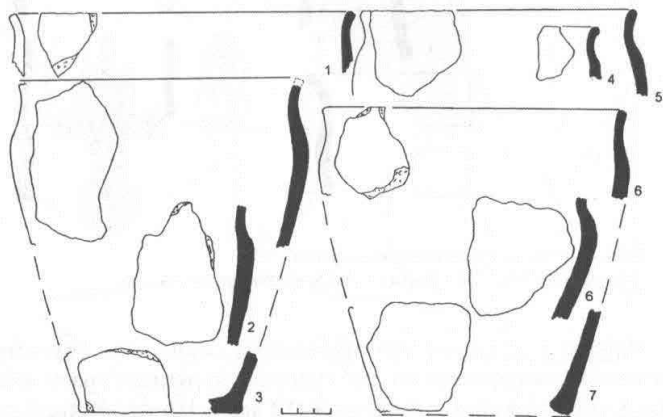

Рис. 6. Лепная керамика селища Леонтьево
2, 3, 6, 7 - форма 2; 4, 5 - форма 3.

Форма 3 (рис. 6: 4, 5). Горшки с коротким выраженным плечиком, небольшой, как бы специально выделенной, шейкой (2 экз.). Похожая посуда встречена на селище Городок 1¹ и известна в погребальных памятниках культуры длинных курганов верхнего Помостья².

Форма 4 (рис. 5: 7, 14). Горшки, хорошо профилированные в верхней части (2 экз.). Подобная посуда широко известна на памятниках втор. пол. I тыс. н. э. лесной зоны Восточной Европы.

Форма 5 (рис.7: 1, 4, 5, 7). Горшки баночной формы, почти с прямым туловом, коротким плечиком (3 экз.). Ближайшие аналогии происходят с селища Городок 1 (малочисленная группа) и селища Бережок³.

Форма 6 (6 экз.). Миниатюрные сосуды без плечика и шейки с округлым (рис.7: 2, 3, 5, 6) коническим (рис.7: 8, 9) туловом. С поселений третьей четверти I тыс. н. э. (Юрьевская Горка и Городок 1) происходят единичные находки. Такая керамика хорошо известна на дяковских, позднедяковских и близких им памятниках лесной зоны¹.

На поселении также встречен фрагмент слабопрофилированного мисковидного сосуда (рис.7: 12), слабопрофилированного горшка, наибольшее расширение которого приходится на устье (рис. 6: 1) и горшка с выступом - ребром (рис. 7: 11). По имеющимся керамическим материалам и находкам глиняных пряслиц, слой селища предварительно можно датировать третьей четвертью I тыс. н. э. и, скорее всего, концом этого периода.

Со средневековым селищем можно связывать прослойки, насыщенные углем, и частично слой 2. В восточной части раскопа была зафиксирована западная часть, видимо, срубной сгоревшей постройки²³. При ее сооружении были повреждены напластования раннесредневекового поселения. С постройкой связаны единичные фрагменты круговой керамики (рис. 7: 16-18). По-видимому, к средневековому поселению относится железный нож (рис. 4: 13) и найденный в шурфе 4 (в 20 м к ЮВ от раскопа) биллоновый крест (рис. 4: 9).

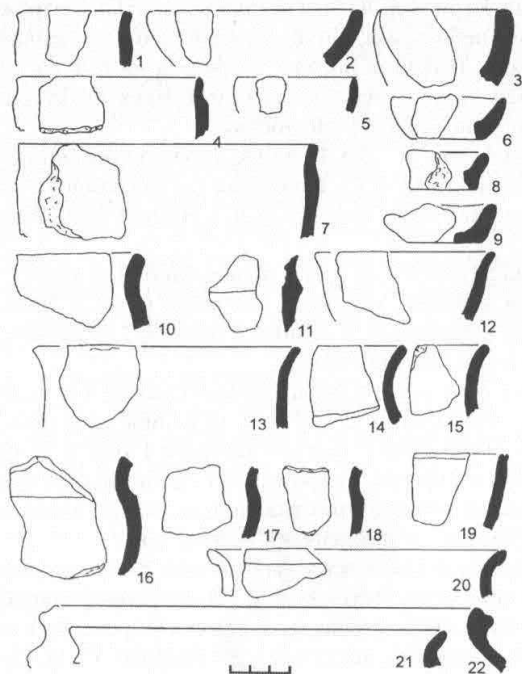

Рис. 7. Лепная и кротовая керамика селища Леонтьево 1.
1-15 - лепная керамика, 16-18 - круговая керамика 15-16 вв., 19-22 - круговая керамика конца 2 тыс. н.э.;
1,4,7 - форма 5;
2,3,5,6,8,9 - форма 6.

По определению В.В. Хухарева, крест следует датировать кон. XVI - нач. XVII вв.

Серия фрагментов круговых бело-сероглиняных и поливных горшков, найденных в основном в слое 1, относится к XIX - началу XX вв. (рис. 7: 19-22). Остатков строений этого периода не обнаружено.

¹ Мирещкий А. В. Отчет о раскопках и разведках в Калининской обл. 1987 г. // Архив ИА РАН, Р-1, № 12262.

² Крижевская Л. Я. Отчет о командировках в Ржевский и Вышневолоцкий районы Калининской обл. 1947 г. Архив ИА РАН, Р-1, № 148. 149. Л. 23.

³ Мирещкий А. В. Отчет о раскопках и разведках в Калининской обл. 1987 г. Архив ИА РАН, Р-1, № 12262.

⁴ Любомиров П. Отчет о раскопках, произведенных в 1910 г. в Новгородской и Тверской губерниях. // ЗОРСА, Т. IX, 1913. С. 240.

⁵ Тихомиров И. А. Поездка на Мсту. // ЗОРСА, Т. V. Вып. 1. С. 1.

⁶ Плетнев В. А. Об остатках древности и старины в Тверской губернии. К археологической карте губернии. Тверь, 1903. С.319; Тихомиров И. А. Поездка на Мсту... С. 1.

⁷ Исланова И. В. О разведочных работах в Вышневолоцком и Удомельском районах Тверской области в 1996 г. // Архив ИА РАН, Р-1, № . С.52.

⁸ Исланова И. В. О разведочных работах... С. 51-52.

⁹ Репман А. X. Путеводитель. // Архив Вышневолоцкого филиала Тверского объединенного музея.

¹⁰ Плетнев В. А. Об остатках древности... С. 319.

¹¹ Мирещкий А. В. Отчет о раскопках и разведках...

¹² Минасян Р. С. Четыре группы ножей Восточной Европы в эпоху раннего средневековья (к вопросу о появлении славянских форм в лесной зоне). // АСГЭ, 1980, Вып. 21. С. 69.

¹³ Следует отметить определенную предположительность в реконструкции большинства горшков.

¹⁴ Исланова И. В. Удомельское Поозерье в эпоху железа и раннего средневековья. М., 1997. Тип. Шб (рис. 37: 1, 3); тип Шв (рис. 36: 7); тип Vв (рис. 36: 11).

¹⁵ Исланова И. В. Древности бассейна верхней Мсты V-VIII вв. // Этногенез и этнокультурные контакты славян. Труды VI МКСА. Т. 3. М., 1997. Рис. 4: 4-6.

¹⁶ Исланова И. В. Удомельское Поозерье... Рис. 158: 6, 8.

¹⁷ Там же. Рис. 100: 10; 101:1-3.

¹⁸ ГИМ. Фонды № 2039.

¹⁹ Исланова И. В. Древности бассейна верхней Мсты... Рис. 2: 12.

²⁰ Там же. Рис. 2: 1-4.

²¹ Исланова И. В. Удомельское Поозерье... Рис. 97: 3-4.

²² Розенфельдт И. Г. Керамика дьяковской культуры. // Дьяковская культура. М., 1974. Рис.24: 5; рис. 25: 6, 11, 12, 18, 22.

²³ Два образца сгоревших плах (ЛЕ 5495 и ЛЕ 5496) имеют радиоуглеродные даты: $550 \pm 20BP$ (лет тому назад) и $565 \pm 25 BP$ (лет тому назад).

НОВЫЙ ТИП ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ И ПРОБЛЕМА СЛАВЯНСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ СЕВЕРНОЙ РУСИ

Отражение движения славян на север традиционно рассматривают в связи с распространением двух типов погребальных памятников – сопок и длинных курганов. Вне зависимости от решения вопроса о связи каждой из этих групп памятников с пришлым или аборигенным населением, мнения исследователей сходятся в одном – без решения проблемы соотношения их между собой и с памятниками последующей эпохи полноценная реконструкция этнических, социальных и культурных процессов невозможна.

Однако вплоть до недавнего времени фактологическая база оставалась узкой и пополнялась довольно медленно. Полевые исследования 1980–1990-х гг. опровергли ряд сложившихся стереотипов и поставили новые проблемы. В частности, было доказано, что разнообразные формы насыпей культуры длинных курганов существовали синхронно и на протяжении всего периода бытования культуры¹. Не удалось выявить особого пласта “круглых полусферических курганов с трупосожжениями”, в которых И. И. Ляпушкин видел достоверно славянские памятники². Нет и особой группы “курганов с кремацией и с каменной обкладкой”, позволявшей В. В. Седову связывать сопки с древнерусскими курганами с ингумацией³. Все это подталкивало исследователей к поиску новых “переходных” форм памятников. Казалось бы, грунтовые погребения при сопках, данные о которых систематизировал В. Я. Конецкий⁴, могли бы решить проблему в направлении “прямого и крутого перехода” от сопок к жальникам и грунтовым могильникам. Но при дальнейших работах исследователей, и в первую очередь самого

В. Я. Конецкого, выяснилось, что сопки не являются основными погребальными памятниками оставшего их населения: захоронения в них либо единичны, либо отсутствуют вовсе⁵. С. Л. Кузьмин полагал, что выявленные на поверхности сопок “ссыпные” погребения снимут остроту демографического парадокса⁶. Но возникли новые противоречия. Далеко не всегда и далеко не везде сопки возникали синхронно с распространением “живой” поселенческой культуры, тождественной материалам из сопок. Именуемая исследователями “культурой сопок”, она, по сути дела, представляет собой одно из проявлений древнерусской культуры Северо-Запада на раннем этапе, что показывают материалы локальных центров, исследованных в последние годы⁷.

Все ранние комплексы из сопок сосредоточены в районе Нижнего Поволжья⁸. За пределами этого региона нет комплексов VIII в., нет и комплексов, которые можно было бы однозначно датировать IX в.⁹, но есть насыпи с круговой керамикой, которые относятся к X в., а может быть, и к первой половине XI в.¹⁰. В то же время на Луге, Мсте, в Ильменском Поозерье открыты поселения, безусловно возникшие в IX в. и продолжавшие функционировать позднее¹¹.

Малочисленность погребенных в сопках, а порой и полное отсутствие захоронений невозможно объяснить неустойчивым расселением и переходом населения с места на место. Напротив, в зонах концентрации сопок выявлены поселения, существовавшие на протяжении жизни нескольких поколений людей. При этом сопочные группы не составляют больших могильников, хотя бы сопоставимых по числу насыпей с некрополями культуры длинных курганов.

Все вышесказанное наводит на мысль о том, что население, связанное с традицией возведения сопок, основную массу умерших хоронило по какому-то иному обряду, вне тела кургана. Вообще, мысль об “археологически неуловимом” обряде погребения неоднократно высказывалась исследователями, которые основывались при этом на данных

Повести временных лет и сообщениях восточных авторов¹². Необходим стал поиск конкретных форм захоронения и обнаружение подобных памятников.

Работы В. А. Назаренко и А. Н. Башенькина показали принципиальную возможность открытия наземных погребальных сооружений типа “домиков мертвых”¹³. Однако эта традиция, хотя и близко соприкасалась с ареалом распространения сопки, могла быть чужда двигавшимся из более южных районов славянам. Открытие в балтском ареале “водных” захоронений чрезвычайно интересно, но наиболее значимой в настоящем случае видится иная форма погребальной обрядности, которую можно реконструировать по данным письменных источников, на основании наличия в сопках поверхностных захоронений и по аналогии с западнославянскими материалами. Это кремированные останки, помещенные на поверхности земли (или над нею), возможно, как-то обозначенные, но не имеющие долговременных земляных намогильных сооружений и ориентиров. Именно такие могильники были открыты в составе комплекса памятников Которский погост в бассейне верхнего течения р. Плюссы.

Комплекс, исследовавшийся в течение ряда лет и предварительно опубликованный¹⁴, состоит из мысового городища-убежища с примыкающим к нему селищем и разнообразных погребальных памятников, цепочкой вытянутых вдоль берега р. Городоньки. Результаты раскопок на селище позволяют датировать его существование концом IX – началом XII в., после чего жизнь на нем затухает, и поселение переносится на противоположный берег р. Городоньки. Среди погребальных памятников представлены сопки, насыпи КДК, высокие сопкообразные насыпи, курганы с труположениями XI–XII вв. и бескурганные могильники с трупосожениями, один из которых был полностью раскопан¹⁵.

Весной 1990 г. рядом с известными по прежним обследованиям курганами, предварительно отнесенными ко второй половине I тыс. н.э., на лесной дороге были собраны каль-

цинированные кости¹⁶. Курганная группа, ранее получившая условное наименование Которск IX, располагалась в сосновом бору, на спускающемся к заболоченной низменности краю моренной гряды. Шурфовка выявила наличие на значительном участке поверхности этой гряды, непосредственно рядом с курганами, слоя гумусированного песка, содержавшего мелкие пережеванные косточки. Памятник получил предварительное обозначение “грунтовый могильник Которск IX”. В течение 1990–91 гг. курганы и могильник были раскопаны (рис. 1).

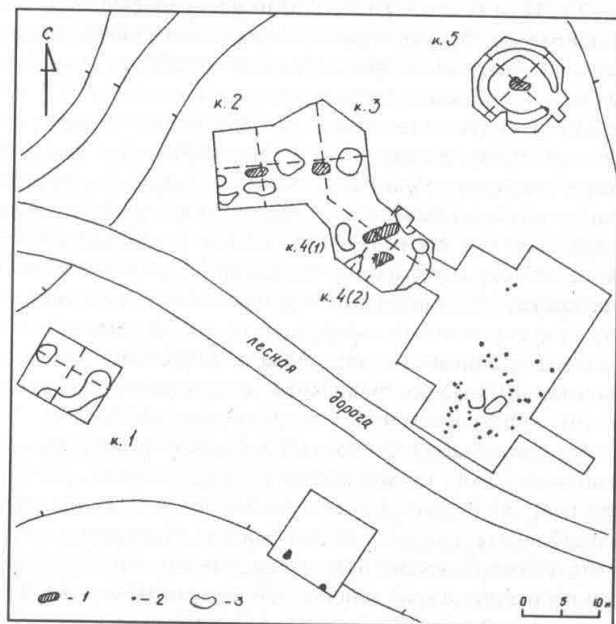

Рис. 1. Могильник Которск-IX. Сводный план-схема раскопок: 1 – могилы с труположениями, 2 – грунтовые ямки, связанные с бескурганым могильником, 3 – материковые ямы.

На бескурганном могильнике была вскрыта вся доступная изучению площадь – 556 кв. м. По всей площади раскопа, непосредственно под дерном, залегал слой аморфного слабо гумусированного песка, мощность которого колебалась в пределах 10–30 см. В этом слое во “взвешенном” состоянии встречались кальцинированные кости, оплавленные металлические и стеклянные предметы и их обломки, а также фрагменты лепной керамики.

Обращала на себя внимание немногочисленность пережженных костей – со всего раскопа их было собрано менее 400 г. По площади раскопа они распределялись довольно равномерно, будучи несколько многочисленнее лишь на отдельных квадратах. Все косточки представляли собой очень мелкие обломки со следами выветривания.

После снятия слоя гумусированного песка, при зачистке по материке, выявилась система грунтовых ямок. Все они представляли собой округлые или овальные в плане небольшие ямки с отвесными стенками и могут быть интерпретированы как столбовые. Их диаметр колебался в пределах 25–55 см, глубина достигала 20–25 см от поверхности материка. Их заполнение представляло собой такой же слабо гумусированный аморфный песок. В некоторых ямках во взвешенном состоянии были встречены отдельные кальцинированные косточки, но и здесь они не образовывали компактных скоплений.

В расположении столбовых ям можно усмотреть определенную систему. Большинство их располагалось по периметру неправильного вытянутого четырехугольника размером приблизительно 4–6 x 10 или более м. Некоторые из ямок при этом были сдвоены. Продольная ось четырехугольника почти перпендикулярна общему направлению моренной гряды, на которой расположен могильник.

В пределах описанного четырехугольника сосредоточено почти 3/4 всех сделанных на раскопе находок, причем выделяются два плотных скопления фрагментов украшений,

расположенные в центре четырехугольника, в неглубоких материковых западинах неправильной формы. По всей вероятности, столбовые ямки представляли собой следы какого-то сооружения (ограды, навеса или помоста?), в котором размещались кости и вещи, собранные с погребального костра.

Может быть, в пределы раскопа вошел угол другого такого же сооружения, уничтоженного проходящей здесь лесной дорогой.

Полученный при раскопках вещевой материал представлен в первую очередь фрагментами бронзовых украшений, стеклянными и – реже – каменными бусами. Все вещи несут следы пребывания в огне. Керамика представлена исключительно фрагментами лепной посуды.

Представляется целесообразным подойти к бескурганному могильнику Которск IX как к условно закрытому комплексу и, после рассмотрения отдельных категорий и типов вещей, попытаться возможно более узко датировать памятник в целом. Такой подход обусловлен как степенью сохранности памятника, его характером, так и отсутствием разработанной хронологии для древностей Северо-Запада 1 – начала 2 тыс. н.э.

Одной из наиболее частых на могильнике находок являются обломки крупных бронзовых спиралей (часто орнаментированных), получивших в литературе условное наименование “накосников”. Встречено 23 фрагмента с продольными бортиками по краям и продольным утолщением в центре, орнаментированным насечками (рис.3:14, 15). Аналогичные “накосники” известны в слоях E_3 ВЕРХНЕЕ и E_1 Староладожского Земляного городища и в сопках Среднего Поволжья (Новые Дубовики, Победище), Восточного Приильменя (Заручевье, Левоча, Воймерицы), Поореджья (Пристань–1). “Накосники” такого типа, скорее всего, следует относить к IX–X вв.¹⁷ Встречены также фрагменты других “накосников” – неорнаментированных плоского сечения (рис.

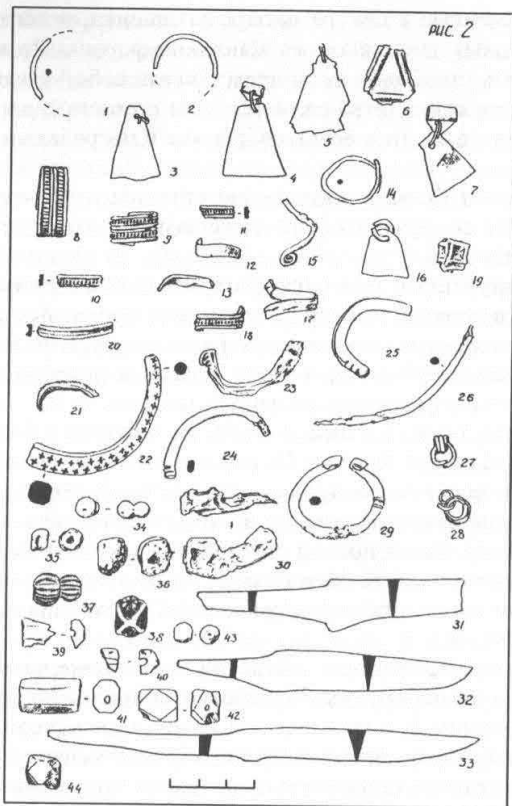

Рис. 2. Вещи из погребений в сопках: 1 – Победище, насыпь 14-I, 2, 9-10, 25 – Победище, насыпь 15-IV, 3-5, 34, 42 – Сквородка II, сопка 2, 6, 37 – Сквородка-II, сопка 1, 7 – Рельи, второй ярус погребений, 8 – Победище, насыпь 15-II, 11-13, 19, 26, 30-32, 35-36, 39 – Пристань-I, 14-18, 22-24, 27-28, 38, 43 – Новые Дубовики, сопка 3, 20, 33, 40-41 – Пристань III, сопка 3, 21, 29 – Победище, насыпь 15-V, 44 – Победище, насыпь 15-I; 1, 15 – серебро, 2-14, 16-30 – бронза, 31-35 – желтое стекло, 36 – печеночно-красное стекло, 37 – белое и коричневое стекло, 38 – черное стекло, 39-43 – сердолик, 44 – бронза (1-2, 8-10, 21, 25, 29, 44 – по В.П.Петренко).

3: 17); гладких плосковыпуклого сечения (рис. 3: 16); треугольных в сечении, с насечками по внешнему ребру (рис. 3: 25) и иные. Они находят аналогии в тех же памятниках.

Другой категорией находок являются браслеты, которые по аналогиям датируются в основном IX-X вв. Среди них особого внимания заслуживают фрагменты бронзового, 8-гранного в сечении браслета с расширяющимися концами, три смежные внешние грани которого орнаментированы крестообразными насечками (рис. 3: 30). Массивные браслеты с утолщающимися концами, в том числе 8-гранного сечения, распространяются еще в третьей четверти I тыс. н.э. Однако ближайшей аналогией которскому может служить того же типа браслет с крестовидным орнаментом, встреченный во втором ярусе погребений сопки №3 у д. Новые Дубовики, надежно датированном IX в.¹⁸ (рис. 2: 22). Фрагмент сходного браслета с тем же крестовидным орнаментом найден на поселении в урочище Курская Гора в верховьях Луги, характеризующемся вещами того же круга древностей и исключительно лепной керамикой, т.е. относящемся к IX – началу X в.¹⁹ Интересен также фрагмент центральной части узкомассивного литого бронзового браслета, орнаментированного “гусеничными” валиками и чеканным орнаментом (рис. 3: 32). Сходные узкомассивные браслеты найдены, в частности, на одном из локальных центров Полужья – Передольском погосте²⁰.

Несколькими экземплярами представлены бронзовые подковообразные фибулы и их фрагменты (рис. 3: 38-39). Полностью сохранилась только миниатюрная спиралеконечная фибула с дугой равномерной толщины и круглого сечения, довольно архаичного облика (рис. 3: 37). Точная ее аналогия известна, между прочим, в V ярусе Староладожского Земляного городища, датированном ок. 840 г. – ок. 865 г.²¹.

Встречены также 2 литые бронзовые пуговицы с пластинчатыми ушками (рис. 3: 23); одно целое и несколько фрагментов проволочных височных колец небольшого диаметра

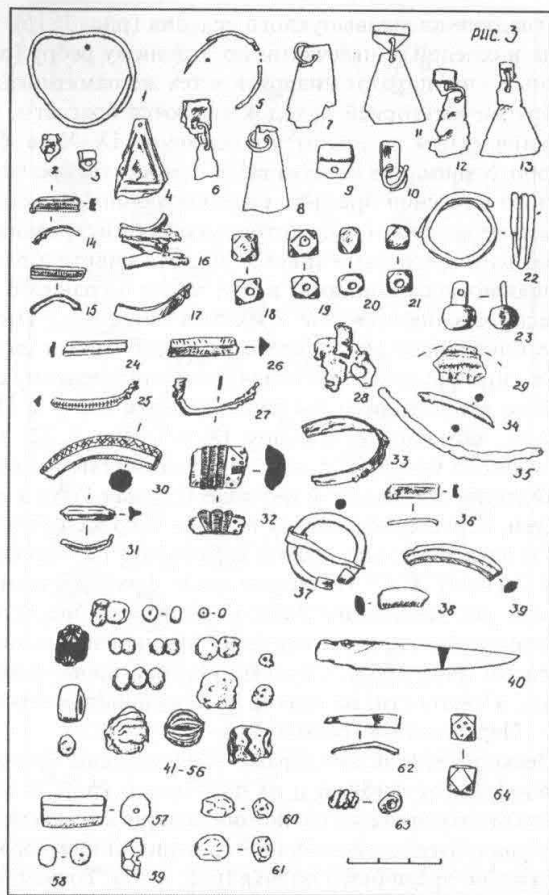

Рис. 3. Вещи из бескурганых могильников с трупосожжениями в Которске: 1–3, 5–8, 11, 14–27, 30, 32, 36–56, 58–64 – Которск–IX; 4, 9–10, 12–13, 28–29, 31, 33–35, 57 – Которск–III;

1–28, 30–39, 64 – бронза, 29 – серебро, 40, 62, 63 – железо, 41–56 – стекло, 57–59 – сердолик, 60–61 – хрусталь.

(рис. 3: 1, 5); своеобразные бронзовые пронизки в виде куба со срезанными углами (рис. 3: 18–21). Одна из этих пронизок украшена глазковым орнаментом и совершенно аналогична пронизке, входившей в состав ожерелья из кургана 1 в могильнике у д. Криуши. По новгородской хронологической системе этот комплекс датируется временем около 1116 г.²², однако бронзовая пронизка из него представляет собой, по словам А. А. Спицына, “экземпляр очень подержанный”²³. Круглые и 14-гранные бронзовые пронизки хорошо известны в древностях Северной Европы вендельского времени и эпохи викингов²⁴.

Найдено несколько трапециевидных привесок, некоторые из которых были прикреплены к пятиугольным обоймицам, и сами обоймицы (рис. 3: 2–13). Аналогичные привески с обоймицами встречены в верхних ярусах насыпи у д. Репьи в Верхнем Полужье (рис. 2: 7) и в содержавшем остатки нескольких захоронений деревянном ящике, расчищенном на вершине сопки 2 в группе сопкок Сквородка II в бассейне р. Плюссы (рис. 2: 4).²⁵ Комплекс вещей из деревянного ящика в Сквородке может быть отнесен к середине X – началу XI в. Тот же промежуток времени получен в результате радиоуглеродного анализа остатков самого ящика²⁶. Детали поясного набора представлены в материалах могильника несколькими невыразительными накладками. Предметы обихода единичны: бронзовая 14-гранная гирька со знаками кратности (рис. 3: 64), калачевидное кресало с широким язычком, 2 обломка ножей (рис. 3: 40, 62).

Среди находок многочисленны стеклянные и каменные бусы – одни из наиболее ярких хронологических индикаторов (рис. 3: 41–61). Наиболее часто встречались крупные и мелкие бусы из прозрачного темно-синего стекла и рубленый бисер желтого цвета. Встречены также оранжевые и печеночно-красные бочонкообразные бусы, лимонovidные пронизки желтого стекла, продольно-полосатые белокоричневые бусы, а также некоторое количество стеклянных бус, не представленных на памятниках Северо-Запада

серийно. Набор стеклянных бус в целом характерен для IX – первой половины XI в.²⁷

На могильнике встречены сердоликовые бусы нескольких типов: шаровидные, 14-гранная уплощенная, 8-гранная призматическая, круглые граненые. Бусы из хрусталя представлены одной шарообразной и несколькими гранеными неправильно-овальной формы. Эта последняя разновидность бус известна пока только на памятниках Которского погоста (среди находок на селище и рассматриваемом могильнике).

В целом вещевой комплекс позволяет датировать время функционирования могильника довольно широко – в рамках IX–X вв., может быть, включая начало XI в. При этом изделия из металла как будто тяготеют к началу этого временного отрезка, а бусы – к его концу, не вступая, однако, в хронологическое противоречие. Возможно, это объясняется несовершенством хронологии и состоянием изученности памятников Северо-Запада IX–XI вв.

Вещи из цветного металла и бусы совстречаются в двух комплексах, реконструируемых при анализе планиграфии находок. Один из них представлен вещами из западины в центре предполагаемой постройки, упоминавшейся выше. Это ряд оплавленных однотипных бус из синего и желтого стекла (в основном крупный и мелкий бисер), а также оранжевые бочонковидные пресованные бусы, сплавленные с синими и желтыми. К этому же комплексу относятся фрагменты 8-гранного браслета с расширяющимися концами, орнаментированного “накосника” и, возможно, височных колец. Остальные находки здесь и на соседних квадратах были представлены каплями оплавленной бронзы и невыразительными обломками.

Комплекс другого женского погребения может быть реконструирован из серии находок под западной полкой кургана 4(2). Здесь собраны остатки не менее чем 20 одинаковых оплавленных бус из бесцветного прозрачного стекла, частично спекшихся друг с другом в огне, и 14 фрагментов

орнаментированного “накосника”. О принадлежности к тому же комплексу других разрозненных обломков вещей судить трудно, так как насыпь кургана была возведена из слоя бескурганного могильника.

Керамический комплекс рассматриваемого памятника представлен находками исключительно лепной керамики, в основном двух типов:

1. слабопрофилированные горшки с округлыми плечиками (рис. 5: 1–4);
2. расширяющиеся кверху сосуды с широкой каннелурой по плечу и невыделенным, или выделенным слабо, горлом (рис. 5: 8–9).

Посуда первого типа представлена фрагментами не менее чем 10–12 экз., второго – не менее 5–6 экз. Найдены также фрагменты двух ребристых мисок (рис. 5: 5–6) и одного миниатюрного округлобокого горшочка (рис. 5: 7). Ни один из черепков не несет на себе следов пребывания в огне, вторичного обжига или копоти на поверхности.

Оба основных типа керамики точно соответствуют по форме основным типам посуды Которского селища²⁸, но есть и некоторые отличия. Керамика могильника изготовлена из менее тщательно промешанного глиняного теста, очень слабо обожжена (многие черепки мажут руки). Обращает на себя внимание чрезмерная тонкостенность некоторых сосудов (профилированных горшков), неприемлемая для бытовой керамики. Очевидно, здесь мы имеем дело с посудой, специально изготовлявшейся для ритуальных целей.

Керамика могильника отличается от поселенческой и цветом. Посуда, происходящая с поселения и употреблявшаяся в быту, в основном серого, желтовато-коричневого или бурого цвета, в то время как керамика могильника – красноватых оттенков. Любопытно, что то же цветовое соотношение бытовой посуды поселения и ритуальной посуды соответствовавшего ему могильника отмечено в Узменском комплексе памятников²⁹.

Если принять дату могильника по вещам – IX–X вв., то отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о наличии на нем исключительно лепной керамики. Гончарный круг на Северо-Западе Руси, по крайней мере, в городских центрах, появляется в 920–930-х гг.³⁰ В середине X в. гончарная керамика уже повсеместно присутствует на поселениях сельской округи, где постепенно в течение конца X – XI в. вытесняет лепную. В отдельных микрорегионах лепная керамика в ограниченном количестве бытует еще в начале XII в. Исходя из такой динамики распространения круговой керамики, памятники с исключительно лепной посудой обычно относят ко времени до второй четверти – середины X в. Кажущееся противоречие объяснимо характером памятника. Учитывая известную традиционность и консервативность погребального ритуала, следует ожидать, что в нем будет использоваться керамика, изготовленная традиционным способом, а не вновь появившаяся, возможно, привозная из города. Это предположение тем более правдоподобно, что мы имеем дело со специально изготовленной для этого случая посудой.

Параллельно с раскопками на бескурганном могильнике исследовались расположенные рядом курганы. Курганная группа Которск IX представляла собой цепочку округлых в плане низких насыпей, протянувшуюся по северо-восточному краю низкой гряды, на которой расположен бескурганый могильник. Ровики вокруг курганов до раскопок не прослеживались.

По своему способу сооружения, погребальному обряду и датировке в группе выделяется курган 2 – низкая подквадратная в плане насыпь, под которой в могильной яме, перекрытой накатом, выявлено мужское захоронение. Погребенный лежал головой на запад, в районе его плеча находился железный черешковый наконечник дротика, в области пояса – железные ключ и нож, а также бронзовая подковообразная фибула со спиральными концами, в ногах лежала се-

ребряная подвеска с бронзовым ушком – подражание дирхему (рис. 4: 1–5). Справа от колен был поставлен круговой горшок с линейным орнаментом. Возможно, вокруг могилы, по краю подкурганной площадки, образованной удлиненными в плане ямами и подрезкой склонов моренной гряды, располагалось некое сооружение в виде сруба в 1–3 венца, препятствовавшее расползанию песчаной насыпи. После проседания могильного перекрытия курган был досыпан еще раз.

Остальные курганы, однотипные по своей внутренней структуре и способу сооружения, были возведены в течение сравнительно непродолжительного промежутка времени – конца XI – первой половины XII в. (рис. 4: 6–21). Скорее всего, между сооружением этой серии курганов и кургана 2 имеется незначительный временной разрыв.

Все курганы возведены по одной схеме: на выбранной для сооружения кургана площадке, оконтуренной незамкнутым ровиком или ямами, сооружалась невысокая насыпь. При этом нижняя часть всех курганов почти наполовину высоты насыпалась из дерна и земли, взятых на территории бескурганного могильника. Некоторые курганы (№ 1, 3) вводились в два приема, разделенных промежутком времени, в течение которого насыпь успевала частично задерживаться и оползти. Затем, в уже готовый курган, впускалась могильная яма. При этом курган 1 по каким-то причинам так и остался без погребения. Засыпались могилы землей попеременно с пластами дерна, нарезанного на территории могильника и содержавшего пережженные косточки и отдельные мелкие фрагменты керамики.

Значительно позднее, очевидно, уже в эпоху позднего средневековья, территория могильника вместе с курганами оказалась распахана. Насыпи были отчасти сnivelированы, песок на вершинах насыпей оказался перемешан и частично гумусирован. Так же перемешан оказался и слой бескурганного могильника, не перекрытый курганами. Глубина вспашки составила 10–15 см. Некоторое количество кальциниро-

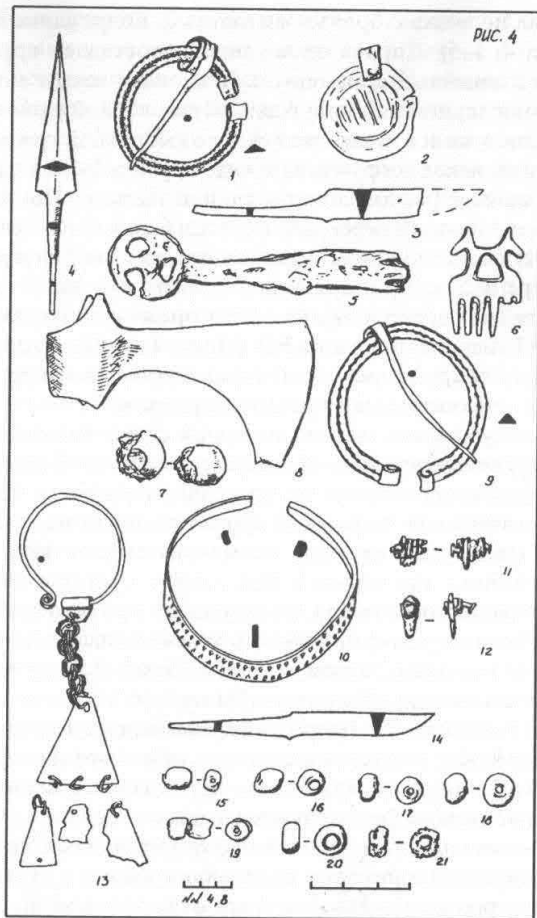

Рис. 4. Которск-IX. Вещи из бескурганых труположений: 1-5 - курган 2, 6-9 - курган 3, 10-21 - курган 5; 1, 3-5, 8, 14 - железо, 2 - серебро, 9-10, 13 - бронза, 6 - белый металл, 7 - железо, обтянутое бронзой, 11-12 - кость, бронзовые штифты, 15-19 - желтое стекло, 20-21 - оловянистый сплав.

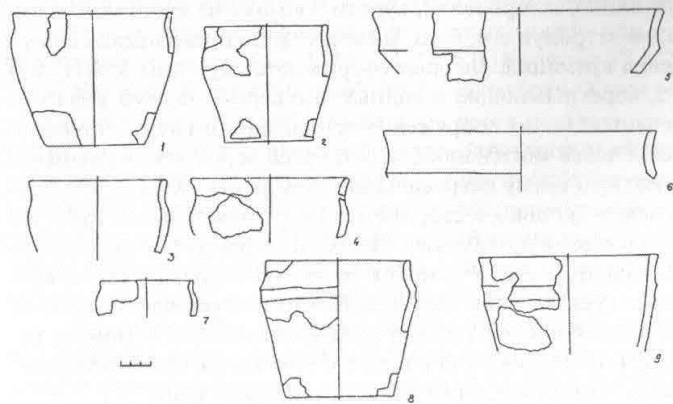

Рис. 5. Которск-IX. Керамика бескурганного могильника

ванных костей и отдельные оплавленные вещи попали в верхнюю часть курганных насыпей. В связи с этим представление о характере слоя бескурганного могильника дает нижняя часть курганов. Это интенсивно-черного цвета гумусированный песок, насыщенный пережженными костями и мелкими фрагментами лепной керамики, по структуре сходный с культурным слоем поселений.

Исходя из полученных данных, развитие погребально-го комплекса Которск IX представляется следующим образом. Первоначально могильник функционирует как место помещения кремированных останков на поверхности земли (или над ней). К сожалению, точно установить способ помещения здесь захоронений невозможно. Они могли быть урновыми, находиться в тусках или каких-либо иных вместилищах, располагаться на поверхности земли или на невысоких помостах. По возможности реконструкции комплексов отдельных погребений можно утверждать, что прах погребенных не смешивался. Судя по хронологии и планиграфии

курганных захоронений, курган 2 возник на краю могильника, не затронув его, быть может, еще до прекращения совершения кремаций. Позднее сооружаются курганы 3, 4(1), 4(2) и 5, перекрывающие западный и северо-западный края могильника. На их сооружение пошли дерн и грунт с прилегающей части могильника, что, по всей вероятности, знаменует полную смену погребальной обрядности. Курган 1 расположен несколько в стороне и представляет собой так и не использованную для погребения “платформу”. Верхняя дата ингумаций (начало – первая треть XII в.) совпадает со временем прекращения жизни на Которском селище. Очевидно, могильник прекратил свое функционирование в момент переноса поселения на новое место – на территорию современной д. Которск – место погоста писцовых книг.

Данных о начале функционирования могильника и его хронологическом соотношении с поселением немного. Судя по наличию на обоих памятниках редкого типа хрустальных бус, могильник начал функционировать до пожара, произошедшего на поселении около середины X в. Не исключено, что первые погребения могли совершаться сразу после основания поселения в конце IX в.

Таким образом, перед нами новый тип памятников с так называемой “археологически неуловимой” погребальной обрядностью, ибо в случае интенсивной распахки от него практически ничего бы не осталось. Примером может служить подобный могильник, зафиксированный на окраине древнерусской курганной группы Которск III. Здесь в насыпи кургана 17 были обнаружены в переотложенном виде кальцинированные человеческие кости и остатки набора женских украшений, побывавших в огне: трапезиевидная привеска с тисненым орнаментом, трапезиевидные привески с пятиугольными обоймицами, узкий браслет трехгранного сечения, двучастная пронизка желтого стекла, остатки монетовидной привески и пр. (рис. 3: 4, 12–13, 31, 28). В поле кургана 22 в той же группе найдены фрагменты круглой в

сечении бронзовой проволоки, обожженная призматическая сердоликовая бусина, оплавившаяся серебряная монета или монетовидная привеска (рис.3: 29, 34–35, 57). Курганы 17 и 22 располагались в юго-восточной части некрополя. Характер растительности позволяет утверждать, что в недавнем прошлом здесь было распаханное поле. Заложенный вблизи курганов раскоп не выявил никаких следов предполагаемого могильника, здесь была найдена лишь оплавленная узкая бронзовая пластинка (рис. 3: 33). В разведочной траншее, заложенной на восточной окраине могильника, найден железный предмет, по-видимому, игла подковообразной фибулы.

Интересно, что уничтоженный распахкой могильник локализуется в пространстве между древнерусскими курганами с труположениями второй половины XI – XII в. и курганом 1, представлявшим собой насыпь с кремациями, по всем признакам относящуюся к погребальным памятникам псковских длинных курганов. Точнее говоря, могильник локализуется между насыпью КДК и курганом 5, погребение в котором на основании набора бус может быть датировано достаточно узко – третьей четвертью XI в.

Анализируя материалы двух вновь исследованных могильников (выявленные поблизости еще два аналогичных раскопкам не подвергались), можно отметить, с одной стороны, их безусловную топографическую и хронологическую связь с разнотипными древнерусскими курганами XI в. (курганы из групп Которск III и IX существенно различаются способом возведения насыпи и особенностями погребальной обрядности). С другой стороны, сходные по обряду и инвентарю “поверхностные” могильники топографически тяготеют к двум различным группам курганов насыпей второй половины I тыс. н.э. Которск IX расположен вблизи поселения и группы сопок Которск I, а остатки другого могильника находятся между могильниками псковских длинных курганов Которск V, VI и группой поздних высоких насыпей той же культурной традиции Которск IV.

Как же определить общую культурную принадлежность данных могильников? Круг аналогий вещам из них наиболее полно представлен в сопках. Однако те же самые вещи мы встречаем в локальных центрах северо-западных районов Новгородской земли IX–XI вв., часть из которых, либо прекращает свое существование около середины X в. (Надбелье на Орездеже³¹, Курская Гора в верховьях Луги), либо перерастает в древнерусские погосты (Которск, Передольский погост, Городец под Лугой). Как уже отмечалось выше, многие исследователи называют культуру этих поселений культурой сопок. На наш взгляд, более точно ее следует определить, в силу ее близости к культуре раннегородских центров (Ладога, нижние яруса Новгорода, Псков Г, Рюриково Городище, Городок на Ловати и др.), как ранний этап древнерусской. В этом контексте описанные выше могильники, наряду с сопками, поздними насыпями культуры длинных курганов и другими погребальными памятниками конца I тыс. н.э. выступают как дохристианские захоронения формирующейся Новгородской земли. Отметим, что в поздних насыпях культуры длинных курганов известны комплексы древнерусского характера (Березицы VI в бассейне Плюсы, Которск XII вблизи рассматриваемого комплекса)³². Все это говорит об определенной нивелировке традиций в сфере “живой” культуры, в частности, в области женского убора, накануне распространения обряда труположения, так или иначе являющегося результатом христианизации. В связи с этим нам представляется, что построение генетических цепочек от погребальных памятников второй половины I тыс. н.э. к древнерусским без учета подобных могильников невозможно, а поиск однозначных вариантов вообще вряд ли оправдан.

Каковы перспективы дальнейшего исследования могильников этого типа? Безусловно, что в различных регионах северной Руси “поверхностные” захоронения могли иметь различное конкретное воплощение. Примером может служить округлая погребальная площадка, обложенная по

основанию камнями, открытая В. Я. Конечким на окраине селища в урочище Губинская Лука³³. Конечно, необходимы новые целенаправленные полевые исследования, но возможно и выявление таких могильников на основании изучения материалов прежних раскопок (так, курганы у д. Ольгин Крест перекрыли сходные захоронения³⁴).

“Поверхностные” могильники, форма захоронений в которых из всех погребальных памятников наиболее адекватна описаниям восточных авторов и известному пассажиру из Повести временных лет, могут считаться погребениями славян, расселяющихся по территории Северо-Запада. Отсутствие курганных могильников в Приильменье, вблизи ряда поселений конца I тыс. н.э. на Луге (Курская Гора, Надбелье, Городец), взрывообразное распространение древнерусских курганов с труположениями в Восточном Причудье и другие явления могут быть объяснены именно исходя из специфики погребальной обрядности, иллюстрированной описанными выше могильниками. Будучи погребальной обрядностью движущегося на север славянства, эта традиция по мере культурной интеграции пришлого населения с аборигенами стала, очевидно, основной формой захоронений древнерусского населения Новгородской земли накануне христианизации.

¹ Носов Е. Н. Поселения и могильник культуры длинных курганов на оз. Съезжее. // КСИА, 1981, в. 166; Аун М. Э. Развитие курганного обряда в Юго-Восточной Эстонии во второй половине I тыс. н. э. // КСИА, 1981, в. 166.

² Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (МИА 152). М.–Л., 1968. С. 115–116. Ср.: Лебедев Г. С. Проблема генезиса древнерусской курганной культуры. // КСИА, 1981, в. 166; Александров А. А. Полусферические курганы с сожжениями на Псковщине. // КСИА, 1982, в. 171.

³ Седов В. В. Новгородские сопки. // САИ (Вып. Е1–8). М., 1970. С. 31. Ср.: Пронин Г. Н. Сопки, курганы, жальники (к вопросу о преемственности). // КСИА, 1981, Вып. 166.

⁴ Конечкий В. Я. Некоторые итоги исследования грунтовых могильников в центральных районах Новгородской земли. // Археологическое исследование Новгородской земли. Л., 1984.

- ⁵ Конечский В. Я. К социальной интерпретации общины эпохи сопок // Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы симпозиума. Псков 1992; Конечский В. Я. Новые исследования в урочище Губинская Лука. // НиНЗ ИиА. Новгород, 1992; Конечский В. Я. Новгородские сопки в контексте этносоциальных процессов конца I – начала II тыс. н. э. // НИС 4(14). СПб, Новгород, 1993. С.10-11.
- ⁶ Кузьмин С. Л. Культура сопки в Верхнем Поплюсье. // НиНЗ ИиА. Новгород, 1989; Кузьмин С. Л. Оредежские сопки. // Население Ленинградской области. Материалы и исследования по традиционной культуре. Л., 1992.
- ⁷ Конечский В. Я. Комплекс памятников у д. Нестеровичи (к вопросу о сложении локальных центров конца I – начала II тыс. н. э.). // Материалы по археологии Новгородской земли, 1990. М., 1991; Кузьмин С. Л. Которский погост – локальный центр конца I – начала II тыс. н. э. в верховьях Плюсьы. // Материалы по археологии Новгородской земли, 1990. М., 1991; Платонова Н. И. Укрепленные поселения Лужской волости // Материалы по археологии Новгородской земли, 1990. М., 1991.
- ⁸ Петренко В. П. Погребальный обряд населения Северной Руси VIII–X вв. Сопки Северного Поволжья. СПб., 1994. С. 88–89.
- ⁹ Исключением является сопка №4 в группе сопки Заполье I (комплекс Передольского погоста), которая может быть датирована IX в. и, по всей вероятности, является одним из первых памятников этого типа в бассейне Верхней Луги [доклад Н. И. Платоновой на заседании сектора славяно-финской археологии ИИМК РАН].
- ¹⁰ Кузьмин С. Л. Которский погост...; Кузьмин С. Л. Оредежские сопки...; Носов Е. Н., Плохов А. В. Поселение Золотое Коло на Мсте. // Материалы по археологии Новгородской земли, 1990. М., 1991.
- ¹¹ Клубова О. В. Исследования в урочище Курская Гора в 1990 г. // НиНЗ ИиА. Новгород, 1992; Клубова О. В. Исследования селища в урочище Курская Гора. // НиНЗ ИиА. Вып. 6. Новгород, 1992. Носов Е. Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990. С.175-183.
- ¹² Мачинский Д. А. Миграция славян в I тысячелетии н. э. по письменным источникам с привлечением данных археологии. // Формирование раннефеодалных славянских народностей. М., 1981. С. 35-36; Александров А. А. Неуловимый погребальный обряд. // Археология и история Пскова и Псковской земли: Тез. конф. Псков, 1988.
- ¹³ Башенькин А. Н. Погребальное сооружение у д. Никольское на р. Суде. / Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л., 1985; Назаренко В. А. О первой находке “домика мертвых” в Приладожье. // Тихвинский сборник. Ч.1. Археология Тихвинского края. Тихвин, 1988.
- ¹⁴ Кузьмин С. Л. Которский погост...
- ¹⁵ Михайлова Е. Р., Кузьмин С.Л. “Грунтовый” могильник у д. Которск. // Древний Псков. Исследования средневекового города. СПб., 1994.
- ¹⁶ В мае 1990 г., во время проведения в Пскове конференции по славянской археологии, в ходе археологической экскурсии, местонахождение костей, при активном участии А. Н. Башенькина и В. Я. Конечского, было интерпретировано как погребальный памятник.

- ¹⁷ Петренко В. П. Погребальный обряд... Рис. 37, 38, 44; Кузьмин С. Л. Оредежские ... Рис. 3, 5; Яблоник Д. Л. О двух типах бронзовых украшений. // История и археология Новгородской земли. Тез. конф. Новгород, 1987. С. 21-22; Яблоник Д. Л. К вопросу о соотношении длинных курганов и сопки с Восточном Приильменье. // НиНЗ ИиА. Новгород, 1988. С. 15-16.
- ¹⁸ Кузьмин С. Л. Сопка у д. Новые Дубовики // Древний Псков. Исследования средневекового города. СПб., 1994. С. 62.
- ¹⁹ Раскопки О. В. Клубовой в 1992 г.
- ²⁰ Платонова Н. И. Укрепленные поселения ... Рис.6: 15-16.
- ²¹ Кузьмин С. Л. Развитие домостроительных тенденций и градостроительной структуры Ладоги VIII–X вв. Рукопись дипломной работы. Л., 1988 – Хранится на кафедре археологии СПбГУ. – Табл.
- ²² Лесман Ю. М. Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород (проблема синхронизации). // Археологическое изучение Новгородской земли. Л., 1984. С. 141.
- ²³ Спицын А. А. Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова. СПб., 1903. С. 47, табл. XX: 4а.
- ²⁴ Kivikoski E. Die Eisenzeit in Auralflußgebiet // SMYA, 1939, XLIII. S. 172; Kivikoski E. Kvarnbacken. Ein Gräberfeld der jüngeren Eisenzeit auf Åland. – Helsingki, 1963. S.99.
- ²⁵ Лебедев Г. С. Сопка у д. Репьи в Верхнем Полужье. // КСИА, 1978, Вып.155. Рис. 1: VI-VII; Кузьмин С.Л. К вопросу о погребальной обрядности культуры сопки. // Археология и история Пскова и Псковской земли. Тез. конф. Псков, 1989.
- ²⁶ Определение С. Г. Попова (ИИМК РАН).
- ²⁷ Львова З. А. Стекланные бусы Старой Ладоги, 1. // АСГЭ, 1968, Вып. 10; Лесман Ю. М. Погребальные памятники... С. 138-140.
- ²⁸ Михайлова Е. Р. Керамический комплекс Которского поселения IX–XII вв. // Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы семинара. Псков, 1994.
- ²⁹ Минасян Р. С. Поселение и могильник на берегу озера Узмень. // ТГЭ, 1979, XX. С.174.
- ³⁰ Рябинин Е. А. Новые открытия в Старой Ладоге. // Средневековая Ладога. Л., 1985. С. 37; Носов Е. Н. Поселения Приильменья и Поволжья в конце I тыс. н. э. Автореф дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1977. С. 11-12; Авдусин Д. А. Актуальные вопросы изучения древностей Смоленска и его ближайшей округи. // Смоленск и Гнездово. М., 1991. С.19.
- ³¹ Раскопки авторов.
- ³² Михайлова Е. Р. О так называемых погребальных площадках в культуре длинных курганов. // НиНЗ ИиА Новгород, 1993. С. 75-76.
- ³³ Конечский В. Я. Новые исследования в урочище Губинская Лука. // НиНЗ ИиА. Новгород, 1992. С. 20-22.
- ³⁴ см.: Лиги П. Х. Водский этнический элемент на территории Эстонии. Рукопись дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1986. – Архив ИИМК РАН. Ф.35, оп. 2Д, №375. С. 111-112, 120-127.

О ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ ВЕРХНЕЛУЖСКИХ СОПОК (по материалам комплекса памятников у Передольского погоста)

Бассейн р. Луги в ее верхнем течении (до впадения р. Оредеж) представляет собой крайнюю северо-западную часть ареала "классических" сопок.¹ Здесь насчитывается не менее 96 местонахождений памятников этой культуры (без учета поселений). Они занимают достаточно обширный, компактный регион протяженностью около 60x40 км (рис. 1). Его юго-восточная граница проходит примерно в 30 км от оз. Ильмень.

В почвенно-ландшафтном отношении Верхнее Полужье представляет собой абразионную озерно-ледниковую равнину с преобладанием слабоподзолистых и дерново-карбонатных почв.² Сопочные насыпи, как правило, расположены в поле, в долинах рек и ручьев, на легкосуглинистых и супесчаных участках. Прослеживается отчетливое тяготение их к наиболее плодородным почвенным массивам. Так не менее, 2/3 пунктов, показанных на карте на рис. 1, локализуется на дерново-карбонатных почвах. Характерна также привязка сопочных местонахождений к участкам речных долин с широкой поймой.

Сопки Верхнего Полужья отличаются от аналогичных памятников восточных районов Новгородчины своими сравнительно небольшими размерами и немногочисленностью насыпей в группах. Высота их редко превышает 3-3,5 м. Наиболее распространенным видом местонахождения является одиночная сопка. Группы свыше трех насыпей вообще представляют большую редкость. Как правило, им сопутствуют поселения не рядового характера, игравшие роль

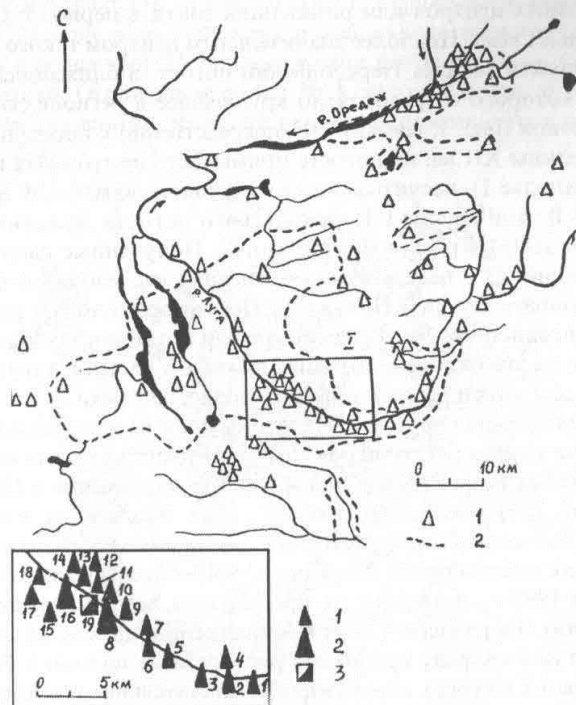

Рис. 1. Археологическая карта сопок Верхнего Полужья. Условные обозначения: 1 - сопки и сопочные группы, 2 - границы дерново-карбонатных почвенных массивов. ВРЕЗКА: Сопки в окрестностях Передольского погоста.

Условные обозначения: 1 - группы не более 2 сопок, 2 - группы из 3 сопок и более, 3 - поселение на Передольском погосте.

Список памятников к врезке: 1 - Косицкое III, 2 - Глухой Бережок, 3 - Малый Волочек, 4 - Жилой Бережок I, 5 - Новое Овсино, 6 - Малый Волок (Овсино), 7 - Большой Волок I, 8 - Центральная группа у Передольского погоста (Заполье I), 9 - Заупора, 10 - Княжева Горка (ур. Коломише), 11 - Княжева Горка - Речка (сопка, раскопанная Л.Н. Целепи), 12 - Княжева Горка II, 13 - Речка II, 14 - Речка I, 15 - Кшева II, 16 - Подберезье I, 17 - Лихарева Горка III, 18 - Лихарева Горка IV, 19 - Передольский погост.

окружных центров или резиденций знати в период с IX до конца XI века. Наиболее значительным центром такого рода в Полужья являлся Передольский погост, в ближайшей округе которого сосредоточено крупнейшее в регионе скопление сопки (рис. 1, врезка).³ Непосредственно к поселению X - середины XII вв. на погосте примыкает Центральная группа (Заполье 1), насчитывавшая в прошлом не менее 10 насыпей.⁴ В этой группе у Передольского погоста Лужским отрядом ИИМК раскопано две сопки. Полученные данные и сравнение их с результатами последних исследований С. Л. Кузьмина в Верхнем Полужье и Поплюсье позволяет высказать предположение о существовании устойчивого и достаточно распространенного типа сопочной насыпи, характерного для западных районов Новгородской земли.

Центральная группа у Передольского погоста включает насыпи различных размеров - от гигантских до самых незначительных (менее 15 м в диаметре). Исследованная в 1985 г. насыпь № 3 имела в поперечнике 14 м. Вершина ее и часть северной половины были разрушены. По-видимому, высота кургана составляла около 2 м. Сопка № 4, подвергшаяся раскопкам в 1995 г., в отличие от предыдущей, сохранила целую вершину. Ее размеры - 20 м в диаметре при высоте 1,8 м.

По целому ряду признаков раскопанные насыпи у Передольского Погоста обнаруживают значительное сходство. У обеих в основании залегала прослойка погребенного дерна в виде площадки, вокруг которой грунт был подрезан на широкой площади. Подрезка велась неглубоко, поэтому ни четко выраженных "платформ", ни кольцевых ровиков здесь не наблюдалось. У сопки № 4 имелось с юго-запада углубление неправильной формы длиной 1/5 окружности насыпи. Грунт из него был использован для подсыпки верхней части сопки. Однако эта западина может быть названа "ровиком" лишь условно.

Оба кургана имели каменное кольцо по основанию, сложенное из крупных и средних валунов в 2-4 яруса. Отдельные большие камни нижнего яруса залегали непосредствен-

но на материке (то есть на подрезке, окружавшей подготовленную дерновую площадку и небольшую первичную насыпь в ее центре). Остальные камни выкладывались уже на подсыпке. Ограждение сопки № 3 было двойным. В обоих случаях каменные обкладки оказались разомкнуты с севера (рис. 2-3).

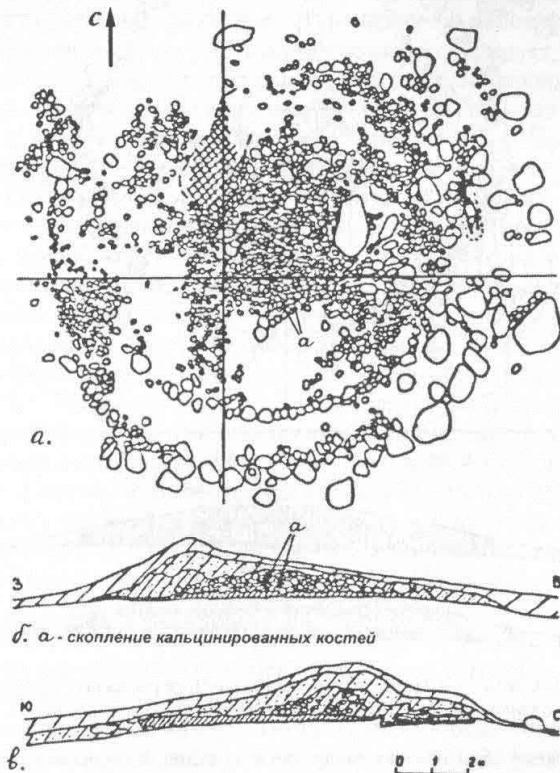

Рис. 2. Сопка № 3 Центральной группы у Передольского погоста. План и разрезы.

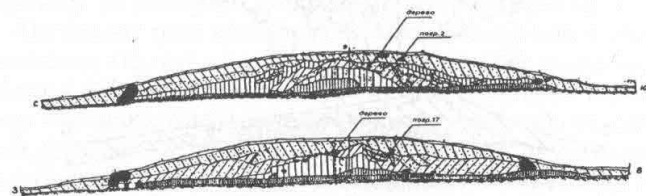
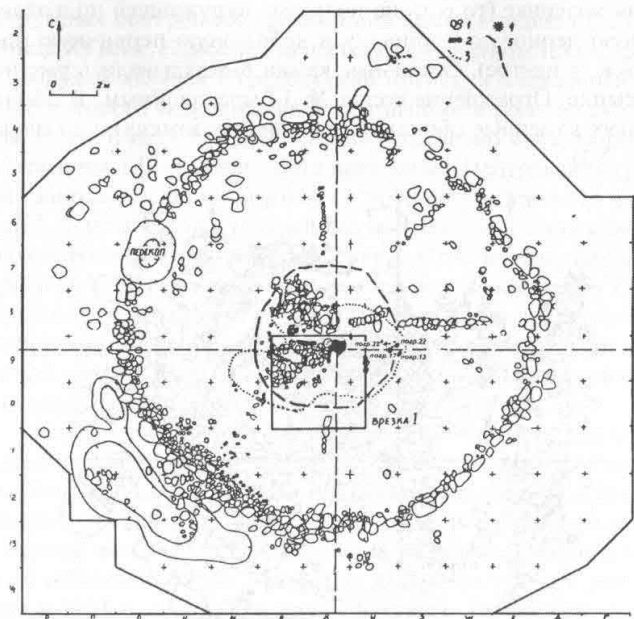

Рис.3. Сопка № 4 Центральной группы у Передольского погоста. а - каменные конструкции и погребения нижнего горизонта насыпи. б-в - разрезы.

Условные обозначения к плану сопки: 1 - камни, 2 - остатки дерева, 3 - границы распространения костеносного слоя верхнего яруса, 4 - погребения нижнего яруса, 5 - реконструируемая граница первичной насыпи на площадке.

В обеих насыпях наблюдались мощные конструкции из валунов в центре в виде каменных куч или, скорее, многослойных вымоستок. Эти вымостки представляли собой верхнюю часть небольшой первичной насыпи из дерна и валунов в центре подкурганной площадки. В сопке № 3 эта насыпь была низкой и плоской, в сопке № 4 она, по-видимому, имела пирамидальную форму. Тем не менее, однотипность конструкций в целом не вызывает сомнения. Следует особо отметить, что очень похожая картина была зафиксирована в ходе дореволюционных раскопок сопки, расположенной в 2 км от центральной группы на противоположном (правом) берегу р. Луга. Эта насыпь, находившаяся между дд. Княжева Горка и Речка, была исследована в 1899 г. Л. И. Целепи, не имевшим никакой подготовки в деле раскопок курганов с трупосожжением, а тем более, сопок. Погребений в насыпи он не нашел, возможно, просто не заметив кальцинированных костей россыпью. Единственной деталью, зафиксированной им более или менее достоверно, оказалось каменное кольцо по основанию и "куча" валунов в центре площадки.⁵ Таким образом, уже три насыпи, раскопанные в Центре Передольского погоста, имеют совершенно однотипные каменные конструкции. Сопки № 3 и № 4 центральной группы имели многослойную структуру, но выраженные гумусные прослойки между ярусами в них отсутствовали. Таким образом, никакого осязательного хронологического разрыва между этапами насыпки не было. По-видимому, они отражали определенные этапы и последовательность ритуальных действий при сооружении сопки. Насыпка в обоих случаях производилась от центра к краям. Земляных валиков по окружности площадки не сооружалось.

Наконец, очень важно отметить, что в обеих сопках на различных стратиграфических уровнях наблюдались захоронения кальцинированных костей россыпью. Особенно существенным с точки зрения функциональной и типологической близости обоих курганов является наличие верхнего яру-

са погребений россыпью в вершине насыпи. Подробное описание комплекса захоронений верхнего яруса сопки № 4 (представлявшего собой, по сути, длительно функционировавший могильник с трупосожжениями) будет дано ниже. Здесь же необходимо отметить, что аналогичный верхний уровень погребений, несомненно, имел место и в сопке № 3, где он не сохранился *in situ*. Вершина ее была разрушена, но кальцинированные косточки, повсеместно встречавшиеся под дерном в верхней части насыпи, указывали на то, что “могильник” какое-то время функционировал и на этой сопке.

Сходная погребальная традиция была зафиксирована С.Л. Кузьминым при раскопках сопки в Верхнем Поплюсье (Ско-вородка) и в Полужье в долине р. Оредеж (Пристань). Внутренне устройство насыпи Пристань 1, по сути, совершенно идентично уже описанным передольским сопкам. Здесь также налицо отсутствие “платформ” и ровиков; использование площадки из дерна; сооружение в центре ее первичной небольшой насыпи из дернин с каменными вымостками; насыпка всего кургана от центра к краям; сооружение насыпи в один прием, без осязательного хронологического разрыва между этапами насыпки; наличие в вершине сопки яруса поверхностных захоронений кальцинированных костей.⁶

Те же черты (насыпка от центра к краям, зачистка дерна вокруг площадки и выкладывание камней по подрезке и подсыпке) наблюдались при исследовании небольшого останца разрушенной сопки Мелковичи 1 на водоразделе рр. Луга и Мшага, произведенного в 1990 г. Т. А. Жегловой.⁷ Таким образом, целый ряд насыпей, раскопанных в Верхнем Полужье и смежных с ним регионах, являет черты исключительной близости - как конструктивной, так и типологической. Конечно, трудно ожидать, что перечисленный набор признаков в неизменном виде будет сопутствовать каждой верхне-лужской сопке. Здесь вполне возможны вариации. Так, например, вторая насыпь, раскопанная С. Л. Кузьминым у д. Пристань, оказалась сооруженной по способу насыпки от

краев к центру, хорошо известному по материалам других сопочных регионов.⁸ Однако на данном этапе изучения тип сопки, описанный выше, явно доминирует в материалах западных районов Новгородской земли. За этим явлением, несомненно, стоят единые закономерности развития культуры, обусловившие сложение более-менее единой традиции не позднее второй половины X века. Подробнее эта традиция может быть охарактеризована на материалах двух раскопанных передольских сопки.

Этапы ритуальных действий при сооружении сопки № 3 выглядят следующим образом. В центре площадки дерна, обозначенной путем подрезки и маркированной по краям большими валунами, была сооружена низкая плоская насыпь из дернин и камней, набросанных сверху в 3-4 слоя. Размеры ее 4,5 (З-В) x 5,0 (С-Ю) x 0,8 м. Далее насыпь была окружена двойной каменной оградой. Вымостка центра имела перемычки с внутренним кольцом ограждения, представляя с ним, до известной степени, единую конструкцию (рис. 2).

В процессе сооружения вымостки в центре площадки на камнях были рассыпаны кальцинированные кости, потом дополнительно перекрытые слоем камней и гумуса. В пределах россыпи наблюдается два незначительных скопления костей (возможно, случайных) на расстоянии 40 см друг от друга. Кости зафиксированы между камнями на разных высотных уровнях. Вероятно, они ссыпались вниз, проникая в пустоты между камнями. Инвентаря погребение не содержало.

С северо-запада к каменной вымостке первичной насыпи примыкала плоская яма в материке, по дну которой шел слой, напоминавший сажу (рис. 2: а, в). Скорее всего, это яма позднейшего происхождения.

В дальнейшем вся площадка и первичная насыпь были перекрыты слоями более светлого суглинка с отдельными дернинами. Общая высота сопки составила при этом, вероятно, немногим более 2 м. В вершину ее было помещено какое-то количество погребений, совершенных по обряду тру-

посождения на стороне. Этот ярус не может быть охарактеризован точнее из-за обширного перекопа вершины насыпи. В восточной поле сопки зафиксировано одно трупоположение в неглубокой яме, ориентированное головой на север с легким уклоном к западу. Это погребение было безинвентарным.

Ритуальные действия при сооружении сопки № 4 производились, в общем, по той же схеме, хотя они выглядят несколько более усложненными. Первоначально в центре площадки дерна, обозначенной по кругу подрезкой и маркированной камнями, было воздвигнуто легкое деревянное сооружение 2x1,5 или 2x2 м в поперечнике. Оно было тут же сожжено и, недогоревшим, засыпано землей - гумусом и дернинами. Следы недогоревшей прямоугольной деревянной конструкции сохранились в насыпи на высоту до 0,6 м от уровня погребенного дерна. Эта конструкция не содержала кальцинированных костей и, скорее всего, представляла собой кладу ритуального костра.

Подкурганная площадка была разделена на ряд секторов с помощью радиальных выкладок из валунов, ориентированных от центра, маркированного ритуальным кострищем, точно по сторонам света (рис. 3). Залегали они на поверхности погребенного дерна. Близкую аналогию таким радиальным выкладкам представляют собой конструкции сопки № 1 в урочище Победище в Старой Ладоге (пункт 14-1 по каталогу В. П. Петренко).⁹

Над ритуальным кострищем была сооружена небольшая первичная насыпь из гумуса. Она представляла собой земляной конус, облицованный камнями в 1-2 слоя с северо-запада и юго-запада. Конус имел уплощенную вершину. Высота его была около 1 м. В поперечнике эта первичная насыпь составляла 6,5-7 м. С восточной стороны ее наблюдалась дополнительная ритуальная выкладка по склону (рис.3).

На поверхности первичной насыпи приблизительно в 0,5 м к югу от ее центра были выявлены следы дерева в виде

тонкого слоя древесного тлена с отдельными мелкими угольками (см. разрезы на рис. 3). Тлен зафиксирован на участке площадью около 1 кв. м. Возможно, это следы помоста, сооруженного на поверхности первичной насыпи. Выше него в насыпи залегает каменная вымостка, маркирующая центр и соответствующая второму этапу сооружения сопки.

Первичная насыпь имела многослойную структуру, будучи сложена из дерна и гумусированного суглинка, окрашенного в верхней части менее интенсивно, чем в нижней. У подножия этой насыпи, в 4 м к ВЮВ от центра, на небольшой подсыпке было совершено первое погребение в сопке¹⁰:

ПОГРЕБЕНИЕ № 13 - безурновое. Скопление кальцинированных костей овальное в плане, в поперечнике 14x8 см. Кости перемешаны с песком, общий их объем незначителен. Толщина слоя, в котором встречаются кости - 2 см. Примесь угольков отсутствует. Вещей нет.

Первичная насыпь и погребение № 13 перекрыты слоями светло-серого и желтого суглинка, заполнившими пространство между нею и каменным ограждением площадки. Так получилась плоская низкая насыпь второго этапа 18 м в диаметре и 1,3-1,4 м в высоту. С завершением строительства этой насыпи связаны следующие два (три?) погребения в сопке. Все они приурочены к тому же участку (в плане), что и погребение № 13, но находилось на 0,5 м выше (рис. 3).

ПОГРЕБЕНИЕ № 22-22а - небольшая россыпь кальцинированных костей, включавшая два их скопления, расположенных в 0,5 м одно от другого на глубине около 20 см от поверхности насыпи второго этапа. Кости находились в слое желтого суглинка. Толщина скоплений не более 1 см. Общий объем незначителен. Захоронение перекрыто линзой песка. Вещей нет. Примесь угольков отсутствует.

ПОГРЕБЕНИЕ № 17 - залегало на песчаной линзе, перекрывшей предыдущее погребение. Представляло собой скопление костей, очищенных от угля, округлое в плане. В поперечнике 18 см, толщина слоя костей 15 см. Вероятно, захоро-

нение было произведено в органической емкости (туеске?). Присутствуют кости молодого человека и овцы.¹¹ Вещей нет.

До середины высоты погребение № 17 было присыпано песком, выше - суглинком. Рядом с ним в разрезе зафиксирована узкая глубокая ямка, так же заполненная песком. Возможно, здесь в насыпь первоначально был воткнут колышек (на глубину около 40 см), отмечавший место предполагаемого погребения. После установки урны он был выдернут, и вертикальная ямка заполнилась песком.

Далее плоская насыпь второго этапа была перекрыта слоем серо-желтого суглинка мощностью 0,4 м в центре и до 0,9 м на периферии. В этом горизонте, на глубине 0,2-0,4 м от дневной поверхности находилась круглая вымостка из валунов (0,8 м в диаметре) и 17 индивидуальных погребений, сконцентрированных на небольшой площади в 2-4 м к югу от центра сопки (рис. 4). Большинство погребений вплотную примыкало к круглой вымостке. Впускные ямки в слое не прослеживались. Не исключено, что первоначально эти погребения располагались на поверхности сопки, возможно, под деревянным помостом аналогичным тому, что был зафиксирован на вершине первичной насыпи. Остатки тонкого слоя дерева со следами естественного обугливания зафиксированы на ограниченной площади рядом с погребением № 15. Судя по направлению древесных волокон, это могла быть не цельная плашка, а остатки настила из жердей, уложенных рядом. Уровень залегания дерева соответствовал верхнему уровню погребения № 15. Косвенным указанием на то, что первоначально погребения не были полностью присыпаны, служит характер их расположения. Ни одно из них, сконцентрированных на небольшой площади, тем не менее, не нарушает и не перекрывает другие. Верхняя часть сосуда, в который было помещено погребение № 5, обломившись, упала непосредственно на кости соседнего погребения № 7, что вряд ли могло случиться, будь это последнее присыпано сверху

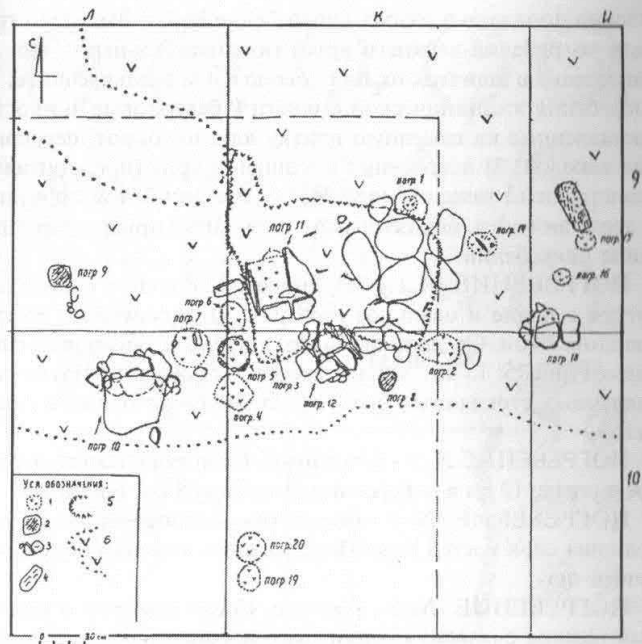

Рис. 4. Каменная вымостка и погребения верхнего яруса (врезка 1 к плану сопки № 4).

Условные обозначения 1 - погребение, 2 - погребение, перекрытое сверху плиткой, 3 - камни, 4 - остатки дерева, 5 - границы пятна костеносного слоя наибольшей насыщенности, 6 - границы костеносного слоя.

землей. Таким образом, нельзя исключить, что верхняя часть горизонта серо-желтого суглинка над погребениями была досыпана позднее, после разрушения деревянного настила. Однако прямых стратиграфических подтверждений тому нет. Горизонт серо-желтого суглинка имеет характер достаточно аморфный и однородный. Отдельные прослойки или ямки не читались даже в тех случаях, когда погребения непосред-

ственно попадали в разрез (погребение № 2). Выделено три вида погребений верхнего яруса (индивидуальных). Это: 1) погребения в ящичках их плит около 0,4 м в поперечнике; 2) погребения в органической емкости ("безурновые"), иногда поставленные на каменную плитку или, наоборот, перекрытые таковой; 3) погребения в глиняной урне (представлены единственным захоронением № 5). Все они без исключения содержали кости, очищенные от угля. Ниже приводится описание погребений:

ПОГРЕБЕНИЕ № 2 - безурновое. Скопление костей округлое в плане и овальное в разрезе. В поперечнике 35 см, толщина 20 см. Среди костей находились две бронзовых спиральки (рис. 5: 15-16), капли серебра и бронзы и остатки оплавленных стеклянных бус - синих, молочно-белых и глазчатой.

ПОГРЕБЕНИЕ № 3 - безурновое. Скопление костей округлое в плане, 12 см в поперечнике, толщина 8 см. Вещей нет.

ПОГРЕБЕНИЕ № 4 - безурновое, в поперечнике 25 см, толщина слоя костей 6 см. Подстилалось каменной плиткой. Вещей нет.

ПОГРЕБЕНИЕ № 5 - урновое. Кости сыпаны в глиняный горшок с максимальным расширением в верхней трети и ребром по плечу (рис. 5: 25). Венчик сосуда слегка отогнут, тесто довольно плотное, с примесью дресвы. Обжиг средний. Урна была раздавлена, нижняя часть ее, распавшаяся на ряд фрагментов, находилась *in situ*, верхняя частично раскрошилась, а частично лежала поверх соседнего погребения № 7. Толщина слоя костей 5 см, в поперечнике 20 см. Вещей нет.

ПОГРЕБЕНИЕ № 6 - безурновое. Скопление костей округлое в плане, в поперечнике 20 см, толщиной 3 см. Подстилалась каменной плиткой. Возможно, кости принадлежат ребенку. В 2 см от них найдено 2 фрагмента проволочного украшения (височного кольца большого диаметра?). Принадлежность их данному погребению вызывает сомнения.

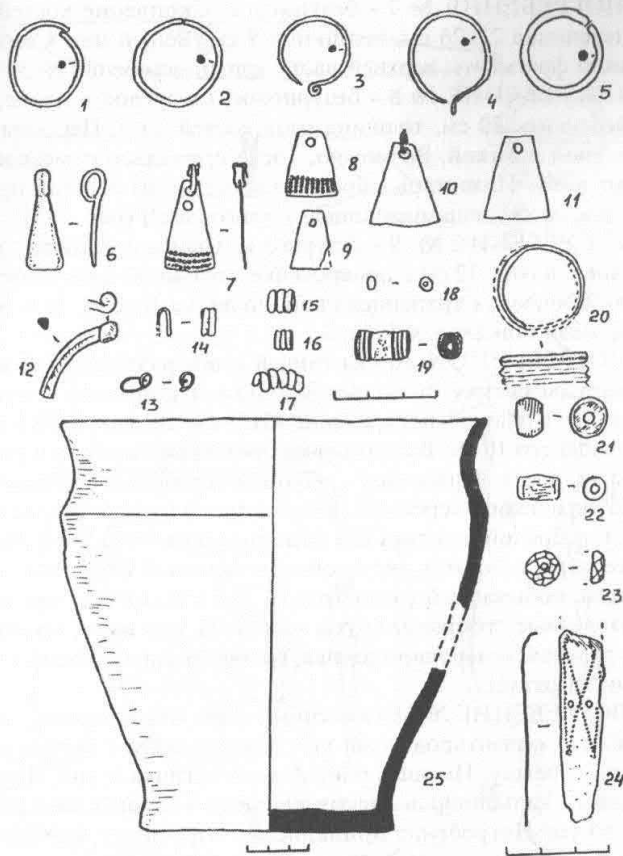

Рис. 5. Находки из сопки № 4 Центральной группы у Передольского погоста.

1-3, 6-8, 10-11, 13, 18-19 - погр. 18; 5 - погр. 8; 9 - погр. 9; 14, 20, 23 - погр. 10; 15-16 - погр. 2; 25 - погр. 5; 17, 21, 22 - костеносный слой; 4, 12, 24 - предметы из насыпи.

1-13, 15-17, 24 - бронза, 14, 20 - серебро, 18-19, 21 - стекло, 22 - кость, 23 - сердолик, 25 - керамика.

ПОГРЕБЕНИЕ № 7 - безурновое. Скопление костей в поперечнике 22х26 см, толщиной 7 см. Вещей нет. Сверху лежали фрагменты верхней части урны погребения № 5.

ПОГРЕБЕНИЕ № 8 - безурновое. Округлое в плане, в поперечнике 20 см, толщина слоя костей 3 см. Перекрыто каменной плиткой. Возможно, кости принадлежат мелкому животному. Инвентарь - бронзовое кольцо из толстой проволоки, со сходящимися концами (височное?) (рис. 5: 5).

ПОГРЕБЕНИЕ № 9 - безурновое. Скопление костей округлое в плане, 12 см в поперечнике, толщиной 2 см. Инвентарь - бронзовая трапецевидная подвеска (рис. 5: 9) и оплавленная стеклянная бусина.

ПОГРЕБЕНИЕ № 10 - каменный ящик, раздавленный наваленным сверху большим валуном. Скопление костей овальное в плане, в поперечнике 40х20 см, вытянуто СЗ-ЮВ. Толщина его 10 см. В погребении представлены кости взрослого человека. Инвентарь - обломки серебряного спирального украшения (перстня или наконечника) (рис. 5: 20), обломок серебряной петельки для подвешивания (рис. 5: 14), капли серебра, фрагмент округлой многогранной сердоликовой бусины, побывавшей в огне (рис. 5: 23), а также спекшиеся и оплавленные стеклянные бусы - синие (в том числе пронизка), голубая, печеночно-красная, глазчатая синяя с бело-желтыми глазками.

ПОГРЕБЕНИЕ № 11 - каменный ящик со сторонами около 40 см, ориентированный по сторонам света с легким уклоном к западу. Имелись плитняковая крышка и дно. Ящик заполнен кальцинированными костями. Толщина слоя костей 10 см. Погребение принадлежит взрослому человеку. Вещей нет.

ПОГРЕБЕНИЕ № 12 - каменный ящик, сильно деформированный. В поперечнике около 40 см. Присутствовали плитняковая крышка и дно. Толщина костей в ящике 9 см. Погребение принадлежит человеку. Среди плиток деформированного ящика найден 4-хгранный железный гвоздь (рис. 6: 7).

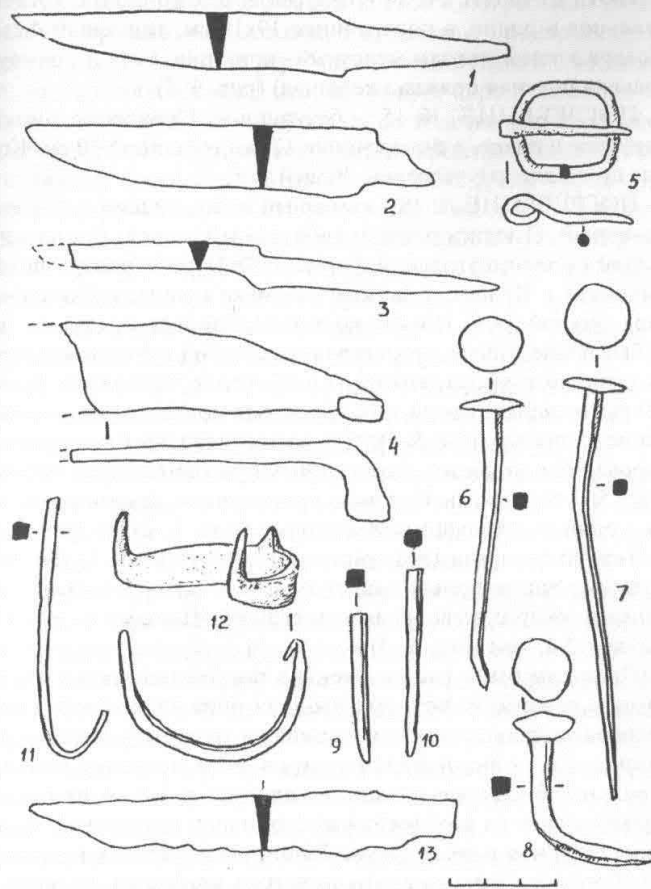

Рис. 6. Находки из сопки № 4 (продолжение). Предметы из железа. 1,5 - погр. 14; 7 - погр. 2; 2-4, 11-13 - предметы из насыпи; 6, 8-10 - костеносный слой.

ПОГРЕБЕНИЕ № 14 - безурновое. Скопление костей овальное в плане, в поперечнике 19x15 см, толщиной 4 см. Поверх костей лежали железный нож (рис. 6: 1) и прямоугольная поясная пряжка (железная) (рис. 6: 5).

ПОГРЕБЕНИЕ № 15 - безурновое. Скопление костей округлое в плане, в поперечнике 12 см, толщиной 10 см. Кости принадлежат человеку. Вещей нет.

ПОГРЕБЕНИЕ № 18 - каменный ящик, сильно деформированный. Имелась плитняковое дно и крышка. Скопление костей подпрямоугольной формы, 30x18 см в поперечнике, вытяннуто с Ю на С с легким уклоном к западу. Толщина слоя костей 5 см. Поверх костей находились предметы, не побывавшие в огне, представлявшие собой остатки женского головного убора, которым погребение, вероятно, было накрыто сверху. Среди них две литые подвески, напоминающие лапчатые (рис. 5: 6), три трапециевидных неорнаментированных подвески, украшенных пунсонным орнаментом (рис. 5: 7-8), перстнеобразные проволочные височные кольца - одно со сходящимися концами (рис. 5: 2), второе - со слегка заходящими (деформированное?) (рис. 5: 1). Третье кольцо с характерным завитком имело один заостренный конец и, скорее всего, являлось серьгой. Диаметр колец составлял 2-2,5 см (рис. 5: 3).

Подвески были расположены в погребении двумя группами, в каждую из которых входили одна "лапчатая", одна трапециевидная орнаментированная и одна неорнаментированная. Еще одна неорнаментированная подвеска лежала отдельно. Височные кольца находились в 3-6 см от групп подвесок (два из них лежали вместе, одно - отдельно). Если допустить, что и те, и другие были прикреплены к головному убору, это означает, что подвески крепились не вплотную к кольцам, а несколько ниже их. С каждой стороны находились по 3 разных подвески и по одному перстнеобразному кольцу. Третье кольцо - серьга, возможно, было положено отдельно.

В ходе дальнейшей разборки костей в погребении № 18 было обнаружено еще несколько предметов. Бронзовая проволочка, согнутая на манер "английской булавки", возможно, представляла собой миниатюрную скрепу головного убора или, скорее, деформированное колечко для подвешивания (рис. 5: 13). Кроме того, были найдены оплавленные стеклянные бусы. Сравнительно мало обгорела призматическая пронизка синего стекла с красными и желтыми полосками по краям (мозаичная), относящаяся к группе G а по Ю. Калльмеру¹² (рис. 5: 19). Среди других бус можно опознать два экземпляра зеленого рубленого бисера и, возможно, 2 экземпляра черного (?) бисера (рис. 5: 16). Остальные бусы оплавилась до полной потери формы и цвета.

ПОГРЕБЕНИЕ № 19 - безурновое. Скопление костей округлое в плане, 15x18 см в поперечнике, толщиной 4 см.

Среди костей найдены сплавы бронзы и серебра.

ПОГРЕБЕНИЕ № 20 - безурновое. Скопление костей округлое в плане, 20 см в поперечнике, толщиной 7 см. Кости принадлежали молодому человеку. Найдены оплавленные печеночно-красные бусы и капли бронзы.

Начиная с уровня верха описанных погребений и выше (на глубине от 5 до 20 см от дневной поверхности сопки) в насыпи оказались рассеяны кальцинированные кости. Россыпь, а точнее, костеносный слой зафиксирован на площади около 24 кв. м (рис. 3-4). Особенно насыщен костями участок над круглой каменной вымосткой и к ЮЗ от нее (рис. 4). Именно с этим участком связана находка 14 обломков четырехгранных железных гвоздей, побывавших в огне (рис. 6: 6, 8-10). Здесь же найдены бронзовая спиралька (рис. 5: 17), костяная обожженная бусина (рис. 5: 22), печеночно-красная бусина (рис. 5: 21) и обломок бронзовой подковообразной фибулы.

На поверхности одного из плоских камней вымостки зафиксировано небольшое скопление кальцинированных костей, условно принятое за индивидуальное погребение № 1. Вещей оно не содержало.

Костеносный слой в вершине и на южном склоне сопки № 4, несомненно, представлял собою остатки многочисленных погребений, рассеивавшихся и рассыпавшихся по поверхности насыпи. Часть костей, высыпанных на вершину, постепенно сползала вниз. Поэтому отдельные косточки и мелкие их скопления были зафиксированы в дерне и на периферии сопки. Возможно, именно с костеносным слоем изначально были связаны такие находки, как височное кольцо с отогнутым концом (рис. 5: 4), железный нож группы IV по Р.С. Минасяну (рис 6: 3), обломок спиралеконечной фибулы (рис. 5: 12). Все они происходят из горизонта серо-желтого суглинка на периферии насыпи. Из этого же слоя происходит обломок косы-горбуши (рис. 6: 4), обломок железной дужки, два сломанных железных ножа (рис. 6: 2, 11, 13) и обувные оковки эпохи позднего средневековья. В восточной поле сопки в основании каменной крепиды был найден обломок древнерусского пластинчатого браслета с орнаментом XII-XIII вв. (рис. 5: 24).¹³

Происхождение аморфного слоя мощностью около 20 см, перекрывавшего индивидуальные погребения и насыщенного кальцинированными костями, скорее всего, объясняется не одновременной досыпкой сопки, а многочисленными, производившимися на протяжении десятилетий, небольшими подсыпками, имевшими целью прикрыть очередную россыпь костей на вершине. Костеносный слой непосредственно перекрывал верхний уровень индивидуальных погребений и постепенно накапливался на верхней площадке уже в тот период, когда индивидуальные погребения перестали совершаться.

Датировка отдельных комплексов сопки № 4 представляет известные трудности, так как украшения, найденные в погребениях, как правило, входят в состав женского убора, широко датируемого рубежом I-II тыс. н.э. Уточнить их хронологическую привязку можно лишь в тенденции. Так, например, время массового распространения печеночно-крас-

ных боченковидных бус на Северо-Западе приходится на IX-X вв.¹⁴, но отдельные бусины такого типа встречаются в погребальных древностях вплоть до первой трети XII в. Эту датировку подтверждают и материалы из культурного слоя Новгорода.¹⁵ В сопке № 4 печеночно-красные бусы обнаружены в костеносном слое на вершине и в двух индивидуальных погребениях (№ 10 и № 20), причем в последнем представлено несколько экземпляров. При этом в погребениях совсем не встречено очень характерных для конца X-XI вв. оранжевых боченковидных и желтых лимоновидных бус. Все оплавленные экземпляры, поддающиеся определению по форме или цвету, относятся к числу ранних, широко распространенных в VIII-X вв., хотя нередко доживавших до более позднего времени (XI-нач. XII в.) мозаичная, глазчатые, синяя пронизка, бисер, молочно-белые бусы и т.д.). Такой набор в целом является аргументом в пользу датировки уровня индивидуальных погребений в сопке периодом не позднее X в.

Сердоликовая многогранная бусина, фрагмент, которой был найден в каменном ящике № 10, имела шарообразную форму, слегка уплощенную с боков. Диаметр ее составлял 1 см (рис. 5: 23). Бусы такого типа в Ладоге не встречаются ниже слоев горизонта Д.¹⁶ Новгородские материалы свидетельствуют о том, что уже в посл. четв. X в. форма их слегка изменяется, приближаясь к битрапецидной.¹⁷

Обломок спирального украшения в том же погребении № 10 мог принадлежать как перстню, так и наkosнику (рис. 5: 20). В последнем случае этот предмет имеет достаточно широкий круг аналогий в сопках¹⁸ и сопковидных курганах, в конструкции которых прослеживается явная сопочная традиция.¹⁹ В этих комплексах он датируется IX-1 пол. X в. В культурном слое Старой Ладogi фрагмент наkosника датируется также 1 половиной IX в. В таком случае в сочетании с находкой сердоликовой многогранной бусины, наиболее вероятной датой комплекса в каменном ящике № 10

является период ок. I пол. - сер. X в. Этой датировке не противоречит и обнаруженный в погребении набор стеклянных бус (синяя пронизка, синяя глазчатая бусина II группы по З.А. Львовой, печеночно-красная бусина и оплавленная голубая неясной формы). Все эти типы очень характерны для I пол. - сер. X в.²⁰

Трапециевидные подвески с горизонтальными полосками пунсонного орнамента, найденные в каменном ящике № 18, имеют аналогии в культуре смоленско-полоцких длинных курганов (Цурковка, Рацкий Бор, Еленово)²¹ и на памятниках раннего этапа древнерусской культуры (Боково, Городок на Ловати и др.).²²

Они могут относиться к IX-XI вв. и позднее. Неорнаментированные трапециевидные подвески в ряде случаев встречены в сопках (Велеша, Сквородка-II, Репьи - верхний ярус) и очень хорошо представлены в слоях синхронных сопкам древнерусских поселений X-XI вв. (Удрай I, Передольский погост, Которск). Они уверенно включаются С. Л. Кузьминым в состав женского убора культуры сопок западных районов Новгородской земли.²³ Вполне возможно, их появление здесь обусловлено влиянием культуры смоленско-полоцких длинных курганов. Распространение их на памятниках сопочного круга к западу от оз. Ильмень относится, по-видимому, к X в. В сопке № 4 такие подвески встречены в двух погребениях (№ 9 и № 18). Материалы комплекса № 18 указывают на то, что они использовались носителями культуры сопок как височное, а не нагрудное украшение.

Простые перстнеобразные кольца с сомкнутыми или слегка заходящими датируются по новгородским аналогиям сер. XI - кон. XIII вв.²⁴ Ниже 23 яруса они не встречены. Однако южнее - в верхнем и среднем Поднепровье - такие украшения могут относиться и ко второй пол. X в. - по аналогиям на Гнездовском могильнике²⁵, в Шестовицах²⁶ и Киевском некрополе²⁷. Их появление в сопочном погребении, датированном, предположительно, временем ранее сер. XI в., может

быть обусловлено культурным влиянием с юга (возможно, из области Смоленского Поднепровья).

Бронзовая серьга с завитком на одном конце, найденная в том же каменном ящике № 18, имеет серию аналогий в Гнездово, где этот тип датируется X-XI вв.²⁸ В Киевском некрополе такие кольца найдены с дирхемами-подвесками нач. X в.²⁹ Еще более раннему времени принадлежат находки из слоя Старой Ладogi (первая треть IX в. и рубеж IX-X вв.).³⁰ Исходные формы таких колец найдены на памятниках 3 четверти I тыс. н.э. на Южном Буге (селище Семенки).³¹ Похожие височные кольца, слегка превышающие в диаметре 2,5 см, доживают на широкой территории до XIII в. включительно. Временем начала их массового распространения считается X в.³²

Наиболее территориально и, по видимому, хронологически близкая аналогия серьге (или кольцу) из сопки № 4 - кольцо из сопковидного кургана в группе Которск IV в верхнем Поплюсье (раскопки С. Л. Кузьмина). Конструктивно этот курган очень близок описываемому типу сопок и, несомненно, отражает ту же традицию. Свидетельством тому является насыпка его от центра к краям, сооружение первичной насыпи в виде пирамиды из дерна, наличие одного индивидуального погребения в вершине и россыпи кальцинированных костей по поверхности. Инвентарь, встреченный в кургане, также очень близок набору вещей, представленному в сопке № 4 (накосник, спиральные пронизки, синяя бусина, железный нож, аналогичный тому, что был найден в погребении № 14).³³ Вероятно, это комплекс следует отнести к первой половине - середине X в.

Литые "лапчатые" подвески, обнаруженные в каменном ящике № 18, не имеют аналогий среди хронологически близких ревностей Северо-Запада. Похожие по форме и технике изготовления пластинчатые привески встречены в комплексах поздней (урьинской) стадии ломоватовской культуры (VIII-IX вв.) в верхнем Прикамье.³⁴

Следует отметить, что подвески из сопки № 4 отличаются более вытянутыми пропорциями и меньшим “зооморфизмом”, по сравнению с ломоватовскими привесками-лапками. Скорее всего, они представляют собой результат развития одного из типов литых привесок верхнего Прикамья к форме, близкой трапециевидной. Характерно, что в женском уборе из погребения № 18 “лапчатые” подвески использовали, как трапециевидные, то есть без специальной трубчатой основы, к которой крепились привески-лапки в верхнем Прикамье.

Несколько уточнить дату комплекса каменного ящика № 18 позволяет находка в нем призматической пронизки группы Ga по Ю. Калльмеру. Пики распространения таких бус в Северной Европе падают на кон. VIII - 1 пол. IX в. и кон. IX - нач. вв. По мнению Ю. Калльмера, этот тип полностью выходит из употребления к 980 г.³⁵ Аналогии таким пронизкам в Ладоге отнесены З. А. Львовой к I категории I группы. Это очень ранние бусы, представленные, преимущественно, в горизонте E и редко встречающиеся в горизонте D.³⁶ Таким образом, восточноевропейские материалы показывают ту же динамику типа, которая отмечена Ю. Калльмером для северной Европы. Поэтому предложенная им верхняя хронологическая граница распространения таких бус может быть принята, как верхняя дата погребения № 18.

В целом этот комплекс, включающий перстнеобразные височные кольца (в том числе с завитком), орнаментированные и неорнаментированные трапециевидные подвески, “лапчатые” подвески, рубленный бисер и пронизку указанного выше типа, можно отнести, по сочетанию типов инвентаря, к сер. - 3 четв. X в.

Остальные погребения сопки № 4, вероятно, следует суммарно датировать X веком. Уточнить их датировку в рамках X в. пока не представляется возможным. Костеносный слой, перекрывающий индивидуальные погребения верхнего яруса, относятся к концу X или концу X-IX вв. Подводя

итоги, следует отметить, что исследования последних лет на западе Новгородской земли несколько пошатнули представление о якобы совершенно незначительной роли погребальной функции в сопках. Обнаружение в вершинах непотревоженных насыпей десятков погребений по обряду трупосожжения на стороне, заставляет с большей серьезностью отнестись к предположению, что любая сопка с поврежденной или снесенной вершиной не только является полноценным источником для характеристики погребального обряда этой культуры, но, в определенном смысле, способствует формированию совершенно ошибочного взгляда на указанную проблему. Сопка со снесенной вершиной доносит до исследователя лишь ничтожный процент информации о погребениях, изначально в ней содержавшихся. Захоронения не распределялись здесь равномерно по всем горизонтам насыпи. Малое количество погребений на подкурганых площадках и в нижних горизонтах сопки установлено достоверно и вряд ли подлежит сомнению. Однако раскопки неповрежденных сопки уже в целом ряде случаев позволили сделать вывод об устройстве в их вершинах могильников с трупосожжениями, которые могли функционировать от нескольких лет до нескольких десятилетий. Поскольку именно вершины больших курганов в первую очередь и во все времена привлекали внимание кладоискателей, такая специфика сопки, по-видимому, привела к тому, что основная масса погребений оказалась разрушенной еще до начала научных исследований этой культуры.

Кальцинированные кости часто могут быть зафиксированы в дерне на вершинах сопки просто в ходе разведочного осмотра. Безусловно, это требует целенаправленного поиска. В настоящий момент они обнаружены на каждой из четырех уцелевших насыпей Центральной группы у Передольского погоста, включая гигантскую Шум-гору (сопка № 5). Разумеется, характер и размеры этих россыпей могут быть выяснены только в ходе раскопок. Но, в принципе, на-

личие костей в вершинах самых различных по форме и размерам насыпей не должно удивлять. Как уже было справедливо указано С. Л. Кузьминым, остатки погребений “между ярусами” целого ряда больших многоярусных сопки Ловатского скопления (Коровитчино, Селяха, Марфино (№ 1), вполне могут быть интерпретированы, как поверхностные, перекрытые затем новым ярусом насыпи.³⁷ Таким образом, можно ожидать наличия могильников не только на “малых” сопках, сооруженных в один прием (где они выявлены в настоящее время), но и на насыпях иных типов.

Дальнейшие исследования покажут, насколько справедливы данные предположения и применимы ли они ко всем локальным вариантам культуры сопки. В настоящий момент есть основания считать, что наличие могильника в вершине очень характерно для того типа сопочной насыпи, который, по-видимому, сформировался на западе Новгородской земли в I пол. - сер. X в. Сооружение такой сопки было связано с комплексом достаточно сложных ритуальных действий. Единая последовательность и повторяемость этих обрядовых действий, зафиксированная уже на нескольких памятниках, говорит о достаточно развитом и устойчивом ритуале. Каждый из этапов сооружения насыпи, начиная с обозначения подкурганной площадки, имел определенную смысловую нагрузку. Вероятно, помещение отдельных многочисленных захоронений или россыпей кальцинированных костей в нижние горизонты сопки тоже имело какой-то смысл. Но по-настоящему сопка становилась местом погребения усопших членов коллектива уже по завершении строительства насыпи. В отличие от большинства курганов Древней Руси IX-XI вв., соорудившихся над погребением и для погребения, сопка рассматриваемого типа строилась под погребения, которые должны были производиться на ее вершине в течение какого-то достаточно длительного времени. Именно в этом заключается ее главное типологическое отличие от древнерусской курганной насыпи с трупосожжени-

ем. Культовая и погребальная функции сопки представляются двумя сторонами одной медали. Они были важны в равной степени и вытекали одна из другой.

¹ Седов В. В. Новгородские сопки. (САИ. Е1-8). М., 1970. Лебедев Г. С., Платонова Н. И., Лесман Ю. М. Археологическая карта Верхнего Полужья (вторая половина I - первая половина II тыс. н.э.). // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982. С. 45-49 и карта; Кузьмин С. Л. Оредежские сопки. // Население Ленинградской области: материалы и исследования по истории и традиционной культуре. СПб., 1992. С. 16-26

² Долуханов П. М., Носов Е. Н. Палеоландшафты и заселение территории Северо-Запада в VI-X вв. // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л., 1985. С. 20; Конечский В. Я. Некоторые вопросы исторической географии Новгородской земли в эпоху средневековья. // НИС 3(13). Л., 1989. С. 11-12.

³ Платонова Н. И. Укрепленные поселения Лужской волости. // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990. М., 1991. С. 72-79.

⁴ Платонова Н. И. Укрепленные поселения... С. 17-20.

⁵ Архив ИИМК РАН. Ф.1. Дело № 113/1899.

⁶ Кузьмин С. Л. ук. соч. С. 17-20.

⁷ Автор приносит глубокую благодарность Т. А. Жегловой за предоставленные материалы.

⁸ Кузьмин С. Л. Оредежские сопки... С. 20-21.

⁹ Петренко В. П. Погребальный обряд населения Северной Руси VIII-X веков. Сопки Северного Поволжья. СПб., 1994. С. 51-52, 125, рис. 12.

¹⁰ Предварительные итоги исследования сопки № 4 были обобщены в публикациях: Платонова Н. И. Новое в исследованиях Передольского погоста. // Ладога и Северная Русь. СПб., 1995. С. 27-29 и Платонова Н. И. Передольские сопки. Предварительные итоги исследования. // Курган. Историко-культурные исследования и реконструкции. СПб., 1996. С. 51-53. В них отмечалось наличие на подкурганной площадке под насыпью сопки целого ряда погребений в материковых ямках с инвентарем (спиральки, бронзовые колокольчики, проволочные и спиральные украшения) и безинвентарных. В отличие от погребений в насыпи и в верхнем ярусе сопки, эти захоронения имели примесь угляков. Радиоуглеродный анализ, выполненный в лаборатории археологической технологии ИИМК, показал, что они датируются V или VI в. К тому же времени (VI - VII вв.), относится и культурный слой селища, случайно перекрытого сопкой. Таким образом, к сопочной насыпи грунтовые погребения в ямках не имеют прямого отношения. Эта находка является хорошей иллюстрацией тому, что, вероятно, не сле-

дует без дополнительных доказательств относить к культуре сопок все те грунтовые погребения и могильники с маловыразительным инвентарем I тыс. н.э., которые в настоящее время обнаружены в окрестностях сопочных групп. Локализация их в тех же ландшафтных условиях, что и сопки, явно не представляет собой исчерпывающего доказательства их хронологического и культурного единства.

¹¹ Определение кальцинированных костей из погребений в сопке № 4 произведено научным сотрудником отдела антропологии ИЭ РАН (СПб филиал) С. Л. Санкиной, которой автор выражает глубокую признательность.

¹² Callmer J. Trade beads and bead trade in Scandinavia. Ca. 800-1000 A.D. // *Acta Archaeologica Lundensia. Series I. № 40. Nr. 11. Lund, 1977. P.1.20 /G-050/.*

¹³ Седова М. В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X-XV вв.). М., 1981. Рис. 40: 11-12.

¹⁴ Львова З. А. Стекланные бусы Старой Ладоги. // АСГЭ, 1968, Вып. 10. С. 72-73.

¹⁵ Лесман Ю. М. Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород. Проблема синхронизации. // Археологическое исследование Новгородской земли. Л., 1984. С. 139.

¹⁶ Рябинин Е. А. Начальный этап поступления полудрагоценных камней на Север Европы. Новые материалы древнейшей Ладоги и их скандинавские аналогии. // Ладога и Северная Русь. СПб., 1995. С. 58.

¹⁷ Полубояринова М. Д. Полудрагоценные камни и янтарь в древнем Новгороде. // Новгородские археологические чтения. Новгород, 1994. С. 75, рис. 1: 4.

¹⁸ Яблоник Д. Л. О двух типах бронзовых украшений культуры сопок. // История и археология Новгородской земли. Тезисы научно-практической конференции. Новгород, 1987. С. 25.

¹⁹ Кузьмин С. Л. Которский погост - локальный центр конца I - начала II тыс. н.э. в верховьях Плюсы. // Материалы по археологии Новгородской земли. С. 159.

²⁰ Львова З. А. Стекланные бусы... С. 70-75.

²¹ Енуков В. В. Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей. М., 1990. С. 201-203.

²² Горюнова В. М. Поселок ремесленников на Ловати. // Проблемы археологии. Вып. II. Л., 1978. С. 144-146.

²³ Кузьмин С. Л. О хронологическом соотношении сопок и длинных курганов (по материалам западных районов Новгородской земли). // Проблемы хронологии и периодизации в археологии. Л., 1991. С. 92-97.

²⁴ Лесман Ю. М. Хронология ювелирных изделий Новгорода (X-XIV вв.). // Материалы по археологии Новгорода. 1988. М., 1990. С. 69.

²⁵ Пушкина Т. А. Височные кольца Гнездовского комплекса. // Труды V международного Конгресса славянской археологии. М., 1987. С. 53.

²⁶ Бліфельд Д. І. Давньоруські пам'ятки Шестовиці. Київ, 1977. С. 155.

²⁷ Каргер М. К. Древний Киев. М.-Л., 1958. Т. I. С. 145 (погр. 26).

²⁸ Пушкина Т. А. Височные кольца... С. 52-53.

²⁹ Каргер М. К. Древний Киев... Табл. X: 4.

³⁰ Кирпичников А. Н. Раннесредневековая Ладога. Итоги археологического исследования. // Средневековая Ладога. Л., 1985. С. 17-18.

³¹ Хавлюк П. И. Раннеславянские поселения в бассейне Южного Буга. // Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1976. С. 197.

³² Musianowicz K. Kablacki skroniowe - proba typologii i chronologii. // Swiatowit. Warszawa. 1948-1949. XX. S. 192-194.

³³ Кузьмин С. Л. Которский погост... С. 158-159.

³⁴ Голдина Р. Д. Ломоватовская культура в верхнем Прикамье. Иркутск, 1985. С. 45, табл. XVIII: 1, 3.

³⁵ Callmer J. Trade beads... С. 67, рис. 1: 2.

³⁶ Львова З. А. Стекланные бусы... С. 67, рис. 1: 2.

³⁷ Кузьмин С. Л. Оредежские сопки ... С. 23.

КЕРАМИКА “ЛАДОЖСКОГО ТИПА” В СКАНДИНАВИИ.*

Характерной чертой большинства исследованных поселений последней четверти I тыс. н. э. Приильменя и Поволховья является наличие в их керамическом комплексе посуды с четко выраженным переломом, часто ребром, при переходе от плечика к конически сужающейся нижней части сосуда, приходящемся на верхнюю треть или четверть высоты, и выделенной шейкой. Отдельные экземпляры, различаясь в деталях, сохраняют указанные объединяющие черты. Все горшки сделаны без применения гончарного круга из глины со значительным включением дресвы в тесте. С семидесятых годов, после работ Я. В. Станкевич, посвященных керамике Старой Ладogi,¹ в литературе за сосудами с резким переломом профиля закрепилось название керамика “ладожского типа”.

Самые ранние “ребристые” сосуды на территории Северо-Запада России происходят из Старой Ладogi, где они присутствуют с момента возникновения поселения, то есть с середины VIII в. Этот вид посуды составляет около половины всех сосудов древнейшего пласта культурного слоя Ладожского городища². Начиная с IX в “ребристые” сосуды стали изготавливаться на поселениях Верхнего Поволховья (Холопий городок, Рюриково городище) и в бассейне р. Мсты (селище Золотое Колено). На р. Шелони (Куклинское городище), на памятниках верховьев р. Луги и р. Мологи она отмечена в культурных напластованиях конца IX-X вв. На целом ряде поселений центрального Приильменя и Поволховья (Рюриково городище, Холопий городок, Новые Дубовики, Прость, Васильевское, Золотое Колено, Нестеровичи), в том числе и нижних слоях Новгорода, горшки “ладожско-

го типа” составляют значительную часть лепной посуды, определяя своеобразие керамического комплекса памятников³. Посуда “ребристых” форм встречена во многих погребениях в сопках (близ Старой Ладogi⁴, у пос. Деревяницы под Новгородом, у д. Золотое Колено⁵ и д. Заручевье в бассейне р. Мсты, а также в ряде сопки верховьев р. Мологи⁶). Следует отметить, что горшки с выраженным “ребром” составляют подавляющее большинство погребальных урн из памятников в окрестностях пос. Любытино⁷. Керамика “ладожского типа” считается характерной чертой “культуры сопки”⁸, которую большая часть исследователей связывает с прильменскими словенами⁹.

В археологической литературе неоднократно отмечались близкие “ладожским” горшкам формы среди керамических материалов Скандинавии¹⁰. В основном, представление отечественных исследователей о керамике Швеции эпохи викингов и раннего средневековья базируется на фундаментальном труде Д. Селлинг, в котором собран и проанализирован весь имеющийся к началу 1950-х годов материал¹¹. В ее работе представлены фотографии целого ряда горшков подобных происхождения с Приильменя и Поволховья¹². Все они отнесены Д. Селлинг к группе AIV, состоящей из посуды, которая, по ее мнению, являлась продуктом местного производства. Однако, оставалось не совсем ясно, насколько “ребристые” сосуды типичны для памятников Швеции.

Непосредственное знакомство с керамическими материалами в фондах Государственного исторического музея в Стокгольме, показало, что среди инвентаря погребальных сооружений Средней Швеции имеется некоторое количество сосудов, которые по профилировке, формовочной массе, фактуре можно сопоставить с посудой “ладожского типа”. Наибольшее число таких изделий – одиннадцать было найдено в огромном некрополе Бирки, который расположен на острове Бьёрко оз. Меларен. Эти горшки, имеющие разную степень сохранности, происходят из десяти погребений: 2, 11а

и с, 103, 123, 131, 381, 533, 779 и 894с (рис.1, 2, 3: 1)¹³. Следует отметить также мискообразный сосуд из погребения 42, также имеющий аналогии в древностях Поволжья (рис.3: 4). Один «ребристый» горшок найден в кургане № 6 могильника Stora Dalby на соседнем с Биркой острове Адельсьё (рис.4: 3)¹⁴. Два сосуда близкие сосудам «ладожского типа» были обнаружены при раскопках могильников 116 (курган

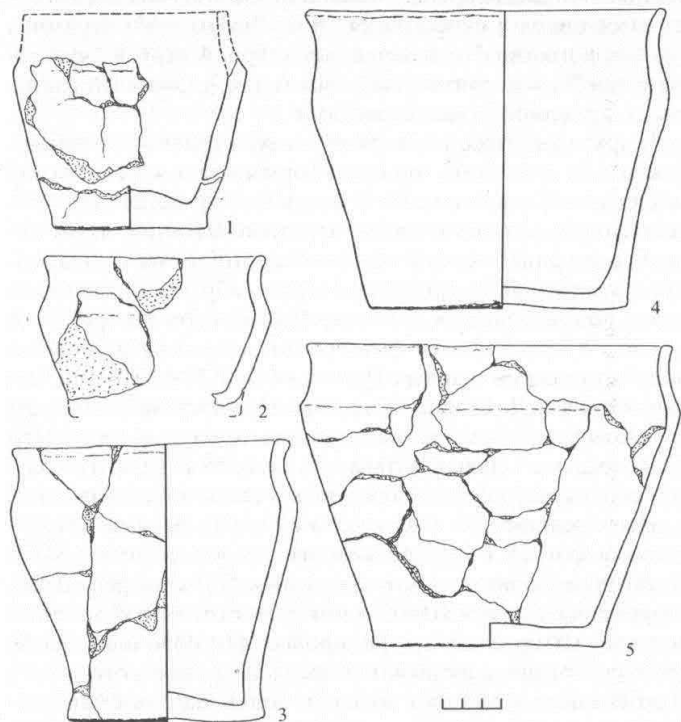

Рис.1. «Ребристая» керамика из погребений на о. Бирка: 1 - Вj 2; 2 - Вj 11а; 3 - Вj 11с; 4 - Вj - 103; 5 - Вj 131.

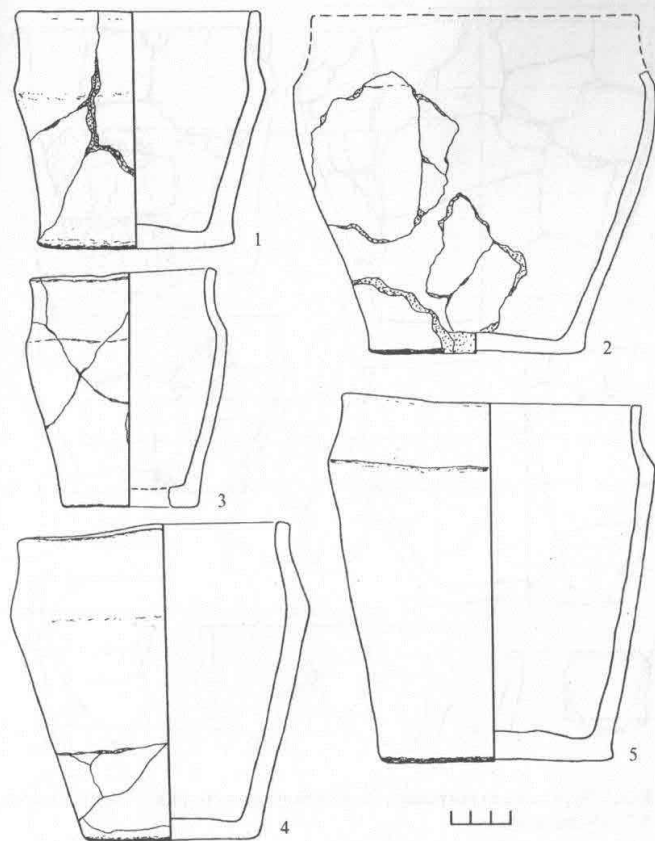

Рис.2. «Ребристая» керамика из погребений на о. Бирка: 1 - Вj 381; 2, - Вj 533; 3,5 - Вj 894; 4 - Вj 779.

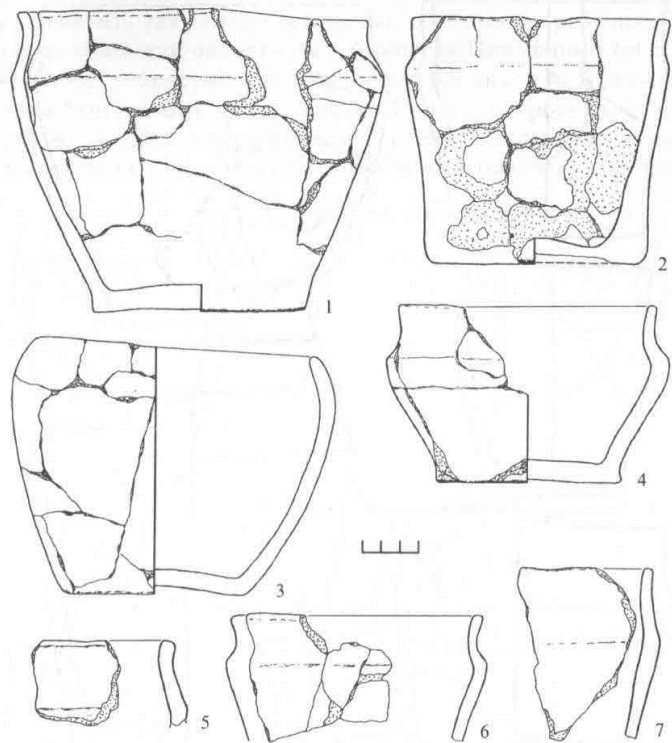

Рис.3. Керамика из погребений и поселения на о. Бирка : 1-3 - Bj 123; 4 - Bj 42; 5-7 - «Черная земля».

№ 30 погребение В)¹⁵ и 118 (курган № 42)¹⁶ на острове Хельгё, который расположен в 10 км к востоку от Бирки (рис.4: 1,2). Обломки еще двух, известных нам, «ребристых» сосудов происходят из могильника Tarv прихода Книвста¹⁷ (рис. 4: 4,5).

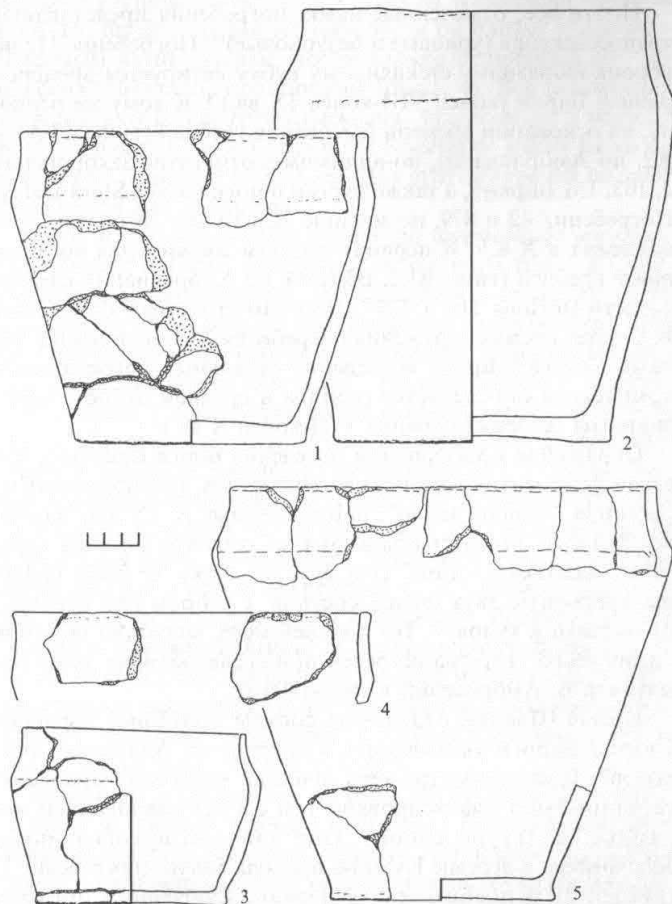

Рис.4. «Рибристая» керамика из погребений на о. Хельгё (1, 2), о.Адельсё (3) и могильника Книвста (4,5).

Почти все, отмеченные нами, погребения представляют трупосожжения (урновые и безурновые)¹⁸. Погребение 11с по воронкообразному стеклянному кубку датируется временем ранней Бирки (конец VIII-конец IX вв.)¹⁹. К тому же периоду, на основании времени бытования гребней (типы ad A1 и A2, по Амбросиани), по-видимому, относятся захоронения 2, 103, 131 Бирки²⁰, а также курган 6 могильника Stora Dalby. Погребения 42 и 879, по мнению Д. Селлинг, вероятно принадлежат к X в.²¹. К периоду поздней Бирки, судя по датировке гребней (типы B1:2, B3 и B4, по Амбросиани), следует отнести могилы 11а и 779²². Десятым столетием определяет Б. Сандер время сооружения погребения 30В могильника 116 на о. Хельгё²³. Время возведения остальных погребальных комплексов определяется ранним и средним этапом эпохи викингов (вторая половина VIII-конец X вв.).

Обращение к материалам поселения Бирка показало, что среди фрагментов верхних частей сосудов, происходящих из раскопок “Черной земли”, произведенных Х. Столпе в начале 1870-х гг. имеются обломки трех горшков близких керамике “ладожского типа” (рис.3: 5-7)²⁴. Здесь же были найдены фрагменты двух стенок сосудов с ребром при переходе от плечика к тулову²⁵. По крайней мере, еще один обломок “ребристого” горшка встречен при исследованиях этого памятника Б. Амбросиани в 1990-1995 гг.

Кроме Швеции отдельные сосуды подобные горшкам Старой Ладogi указывались в древностях Аландских островов²⁶. При просмотре керамических коллекций архипелага, нами было зафиксировано три сосуда аналогичных керамике “культуры сопок”. Они найдены в могильниках Johannisberg в деревне Kvarnbo прихода Saltvik (погребение 1) (рис. 5: 3), Knösbuskarna в деревне Svartsmara прихода Finström (курган 34) (рис.5: 1) деревне Västergårds Söderåker в деревне Karrböle прихода Jomala (курган 3) (рис.5: 2), находящегося в разных частях о. Аланд²⁷. Еще один горшок²⁸, происходящий из кургана 109 могильника Långängsbacken,

который располагается рядом с замком Kastelholm прихода Sund. По профилировке верхней части он близок к рассматриваемым нами сосудам, но несколько отличается от “ладожских” по своим пропорциям (рис.5: 4). Все погребения представляют собой трупосожжения. Захоронения в могильниках Johannisberg и Västergårds Söderåker могут быть по инвентарю отнесены к IX-X вв. Два других кургана не дают материалов для датировки.

Итак, насколько можно судить по имеющимся материалам, сосуды близкие керамике “ладожского типа” в Скандинавии немногочисленны. Их всего десять среди 603 определенных по типам сосудов происходящих из погребений Бирки. Они редко встречаются в материалах рядовых могильников Швеции эпохи викингов²⁹. Не представлены “ребристые” сосуды в древностях этого региона вендельского периода. Следует отметить, что в своей работе Д. Селлинг отмечает близость сосудов из погребений 381, 779, 894с лепной керамике памятников северной части междууречья Эльбы и Одера, при этом она не исключает для горшков из захоронений 779 и 894с возможности “восточного влияния”³⁰. Для мискообразного сосуда погребения 42 Д. Селлинг предполагает вероятность восхождения к образцам, происходящим с южного побережья Балтики³¹. Суммируя все сказанное, можно заключить, что имеющиеся данные не дают оснований для недавно высказанного предположения о “скандинавских истоках” традиции изготовления сосудов с изломом при переходе от верхней части к тулову³².

Нельзя не остановиться на сходстве сосудов “ладожского типа” с посудой южного побережья Балтийского моря. Близость профилированных горшков Приильменя и Поволховья западнославянским керамическим материалам неоднократно отмечалась исследователями³³, но, к сожалению, детального сравнительного анализа этих коллекций до сих пор не проделано. Рассматривая различные взгляды на генезис керамики “ладожского типа”, следует признать, что в

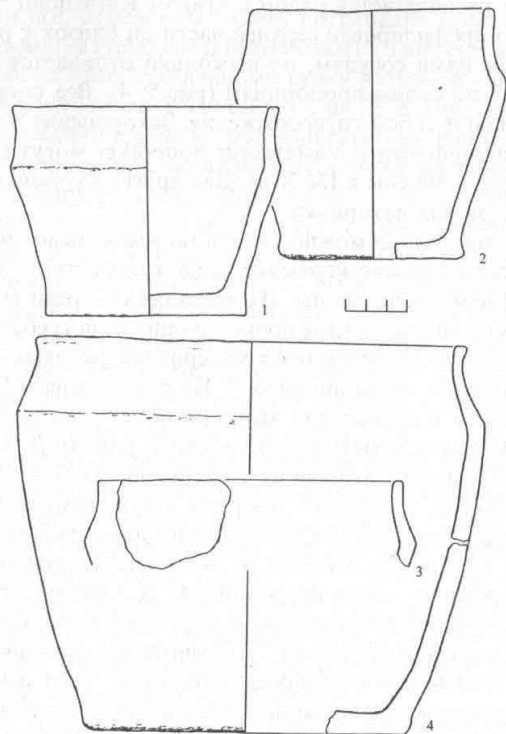

Рис.5. «Ребристая» керамика из погребений на о. Аланд.

настоящее время западнославянский вариант выглядит наиболее вероятным, несмотря на различия в способе изготовления и орнаментации горшков. Нельзя исключать возможности скандинавского «посредничества» в распространении в северное Поволжье традиции изготовления «ребристой» керамики³⁴. Однако, объяснение присутствия рассматриваемой посуды в Швеции южными связями викингов, не явля-

ется убедительным, поскольку в древностях южной Скандинавии, тесно связанной с землями по ту сторону Балтики, подобных сосудов нам не известно³⁵.

Таким образом, на наш взгляд, появление «ребристых» горшков в раннесредневековых памятниках Скандинавии явилось следствием ее широкого бытования в Северной Руси. Очень важным представляется тот факт, что горшки «ладожского типа» найдены, в основном, в Бирке – старейшем и крупнейшем торговом и ремесленном центре Швеции эпохи викингов, его ближайшей округе, а также на Аландах, являющихся промежуточным пунктом морского пути, связывающего Скандинавию и Русь.

Уже более двух столетий начальный период взаимоотношений между Русью и Скандинавией является объектом пристального внимания историков и археологов. Обильный и разнообразный археологический материал (украшения, принадлежности костюма, предметы вооружения, амулеты, погребальный обряд) привлекается для изучения различных сторон связей между этими регионами. При рассмотрении вопроса об области, из которой на Русь поступали скандинавские вещи исследователи единодушны – таким районом, особенно для раннего и среднего периода эпохи викингов, считается Средняя Швеция и Аландские острова³⁶. Примечательным свидетельством тесных связей Поволжья с этой территорией явилась находка в окрестностях Новгорода фибулы типа Вальста. Эти застежки производились в Бирке и распространялись «вдоль восточных путей вплоть до истока Волхова»³⁷. Имеются многочисленные следы и обратного движения³⁸. Важный факт, говорящий о связях с Восточной Европой содержится в уже упомянутом кургане 3 могильника Västergårds Söderåker на о. Аланд. Здесь, кроме горшка, фрагментов гребня, бубенчика, части бронзовой пряжки или кольцевидной фибулы, глиняной лапы, бронзовых заклепок, сердоликовых, хрустальных и стеклянных бус была найдена костяная копоушка – предмет, характерный для древностей поволжских и прикамских финнов³⁹.

На фоне этих тесных контактов и следует рассматривать появление в Скандинавии сосудов “ладожского типа”. Лепные горшки являлись продуктом домашнего производства, а не специализированного ремесла, и предназначались для удовлетворения внутренних потребностей общины. Простые грубые сосуды не были предметом торговли. В силу не очень большой прочности они не могли предназначаться для перевозки на большое расстояние, хотя нельзя полностью отрицать возможности таких перемещений. Возможно, ответ на вопрос о том, являются ли “ребристые” горшки привозными дадут технологические анализы сосудов. Более вероятным в настоящее время является предположение об их изготовлении на месте в Швеции.

Кто были мастерицы⁴⁰, изготовившие эти изделия? Были ли они восточнославянскими рабынями викингов, скандинавками, подражающими привозным образцам, или участницами купеческих команд, приехавших из Северной Руси, определить не возможно. В некоторых конкретных случаях можно лишь высказать более или менее правдоподобные предположения. Важные данные для рассуждения на эту тему возможно в дальнейшем даст анализ погребальной обрядности.

Заслуживающие особого внимания материалы, связанные с “ребристой” керамикой предоставили раскопки насыпи 30В могильника 116 на о. Хельгё⁴¹. Этот курган является одним из самых больших сооружений памятника. Он имел диаметр 12 м и высоту 1,5 м. В юго-западной части насыпи располагался самый крупный и мощный в могильнике слой кремации (диаметр 2 м, толщина до 0,6 м), имеющий округлую форму. В его центре находился горшок, который является самым крупным из встреченных на памятнике сосудов. Он имел четкий перелом при переходе от плечика к тулову⁴². Горшок был заполнен кальцинированными костями, которые принадлежали мужчине 40-50 лет. Среди погребального инвентаря следует отметить почти 200 фрагментов заклепок и гвоздей⁴³, а также обломки подлощенного орнаменти-

рованного финского сосуда (Тип АIII: 1b, по Д. Селлинг)⁴⁴. В южной части насыпи к каменной обкладке примыкала прямоугольная конструкция размерами около 2 x 1,7 м с каменными плитами на концах, заполненная мелкими камнями и гравием, а также со столбовыми ямками на каждой из коротких сторон. Шведские ученые называют это сооружение “южными воротами” (“south gate”) или “дверью мертвеца” (“dead man’s door”). В насыпи кургана были найдены единственные в могильнике не обожженные человеческие кости. Они принадлежали женщине 18-20 лет. Б. Сандер предполагает, что здесь имело место жертвоприношение, и молоду женщину погребли во время похоронной церемонии. По мнению шведского ученого, многие детали как внутреннего, так и внешнего устройства могилы наводят на мысль об особом статусе умершего⁴⁵. Необыкновенный погребальный обряд, зафиксированный при изучении этого кургана, невольно вызывает ассоциации с похоронами руса, описанными Ибн-Фадланом⁴⁶. В свете имеющейся информации, предположение о том, что в раскопанной насыпи покоились остатки одного из предводителей торговых экспедиций по “Восточному пути” не кажется бесосновательным. Данные обстоятельства объясняют и появление “ребристого” горшка в этом могильнике.

Интересные сведения для исследования проблемы появления “ладожской” посуды в Швеции может предоставить курган 123 Бирки. Здесь в одном месте насыпи был найден горшок аналогичный керамике Поволховья (рис. 3: 1). В другой части могильного холма было зафиксировано два сосуда (рис. 3: 2,3). Один из них представлял собой типичный для Скандинавии сосуд с загнутый внутрь венчиком (тип AIV:3a1, по Д. Селлинг), а второй имел “гибридный” характер⁴⁷. Профилировка верхней части этого горшка обычна для “ладожской” посуды, в то время как пропорции тулова и формовка придонной части свидетельствует скорее о местном подражании славянским горшкам.

Задачей дальнейших исследований является выявление в керамических материалах Скандинавии горшков, формы которых характерны для других регионов Восточной Европы, что позволит определить особенности во взаимоотношениях викингов с различными территориями.

* Работа выполнена при поддержке Совета Министров Северных стран ("The Nordic Scholarship Scheme for The Baltic Countries and Northwest Russia") и Королевской Шведской Академии наук (Research grant: "Cooperation between Sweden and the former Soviet Union"). Пользуясь случаем поблагодарить И. Янссона за всестороннюю помощь в работе.

¹ Станкевич Я. В. Керамика нижнего горизонта Старой Ладого. // Советская Археология, 1950, Т. XIV; Она же. Классификация керамики древнейшего культурного слоя Старой Ладого. // СА, 1951, Т. XV.

² Давидан О. И. Материальная культура первых поселенцев древней Ладого (из коллекций Государственного Эрмитажа). // Петербургский археологический вестник, 1994, №9. С.165.

³ Носов Е. Н. Поселение у волховских порогов. // КСИА, 1976. Вып. 146. С. 77, рис. 1: 2-4,7; Носов Е. Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990. С.134-136,178, 180. Рис.54,55,66,70; Носов Е. Н., Плохов А. В. Холопий городок на Волкове. // Древности Поволжья. СПб., 1997. С.137,138; Носов Е. Н., Плохов А. В. Поселение Золотое Колоно на Средней Мсте. // Материалы по археологии Новгородской земли. М., 1991. С.128; Конецкий В. Я. Комплекс памятников у д. Нестеровичи (к вопросу о сложении локальных центров конца I-начала II тыс. н. э. в бассейне р. Мсты). // М. 1991. С.102. Рис.7; Смирнова Г. П. Лепная керамика древнего Новгорода. // КСИА, 1976. Вып.146.

⁴ Петренко В. П. Погребальный обряд населения Северной Руси VIII-X вв. Сопки Северного Поволжья. СПб., 1994. С.71. Рис.29:3,4; Кузьмин С. Л. Сопка у д. Новые Дубовики. // Древний Псков. Исследования средневекового города. СПб., 1994. Рис.1: 17-19.

⁵ Носов Е. Н., Плохов А.В. Поселение ... Рис.2:1,8.

⁶ Исланова И. В. Сопки бассейна Мологи и Верхней Мсты. // КСИА, 1986, Вып. 187. Рис.3.

⁷ Конецкий В. Я., Носов Е. Н. К вопросу о сложении административных центров конца I тыс. н. э. в восточных районах Новгородской земли. // Славяно-русские древности. Вып. 3. Проблемы истории Северо-Запада Руси. СПб., 1995. С.48. Рис.4.

⁸ Конецкий В. Я. Некоторые вопросы исторической географии Новгородской земли в эпоху средневековья // Новгородский исторический сборник. Л.,

1989. Вып.3 (13). С.5,18; Конецкий В. Я. Новгородские сопки в контексте этносоциальных процессов конца I - начале II тыс. н.э. // НИС 4(14). Л. 1993. С. 18.

⁹ Седов В. В. Восточные славяне в VI-XIII вв. М. 1982. 64-66; Носов Е. Н. Новгородская земля IX-XI вв. (Историко-археологические очерки). // Автореферат докторской диссертации. СПб., 1992. С.11; Конецкий В. Я. Славянская колонизация Северо-Запада в отечественной исторической и археологической литературе. // НиНЗ ИиА, Вып.12. Новгород, 1998.

¹⁰ Давидан О. И. Материальная культура ... С.165; Петренко В. П., Шитова Т. Б. Любанское городище и средневековые поселения Северного Поволжья. // Средневековая Ладога. Новые открытия и исследования. Л., 1985. С.188; Носов Е. Н. Новгородское (Рюриково) городище... С.137.

¹¹ Selling D. Wikingerzeitliche und frühmittelalterliche keramik in Schweden. Stockholm. 1955.

¹² Selling D. Wikingerzeitliche ... Taf.45: 4-8; 55: 3,6.

¹³ Фонды Государственного Исторического музея, Стокгольм: SHM Bj 2, Bj 11с.f, Bj 103, Bj 123с, Bj 131, Bj 381, Bj 533, Bj 779, Bj 894с.

¹⁴ Rudh U. Förhistoriska undersökningar på Adelsö. Stockholm, 1936. S.45. Fig. 92 (SHM 15729: 6).

¹⁵ Sander B. Excavations at Helgö XIII. Stockholm, 1997. P.29, 31, 74. Fig.2: 28. Фонды Государственного Исторического музея. Стокгольм: SHM 26969: 30В: 3,18,22.

¹⁶ Фонды Государственного Исторического музея. Стокгольм: SHM 30710: 42: 6.

¹⁷ Фонды Государственного Исторического музея. Стокгольм: SHM 28797: 102: 3 и 13.

¹⁸ Исключением является погребение Bj 533 представляющее собой грунтово-трупоположение. Здесь обломки глиняного сосуда были найдены в заполнении ямы.

¹⁹ Selling D. Wikingerzeitliche ... S.56,57,188; Jansson I. Olvala spånubucklor. En studie av vikingatida standardsmycken med utgångspunkt från Björköfynden. Uppsala, 1985. S.125f; Д. Селинг датировала это погребение серединой - второй половиной IX в. н. э., исходя из традиционного для того времени определения границ викингского периода.

²⁰ Ambrosiani K. Viking Age combs, comb making and comb makers in the light of finds from Birka and Ribe. Stockholm studies in archaeology. 2. Stockholm, 1981. P.25-29, 65, 74, 75.

²¹ Selling D. Wikingerzeitliche ... S.164.

²² Ambrosiani K. Viking Age combs ... P.25, 27-29, 65, 75-77.

²³ Sander B. Excavations at Helgö ... P.73, 74.

²⁴ Фонды Государственного Исторического музея. Стокгольм: SHM 5208: 2372e,d.

²⁵ Там же: SHM 5208: 2372e.

²⁶ Петренко В. П., Шитова Т. Б. Любанское городище ... С.188.

²⁷ Фонды Аландского музея: AM 459v: 13, 45: 61, 405: 11. Благодарю М. Карлссон и Я.-Е. Томтлунда за предоставленную возможность ознакомиться с материалами музея.

²⁸ Там же: AM 397: 194.

²⁹ Просмотр обширных керамических коллекций Государственного Исторического музея в Стокгольме, которые существенно пополнились в последние десятилетия в результате раскопок рядовых могильников, еще не завершен, но трудно предполагать, что количество "ребристых" горшков значительно увеличится.

³⁰ Selling D. Wikingerzeitliche ... S.164,166.

³¹ Selling D. Wikingerzeitliche ... S.166.

³² Петров Н. И. Поволхове и Ильменское Поозерье в IX-X вв. СПб. 1996. С.26.

³³ Смирнова Г. П. К вопросу о датировке древнего слоя Неревского раскопа Новгорода. // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С.167; Седов В. В. Новгородские сопки. // САИ (Вып. Е1-8). М., 1970. С.24,26; Седов В. В. Восточные славяне ... С.64; Носов Е. Н. Новгородское (Рюриково) городище... с.164

³⁴ Петров Н. И. Поволхове... С.27.

³⁵ См. например: Ohlsson T. The Löddeköpinge Investigation I. The Settlement at Vikhögsågen // Papers of the Archaeological Institute University of Lund 1975-1976. New Series. Vol.1. 1976. P.122-135.

³⁶ Стальсберг А. Женские вещи скандинавского происхождения на территории Древней Руси // Труды V МКСА. М., 1987. Т.III. Вып.16. С.74; Стальсберг А. Проблемы культурного взаимодействия Руси и Скандинавии в VIII-XI вв. (по археологическим собраниям СНГ). // Археологические Вести, 1994, №3. С.196; Янссон И. Контакты между Русью и Скандинавией в эпоху викингов. // Труды V МКСА. М., 1987. Т.III. Вып.16. С.120,121; Янссон И. Скандинавские находки IX-X вв. с Рюрикова городища. // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М., 1999. С.34, 38.

³⁷ Амбросиани Б., Гайдуков П.Г., Носов Е.Н., Янссон И. Первая находка скандинавской равноплечной фибулы типа Вальста на Руси. // Археологические Вести, 1994, №3. С.115.

³⁸ Янссон И. Контакты между Русью ... С.126-131.

³⁹ Фехнер М.В. Изделия косторезного производства. // Ярославское Поволжье X-XI вв. М. 1963. С.40-42; Архипов Г.А. Марийцы IX-XI вв. К вопросу о происхождении народа. Йошкар-Ола, 1973. С.57; Иванова М.Г. Хозяйство северных удмуртов в начале II тыс. н.э. Ижевск, 1979. С.50-53; Леонтьев А.Е. Археология мери. К предистории Северо-Восточной Руси. М., 1996. С.147-150.

⁴⁰ По этнографическим данным у восточных славян, как и других народов, изготовлением посуды в рамках домашнего производства занимались почти повсеместно женщины (Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М., 1978. С.26; Шнирельман В.А. Ар-

хеологическая культура и социальная реальность (проблема интерпретации керамических ареалов). Екатеринбург, 1993. С.8).

⁴¹ Sander B. Excavations at Helgö ... P.27,29,31,52,53,57,73,74,93. Fig.2: 26-28; 3: 4-6.

⁴² Sander B. Excavations at Helgö ... P.74,75. Fig.2: 28. Горшок имеет, в отличие от большинства керамики "ладожского типа", несколько более широкое дно. Эта черта говорит, с большой долей вероятности, о местном производстве данного сосуда, поскольку она типична для основной массы скандинавской керамики. Отличие в пропорциях между посудой Северной Руси и Швеции обусловлено, по-видимому, от способа приготовления пищи и типа отопительного устройства. Копоть и нагар отмечен на значительной части внутренней поверхности горшка, а также небольшой части внешней. Сосуд треснул, очевидно, в процессе эксплуатации и был использован в качестве урны. (SHM 26969: 30B: 3,18,22).

⁴³ Такое количество заклепок и гвоздей свидетельствует об использовании в погребальной церемонии ладьи или ее части (Сорокин П.Е. Водные пути и судостроение на Северо-Западе Руси в средневековье. СПб., 1997. С.81; Стальсберг А. О скандинавских погребениях с лодками эпохи викингов на территории Древней Руси. // Историческая археология. Традиции и перспективы. М., 1998. С.278,279).

⁴⁴ Фонды Государственного Исторического музея. Стокгольм: SHM 26969: 30B: 2,9,18. Последняя находка является дополнительным свидетельством связей населения о. Хельгё с восточной Балтикой. См.: Selling D. Wikingerzeitliche ... S.140-155. Taf.38: 5,7; 39.

⁴⁵ Sander B. Excavations at Helgö ... P.31,52,74.

⁴⁶ Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. Харьков, 1956. С.143-146.

⁴⁷ Фонды Государственного Исторического музея. Стокгольм: SHM Vj 123a.

КОТОРЫМ ЖЕ КНЯГИНЯ ОЛЬГА ВНИМАЛА ГУСЛЯМ?¹

“Иде Олга к Новугороду, и устави по Мсте погосты и дани...” - сообщает летописец в лето от сотворения Мира 6455-е, что соответствует 947 г. от рождества Христова.²

В начальном периоде русского летописания отмечались, как правило, общезначительные события. И вопрос о музыке, о музыкальных инструментах был, едва ли не впервые, затронут в летописи под 1015 г., то есть несколькими десятилетиями позже “хождения Олгина к Новугороду”. Этот вопрос приобрел важность в связи с осуждением православной христианской церковью тех традиций, в частности музыкальных, которые составляли наследие язычества.

Так, игумен Печерского монастыря, Феодосий, войдя в палаты князя Святослава Ярославича, был изумлен, ибо “...многия играюща пред нимь. Овы гоусльняы гласы испоушающем. Другия же оръганьныя гласы поющем. И инемь замарьныя пискы гласящем. И тако въсем играющем и веселящемься. Яко же обычай есть пред князьмь”.³ Текст краток, содержателен. Из него, например, можно почерпнуть сведения об ансамблевом музицировании в Древней Руси. В нем говорится о бытовавших в аристократической среде на Руси зарубежных музыкальных инструментах - органе и замре. В нем одновременно говорится и об инструменте, прославленном в русской народной поэзии - гусях. А главное - в нем прямо сказано о том, что игра на музыкальных инструментах, в частности на гусях, с песнями и весельем, за которыми подразумеваются пляски и игры - все это было в обычае перед князьями. Значит, можно уверенно представлять, что за сто и более лет до написания приведенного текста было в обычае музицировать перед князьями. Следова-

тельно, и княгине Ольге доводилось участвовать в различных церемониях, оформленных звучанием музыкальных инструментов.

Вместе с тем текст о музицировании пред князьями ныне не во всем понятен. Он не столь конкретен, как может показаться поначалу. К примеру, под словом “орган” в Европе нередко подразумевались музыкальные инструменты вообще. Так же и слово “гусли” у славянских народов применялось к самым разным типам музыкальных инструментов, вплоть до духовых. Так было в древности. Что не случайно отметил в своем выдающемся труде о гусях А. С. Фаминцын.⁴ Лишь позднее у южных и западных славян название “гусли” закрепилось за смычковыми инструментами, а у восточных славян, у русских - за щипковыми. Но и щипковых гуслей в русской истории известно несколько типов. Отсюда напрашивается вопрос: каким же “гусленым гласам”, каким конкретно инструментам внимали в дохристианское время русские князья? Княгини Ольги такой вопрос касается особо. Ведь детство Ольги до 10 лет проходило в Псковском крае, где еще и в XX в. сохранялась традиция игры на гусях звончатых. Мало того. Спустя 43 года, уже после смерти своего мужа - князя Игоря Рюрикovichа - Ольга, устанавливая по Мсте и Луге погосты и дани, прошла вплоть до Пскова опять-таки по тем местам, где поныне памятна игра на традиционных гусях. Одно из таких мест в Новгородской области - это поселок Любытино, иначе, древнее село Белое с прилегающими к нему селениями; тут же и село Княжее.

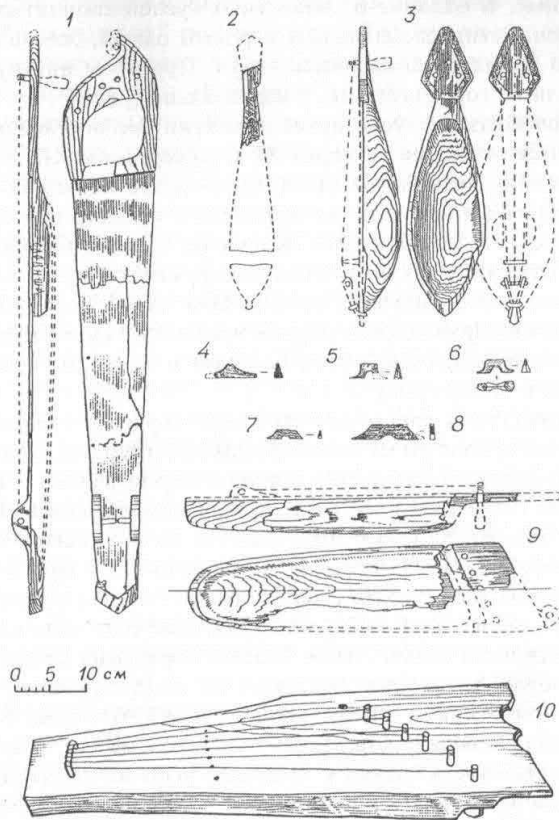
Казалось бы, ответ готов: коль скоро в этих краях традиционно строили гусли, играли на них, значит, их устройство, как и обрядовые их наигрыши, пришли из глубокой древности. Однако под натиском времени народные песенные и плясовые формулы оказались более устойчивы, нежели типы и очертания музыкальных инструментов. Из наиболее близких этому и очевидных примеров можно вспомнить тот, когда

звонкоголосая гармонь, едва родившись, вдруг стала вытеснять из жизни, служившие, казалось, верой и правдой гусли. При этом она вобрала в себя основной набор гусельных обрядовых наигрышей. Но, может быть, случай с гармонью - это исключение? И, может быть, ничего подобного с гусями прежде не случалось? Тем более, что гусли в веках именовались гусями? - Случалось, хотя и несколько иначе.

В селениях Новгородской, Псковской и отчасти соседних областей традиционными в XVII-XX вв. оставались гусли звончатые (по классификации К. А. Верткова - гусли крыловидные). Это инструмент с веерообразно расположенными струнами. Он строился с помощью подручного плотницкого инструментария. Его голосной ящик долбился из цельного куска дерева, затем накрывался тонкой дощечкой - палочкой. Струны количеством не менее пяти, изготовлявшиеся из бараньих кишек или из металла, крепились одним концом к вращающимся колкам, другим - к стержню-струнодержателю (рис. 10).

Этнографических образцов описанных гуслей ранее XVIII в. не сохранилось. Исследования археологов в Любытинском или иных районах сведений о древнем местном музыкальном инструментарии пока что не принесли. Поэтому, строго говоря, никто не знает, когда и каким образом возникла, скажем, в том же Любытинском районе, гусельная традиция. Сходные по конструкции гусли археологически отмечаются уже не в сельской местности, а в условиях Великого Новгорода. Они относятся к времени XIV - XV вв. (рис. 9). И лишь основываясь на конструктивной связи между древними городскими и поздними сельскими образцами гуслей, можно предполагать непрерывность означенных гусельных традиций.

В более нижних культурных напластованиях в Новгороде также обнаруживаются гусли, но они весьма неожиданны по форме. До археологического открытия невозможно было таковых представить в русской культуре. Это - гусли лиро-

1. Гусли лирообразные с надписью "СЛОВИША". Середина XI в.
2. Обломок гудка однострунного (?). рубеж X-XI вв.
3. Гудок трехструнный. Вторая половина XII в.
4. Кобылка гудка однострунного. Начало XI в.
- 5-7. Кобылки гудков трехструнных. Середина X в.
8. Кобылка гудка трехструнного. Рубеж X-XI вв.
9. Гусли звончатые. Вторая половина XIV в.
10. Гусли звончатые. XIX-XX вв.

образные. В отличие от известных гуслей звончатых они были снабжены специальным игровым окном, сквозь которое во время игры касались струн. При этом инструмент держали не горизонтально, а вертикально (рис. 1).

Лирообразные гусли археологически бесспорно прослеживаются от первой четверти XI в. до середины XIII в. Значит, начало времени их бытования - а это плюс два - три десятилетия до попадания предмета в культурный слой - можно отнести к концу X в. Кроме того, среди находок деталей струнных музыкальных инструментов имеются два колючка, извлеченные из слоя начала XI в.⁵ Если хотя бы один из них принадлежал лирообразным гуслиям, то время их бытования окажется совсем близким к времени "хождения Ольгина к Новгороду".

Предыстория лирообразных гуслей теряется в общей великой истории игры на лирообразных инструментах. Различные конструктивные идеи щипковых лир проникли в Европу через Античную Грецию от цивилизаций Древнего Египта и Месопотамии. По свидетельству византийского историка Феофилакта Симокатты, во Фракии в 591 году в плен были взяты трое славян. Вместо оружия они имели при себе кифары, иначе, лиры.⁶ К сожалению, даже если видеть в них прибалтийских славян, из-за большого разрыва во времени невозможно установить, являлись ли их инструменты прямыми прототипами лирообразных гуслей, открытых в слоях XI в. в Польше и Новгороде.⁷ Хотя, разумеется, факт давней причастности славян к традиции игры на лирах весьма красноречив. Пусть в общем плане, но он делает не случайными находки лирообразных гуслей в слоях XI-XIII вв.

Следовательно, из числа нескольких исторически существовавших у русского народа щипковых гуслей княгине Ольге если доводилось видеть и слышать какие-либо, то это были именно гусли лирообразные. Их она могла бы слышать не только по той причине, что они близки к ней по времени, но также и потому, что в знатной среде бояр, дружинных

богатырей и князей прежде, нежели где-либо знали о подобных "благородных" инструментах. Такому впечатлению особенно способствовали археологические открытия музыкальных древностей в Новгороде в 1994г.

Значение открытий 1994 г. до конца еще не скоро будет осознано. Ведь это свидетельства музыкального инструментария первопоселенцев Новгорода. Это напластования X в. Открытые в них различные вещи, свидетельства музыкальной культуры в частности, их сложная конструкция, их утонченный художественный язык, высокий уровень качества - все говорит о их принадлежности родовой знати.

Среди обнаруженных в этот год вещей самые древние извлечены из слоя середины X в. Ими оказались изящные деревянные кобылки, иначе, подставки для трехструнных смычковых музыкальных инструментов (рис. 5-8). В обиходе русского народа, в его устной поэзии смычковый инструмент до позднего времени сохранял название "гудок" (рис. 2-3). Известно также, что в рукописях XV-XVI вв. смычковый инструмент обозначался словом "смык". Название "гудок" представляется более изначальным; этимологически оно, как и название "гусли", восходит к словам "гудити" и "густы". Не исключено, что в ранние века на Руси за смычковыми инструментами могло еще сохраняться общеславянское название - "гусли", пусть даже и при параллельном наименовании "гудок". К такому предположению склоняет следующий факт.

В том же 1994 г. в слое начала XI в. была обнаружена необычная кобылка: вместо трех засечек для струн у нее имелась лишь одна прорезь, то есть она принадлежала однострунному смычковому инструменту (рис. 4). Что, быть может, указывает на раннюю связь новгородских словен с южными славянами, где традиционный однострунный смычковый инструмент издавна носит название - "гусли", "гусле", "гусли". Причем, как отмечалось выше, "гусли" - это характерное у южных славян наименование вообще смычковых музыкальных инструментов.

Таким образом, бесспорно современными княгине Ольге являлись древние новгородские смычковые музыкальные инструменты, которые в то время могли именоваться гуслими. Она внимала им. И они в руках скоморохов, профессиональных гудцов, гудели, ибо таков был обычай перед князьями.

Вообще понятие “гусли” в русской традиции - и устной, и письменной - многогранно и емко. Вот почему, возвращаясь к заглавию, “Которым же княгиня Ольга внимала гуслим?”, надо сказать и о его иносказательном смысле. Спустя всего лишь несколько лет после походов на Мсту и Лугу княгиня Ольга, приняв крещение в Цареграде, внимала уже не языческим, а христианским гуслим.

¹ Настоящее исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 96-01-00447).

² ПСРЛ. Софийская первая летопись по списку И.Н. Царского. М., 1994. Т.39. С.19.

³ Цит. по: К.А. Вертков. Русские народные музыкальные инструменты. Л., 1975. С. 243

⁴ Фаминцын А.С. Гусли - русский народный музыкальный инструмент. СПб., 1890. С. 5.

⁵ Поветкин В.И. Новгород музыкальный по материалам археологических исследований. Древнейшие находки 1994 г. // НиНЗ ИиА. Вып. 9. Новгород, 1995. С. 158, 164-165.

⁶ Поветкин В.И. О происхождении гуслей с игровым окном (из опыта восстановительных работ). // История и культуры древнерусского города. М., 1989. С. 122-126.

⁷ Поветкин В.И. Новгород музыкальный по материалам археологических исследований. Древнейшие находки 1994 г... С. 157-169.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АС - Археологический съезд.
АСГЭ - Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.
ГИМ - Государственный исторический музей.
ИА РАН - Институт археологии Российской Академии Наук.
ЗОРСА - Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества.
ИИМК РАН - Институт истории материальной культуры Российской Академии Наук.
КСИА - Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.
МИА - Материалы и исследования по археологии СССР. М.
МКСА - Международный конгресс славянской археологии.
НГОМЗ - Новгородский государственный объединенный музей-заповедник.
НиНЗ ИиА - Новгород и Новгородская земля. История и археология.
НИС - Новгородский исторический сборник.
НОЛД - Новгородское общество любителей древности.
НПК - Новгородские писцовые книги.
НПЛ - Новгородская первая летопись.
СА - Советская археология. М.
САИ - Археология СССР: свод археологических источников. М.
ТАС - Тверской археологический сборник.
ТГИМ - Труды Государственного исторического музея. М.
ТГЭ - Труды Государственного Эрмитажа. Л.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Янин В. Л.</i> Предисловие	3
<i>Носов Е. Н. (С.-Петербург), Конецкий В. Я. (Великий Новгород), Иванов А. Ю. (Любытино).</i> Комплекс археологических памятников в долине р. Белой в контексте древней истории Северо-Запада (итоги и перспективы изучения)	5
<i>Михайлов К. А. (С.-Петербург).</i> Находки раннесалтовской поясной гарнитуры в Новгородской области	67
<i>Башенькин А. Н. (Вологда).</i> Юго-западное Белозерье в IX-XI вв.	73
<i>Башенькин А. Н. (Вологда).</i> Исследование памятников I тысячелетия н. э. в бассейне Мологи	77
<i>Исланова И. В. (Москва).</i> Поселение Леонтьево I на оз. Мстино	83
<i>Кузьмин С. Л., Михайлова Е. Р. (С.-Петербург).</i> Новый тип погребальных памятников славянской колонизации Северной Руси	94
<i>Платонова Н. И. (С.-Петербург).</i> О погребальном обряде верхнелужских сопок (по материалам комплекса памятников у Передольского погоста)	116
<i>Плохов А. В. (С.-Петербург).</i> Керамика “ладожского типа” в Скандинавии	144
<i>Поветкин В. И. (Новгород).</i> Которым же княгиня Ольга внимала гуслиам?	160

ЛР № 010316
№ 43Д)03) от 26.05.1994 г.

У ИСТОКОВ НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ

Сдано в набор 17.05.2002. Подписано в печать 03.06.2002.
Формат 60x84^{1/16}. Гарнитура Time New Roman. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 9,8.
Тираж 300 экз. Заказ 1568.

Боровичская укрупненная типография.
174400, г. Боровичи, ул. А. Кузнецова, 37.